

01
С-35

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ**

Р. Р. Сикоев

**ПРЕССА
АФГАНСКОЙ
ЭМИГРАЦИИ**

14191

Москва
ИВ РАН
1999

ББК 76.12+60.7(5 Аф)
С 35

Ответственный редактор
М. Р. Арунова

Рецензенты:
А. Садовников
В. Кляшторина

С 35 Сикоев Р.Р.
Пресса афганской эмиграции. М.: Институт
востоковедения РАН. 1999. — 149 с.

ISBN 5-89282-137-4

В книге всесторонне исследуется ряд печатных изданий афганской эмиграции, выходящих в России, некоторых странах Азии, Европы, Америки, и приводится их политическая характеристика. На материале этих изданий раскрываются сложные этнополитические процессы, происходящие в афганской диаспоре и тенденции их развития. Особое внимание уделено перспективам участия афганских эмигрантов в социально-политической жизни послевоенного Афганистана.

ББК 76.12+60.7 (5 Аф)

ISBN 5-89282-137-4

© Р.Р. Сикоев, 1999
© Институт востоковедения
РАН, 1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Афганская диаспора — огромный конгломерат самых различных по своей идейно-политической ориентации, социальной и национальной принадлежности сил (численность ее в моменты эмиграционного пика достигала, по оценочным данным, более 6 млн человек, т. е. почти 1/3 населения довоенного Афганистана) — до последнего времени остается для российского исследователя terra incognita. Естественно, что при изучении проблем современного Афганистана столь широкий пласт его активного населения, в котором важную роль играет интеллектуально-политическая элита, некогда составлявшая истеблишмент прежних (до 1992 г.) режимов, не должен был оставаться без внимания.

Выяснение этнополитических процессов, происходящих в диаспоре, определение их тенденций, а главное — рассмотрение перспектив участия эмиграции в общественно-политической жизни будущего Афганистана — вот лишь небольшая часть вопросов, ответы на которые в определенной степени могли бы приблизить нас к пониманию того, какое политическое будущее ожидает Афганистан.

Вместе с тем главная трудность при изучении политического облика афганской эмиграции заключается в дефиците источников информации: газет, журналов, бюллетеней, книг и другой печатной продукции, которая в больших количествах издается афганской диаспорой, но, к сожалению, все еще остается недоступной для российского исследователя.

Появление в 1994 г. афганской эмигрантской прессы в России несколько изменило положение в лучшую сторону, однако не решило проблему в целом, поскольку эта часть эмигрантских изданий освещает ситуацию лишь в одном из ареалов афганской диаспоры, причем не самом многочисленном. Автору данной работы удалось проанализировать значительную часть эмигрантских газет и журналов, к сожалению, в виде разрозненных или большей частью одиночных экземпляров, вышедших после 1992 г.

Изучение их позиций в отношении событий в Афганистане и вокруг него, пропагандируемых ими путей и принципов мирного урегулирования и моделей послевоенного государственного устройства этой страны, позволяет, в частности, выяснить основные направления этнополитической и религиозной ситуации в афганской диаспоре, определить тенденции ее развития и, наконец, прогнозировать перспективы участия различных отрядов эмиграции в общественно-политической жизни будущего Афганистана.

Разумеется, автор не претендует на всестороннее и исчерпывающее освещение столь значительного феномена, как афганская эмигрантская пресса, поскольку за пределами данной работы остались десятки газет и журналов, и рассматривает данную работу лишь как начало исследования этой большой и важной проблемы.

Автор выражает глубокую признательность афганским друзьям и коллегам, предоставившим в его распоряжение целый ряд эмигрантских изданий, без чего данная работа не смогла бы состояться.

«Люди без родины, так же, как земля без людей, ничего не значат».

(Из эмигрантской газеты «Хавра»)

ВВЕДЕНИЕ

Последняя четверть века (1973–1998 гг.) в истории Афганистана была временем бурных и трагических социальных потрясений, в корне изменивших жизнь афганского общества.

Два государственных переворота 1973 и 1978 гг., многолетняя гражданская война, во многом вызванная иностранным вмешательством, и ожесточенная борьба за власть между лидерами различных военно-политических группировок — все это привело к разрушению прежних устоев государственной власти, бегству из страны миллионов афганцев, острейшему кризису в экономике, переменам в демографической и социальной структурах общества, резкому обострению идейно-политических и этнорелигиозных противоречий и, наконец, к поляризации общества.

За последние 7 лет (1992–1999) Афганистан превратился в арену военного противостояния, приобретшего четкие межэтнические, межконфессиональные черты, между группировками, обладающими наиболее сильным военно-политическим потенциалом и пользующимися поддержкой внешних сил, в первую очередь государств региона, каждое из которых преследует собственные геополитические цели.

С осени 1994 г. в решающей схватке за власть, от исхода которой будет зависеть будущая судьба афганского государства, столкнулись две главные силы: движение «Талибан» и антиталибская коалиция, выступающие под именем Объединенного национального исламского фронта спасения Афганистана.

Останется ли Афганистан унитарным государством с достаточно сильной централизованной властью, в котором по-прежнему господствующее положение будет занимать пуштунский этнос, или сепаратистские и автономистские тенденции этнических меньшинств воплотятся в создание федеративного или даже конфедеративного государства, будет ли это государство светским или теократическим, сохранится ли в Афганистане республиканский строй и президентская форма правления или произойдет реставрация монархии, или Афганистан,

как это уже официально провозгласили талибы, превратится в «исламский эмират» во главе с «повелителем правоверных»? Эти и многие другие вопросы, обсуждаемые на страницах афганской эмигрантской прессы, представляют практическую значимость не только для афганского народа, но и для стран региона, особенно ближайших соседей Афганистана, поскольку им далеко не безразлично, какая власть утвердится в этой стране и какую политику она будет проводить.

Пока в Афганистане продолжалась вооруженная борьба за власть, за его пределами в течение двадцати пяти лет сформировалась еще одна сила, которая играет и будет играть важную роль в социально-политической жизни афганского общества и потенциальные возможности которой невозможно сбрасывать со счетов при прогнозировании форм организации будущей государственной власти в Афганистане.

Эта сила — афганская эмиграция в странах Азии, Европы, Америки и даже Австралии, численность которой, по самым различным подсчетам, колеблется от 4,5 до 5 млн человек. Так, по данным ООН, на конец марта 1993 г. афганская диаспора продолжала оставаться «самой многочисленной в мире», а число беженцев только в двух странах — Пакистане и Иране — достигала 5 млн человек (к марту 1994 г. — 4 млн) [1]. По тем же данным ООН к началу 1990 г., когда эмиграция достигла своего пика, численность ее в этих странах доходила до 6,2 млн человек [2].

Кроме того, десятки тысяч афганцев осели в государствах Ближнего и Среднего Востока и остальной Азии (Китай, Индия, Египет, Саудовская Аравия, Иордания, Турция и др.); Европы (Франция, Германия, Англия, Дания, Нидерланды, Финляндия, Швейцария, Италия и др.), а также в США, Канаде, Австралии, Африке, России и странах СНГ. Статистические и другие данные о них можно найти в научной литературе по Афганистану и некоторых эмигрантских изданиях [3].

Разумеется, цифры о количественном составе афганской эмиграции как в целом, так и по отдельным странам нельзя рассматривать в качестве бесспорных, как, впрочем, и статистические данные о численности населения самого Афганистана, которые всегда носили оценочный характер. Даже такие официальные источники, как документы ООН, подчас не всегда отражают реальную картину численности афганской диаспоры, тем более, что она никогда не была какой-то застыв-

шей массой: процессы репатриации и миграции в ней шли постоянно и параллельно. Исход беженцев из Афганистана, равно как и процесс реадмиссии, продолжается и сегодня, хотя и не в таких крупных масштабах, как в 80-е годы. В последнее время отток беженцев из страны наблюдался в связи с активизацией боевых действий талибов на севере страны.

Для нас важно то, что указанные выше цифры дают общее представление о том «великом переселении» афганского народа, которое произошло в конце XX в. и привело к возникновению одной из самых крупных диаспор в мире.

Конечно, случаи внешней миграции афганцев были давно известны в истории Афганистана. Достаточно напомнить о массовом исходе хазарейцев из Афганистана после поражения восстаний 1892–1893 гг., о бегстве из страны короля Амануллы и его сторонников в 1929 г. после захвата власти Бачайи Сакао; о переселении значительных групп афганских туркменов в Турцию (1966 г.) и киргизов в Китай (1978 г.) или о выезде афганцев на заработки в Иран и Пакистан в период экономического кризиса 1970–1972 гг.

Однако столь массовый исход афганцев за последнюю четверть века — явление беспрецедентное в истории этой страны как по количественным масштабам, так и по географии их последующего расселения.

Нынешняя афганская диаспора, по терминологии самих афганцев — «дийаре хиджрат» («обитель переселенцев») или «дийаре горбат» («страна скитальцев») — сформировалась в результате трех основных миграционных потоков.

Первый, самый малочисленный из них, начался после антимонархического переворота М. Дауда в июле 1973 г. Тогда из страны уезжали политические противники нового режима: члены королевской семьи, ближайшее окружение свергнутого монарха, государственные чиновники высокого и среднего ранга, крупные капиталисты, представители интеллигенции, поддерживавшие королевскую династию. Несколько позже в этот поток влились лидеры мусульманских фундаменталистских и радикальных националистических группировок, которые после провала их антиправительственных выступлений в 1974–1975 гг. против режима М. Дауда были вынуждены покинуть Афганистан. При этом, если первая категория эмигрантов, в силу их традиционных связей с Западом, в основном направилась в страны Европы и США, то вторая обосновалась

в Пакистане и Иране и составила впоследствии ядро сил афганского сопротивления.

Вторая волна миграции, наиболее многочисленная, берет свое начало после апрельского переворота 1978 г., когда к власти пришла Народно-демократическая партия. Поток эмигрантов особенно усилился после ввода в Афганистан в декабре 1979 г. советского воинского контингента и с началом развертывания крупномасштабной гражданской войны. Основной поток беженцев второй волны направился в близлежащие страны: Пакистан, Иран, Индию, меньшая его часть — на Запад. На этот раз страну покидали не только представители крупной буржуазии, духовенства, интеллигенции, племенные вожди, но и большая масса крестьянского и городского населения.

Третья волна миграции, начавшаяся незадолго до падения режима президента Наджибуллы и резко усилившаяся после взятия муджахедами Кабула, на этот раз состояла в основном из функционеров правившей НДПА — партии «Ватан», военных и гражданских чиновников, студенчества, представителей торговой буржуазии и интеллигенции. Большая часть этой волны направилась и осела в Российской Федерации и странах СНГ (около 150 тыс., из них, по данным самих эмигрантов, только в Москве проживает от 40 до 50 тыс.), меньшая переместилась в страны региона и на Запад.

В дальнейшем эмиграцию, возникшую в результате двух основных потоков 1973 и 1978–1979 гг., мы будем называть «старой» в отличие от «новой», начало которой было положено в 1992 г.

ГЛАВА I

Зарождение эмигрантской прессы. Печатные органы танзимов

1. В истории Афганистана явление эмигрантской прессы известно давно. Возникновение ее можно отнести к 1884 г., когда Сайид Джамал-уд-дин Афгани (1837–1897), эмигрировавший во Францию, в Париже приступил к выпуску газеты «Урват-ул-воска» («Крепчайшая связь»). С именем Афгани связана и другая эмигрантская газета «Зиа-уль-хафегин» («Свет Востока и Запада»), которую он начал издавать в Лондоне в 1892 г. вместе с известным иранским общественным деятелем Мирза Малькомханом. Известны и другие факты создания афганских эмигрантских изданий. В 1929 г., в период правления в Кабуле эмира Хабибуллы («Бачаи Сакао»), группа афганских эмигрантов в Индии печатала в городе Лахоре газету «Афганестан». В 50–60 годы, эмигрировавший в Пакистан известный афганский ученый, поэт и общественный деятель Абдулхай Хабиби выпускал оппозиционную правительству газету «Азад Афганестан» («Свободный Афганистан»).

Однако все это, естественно, не идет ни в какое сравнение с тем огромным количеством эмигрантских изданий, которые появились как результат массового исхода афганцев из страны, вызванного насильственным ниспровержением правившего режима и началом гражданской войны.

Афганская эмигрантская пресса сегодня — это беспрецедентное явление в истории афганской печати, без изучения которой современная история Афганистана уже не может быть написана.

Исходя из политических целей и задач, которыми руководствовалась нынешняя эмигрантская пресса на разных этапах своего развития, на наш взгляд, ее условно можно разделить на две временные группы: 1) прессу периода 1978–1979 — 1992 гг., 2) прессу периода 1992 г. — по настоящее время.

Зарождение эмигрантской прессы, видимо, следует отнести ко времени появления в Пакистане и Иране первых пе-

чатных органов «танзимов» — военно-политических группировок муджахедов.

Насколько мы смогли установить, одними из первых печатных органов танзимов были: газета «Шахадат» («Гибель за веру») — печатный орган Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматъяра, основанная в 1977 г., и газета «Муджахед» («Борец за веру») — печатный орган Исламского общества Афганистана (ИОА) Б. Раббани, основанная в 1978 г. [4].

В нашей и зарубежной научной литературе для обозначения этой категории прессы принято использовать термин «муджахедский». На наш взгляд, более точно принадлежность этой категории прессы к танзимам отражает термин «танзимский», так как в период джихада все эмигрантские издания, независимо от их организационной принадлежности, называли себя «муджахедскими», ибо не быть в то время «муджахедским» изданием расценивалось как предательство. Достаточно напомнить названия таких эмигрантских газет, как «Муджахид вулус» («Народ-муджахед»), «Афган джихад» («Афганская священная война»), «Калям дар хедмате джихад» («Перо на службе священной войны») и др.

Приведем в этой связи один эпизод, подтверждающий вышесказанное. Журнал «Афган джихад», издающийся в США, в одном из своих номеров поместил материал под заголовком «Обзор прессы муджахедов», в котором, перечисляя «муджахедские» издания, не включил в их перечень газету «Афган миллат» («Афганская нация») — орган Афганской социал-демократической партии.

В ответ «Афган миллат» выступила с резкой критикой в адрес издателей журнала, расценив их «забывчивость» как злонамеренную провокацию против руководства партии и потребовала публично признать ее «муджахедским» изданием. При этом акцент делался на то, что, будучи наиболее крупнотиражной газетой, она одна из первых включилась в «культурный джихад» и многое сделала для движения муджахедов [5].

Говоря о создании танзимской прессы, прежде всего следует остановиться на роли в ее становлении эмигрантской интеллигенции, без активного участия которой она никогда бы не смогла превратиться в такую мощную пропагандистскую машину, какой была в годы «священной войны».

Исламские фундаменталистские группировки (ИПА Р. Хекматъяра, ИОА Б. Раббани), составившие впоследствии

ядро сил афганского сопротивления, к 1978 г. прозябали, по выражению В. Н. Спольникова, в «бесславной эмиграции», когда огромная масса эмигрантов, в которой значительный пласт составляла интеллигенция, хлынула в Пакистан и Иран. При этом, если одна часть эмигрантов пополняла боевые отряды муджахедов, то другая, в основном творческая интеллигенция, решила поставить на службу танзимам свое перо. Сайид Факир Аляви, бывший при монархии главным редактором официоза «Ислах», в своей статье с весьма примечательным заголовком «Роль пера и меча в джихаде», напечатанной в журнале «Хорасан», отмечал, что «на первоначальном этапе джихада... рядом с мечом, к сожалению, не оказалось пера». По его словам, в этот период для муджахедских изданий материалы готовили в основном улемы и муллы, которые, хотя и были «высокообразованными» людьми, но не являлись профессиональными журналистами и поэтому не были способны писать так, чтобы «утолить информационный голод Запада», жаждавшего сведений об Афганистане [6]. И только появление в Пакистане кабульской интеллигенции, в том числе и журналистов, заполнило этот вакуум.

О взаимодействии интеллигенции с танзимами свидетельствует и другой афганский автор Шабаханг, который в своей книге «Реставрация культурных институтов Афганистана» («Базасийе нехадхайе фархангийе Афганестан»), посвященной различным аспектам деятельности интеллигенции в эмиграции, указывает, что крупные танзимы имели в своем составе собственные организации «писателей и поэтов» [7].

Относительно подобного сотрудничества и его масштабов существует несколько иная точка зрения, высказанная Астой Олесен, адъюнкт-профессором кафедры антропологии Копенгагенского университета. В своей книге «Ислам и политика в Афганистане» автор отмечает, что участие «образованного среднего класса» в движении сопротивления было «сравнительно ограниченным». При этом А. Олесен ссылается на то, что из 276 эмигрантов — бывших преподавателей Кабульского университета — только 27 осели в Пакистане и 2 в Иране, что могло рассматриваться как желание этой группы принять участие в движении сопротивления или, по крайней мере, стать «партнерами» муджахедов. По мнению А. Олесен, столь незначительное участие основной массы эмигрантов в движе-

нии сопротивления прежде всего объяснялось их расхождением во взглядах с лидерами муджахедов [8].

Аналогичными цифрами оперировал несколько раньше и уже упоминавшийся выше С. Ф. Аляви. По его данным, из примерно 300 преподавателей Кабульского университета, бежавших в Пешавар, только 24 «были приняты в муджахедские организации», а остальные были вынуждены уехать в другие страны: в США (112 человек), ФРГ (50), Францию (15), Индию (5), Швецию (4), Австрию (2); по 3 человека уехали в Англию, Турцию, Саудовскую Аравию, Кувейт и по одному человеку в Египет, Бельгию, Италию, Японию и Шри Ланка. «Своим отъездом, — заключал С. Ф. Аляви, — они удалились от фронтов битв и меча и пера» [9].

Однако, в отличие от А. Олесен, С. Ф. Аляви считал, что столь незначительное участие интеллигенции в пешаварских танзимах, в частности, преподавателей университета, объяснялось тем, что они не были членами муджахедских организаций и исламских партий, а главное потому, что лидеры муджахедов настороженно отнеслись к ним, так как подозревали их в том, что они были «агентами Кабула», засланными для развала движения сопротивления [10].

В любом случае, как представляется нам, судить о степени вовлеченности или невовлеченности афганской интеллигенции в джихад лишь на основании одного выше рассмотренного факта было бы слишком упрощенно, и не дает оснований отрицать важную роль интеллигенции в становлении информационно-пропагандистской службы муджахедов.

В самый разгар гражданской войны все крупнейшие танзимы уже располагали целой сетью зарубежных изданий, со страниц которых они вели пропагандистскую войну против «безбожного режима НДПА и советских агрессоров». Наиболее мощными пропагандистскими аппаратами располагали ИПА и ИОА. Не случайно еще в феврале 1989 г. американская «Нью-Йорк тайм» отмечала, что Хекматъяр был первым, кто понял значение пропаганды и сумел использовать ее в своих интересах.

Так, Исламская партия Афганистана Г. Хекматъяра издавала в Пакистане журналы «Симаи шахид» («Образ шахида»), «Шафак» («Вечерняя заря»), «Аль-Моукеф» («Позиция») и газету «Шахадат» («Гибель за веру»); в Иране — газеты «Рахе хак» («Путь истины»), «Ислами жаг» («Голос ислама»); в Германии газету «Аль-Собх» («Утро»); в Англии «Джихад» («Священная война») и «Саф» («Сплочение»).

Исламское общество Афганистана Б. Рабани печатало в Пакистане журналы «Мисаке хун» («Союз крови»), «Шахид-ризи» («Мученичество») и газету «Фатх» («Победа»), а в Иране — газеты «Муджахед» («Борец за веру») и «Энгелабе ислами» («Исламская революция»).

Движение исламской революции Афганистана во главе с Мухаммадом Наби Мухаммади выпускало в Пакистане журналы «Башарат» («Радостная весть»), «Ды мукаддас джихад шахидан» («Мученики за веру священного джихада»), «Хедайте ислам» («Наставление ислама»), «Хакикат-уль-ислам» («Истина ислама») и «Аль-Муслимия» («Мусульмане»).

Шиитско-хазарейская организация «Наср» со штаб-квартирой в Тегеране, издавала в Иране журналы «Пайаме мостазафин» («Послание обездоленных»), «Хабльулла» («Узы Аллаха»), газету «Муджтахед» («Законовед»). Шиитская организация Исламское движение Афганистана публиковала журнал «Эстегамат» («Стойкость») и газету «Фаджре оmid» («Заря надежды»).

Собственными печатными органами располагали: Национальный исламский фронт Афганистана во главе с С.А. Гиляни — газета «Махаз» («Фронт»); Исламский союз освобождения Афганистана во главе с А. Саяфом — газета «Эттехадиее ислами» («Исламское единство»); Национальный фронт спасения Афганистана во главе с С. Моджаддиди — газета «Вахдат»; Исламская партия Афганистана Ю. Халеса — газета «Аль-Нур» («Луч света») [11].

Основным содержанием пропаганды всех вышеуказанных изданий была популяризация своих программных установок, восхваление своих лидеров и их решающего вклада в «священную войну» и, разумеется, дискредитация правящего режима и разоблачение «ужасов», творимых властями и «оккупантами».

Так, Движение исламской революции Афганистана считало, что в период «священной войны» в числе первоочередных задач ее печатных органов является: «подготовка и распространение печатных изданий среди населения, особенно среди молодежи, с целью повышения уровня исламской сознательности в противовес распространению особо опасных печатных изданий русских и их халькистских и парчамистских приспешников» [12].

Нужно признать, что печатные органы танзимов, вместе с западными СМИ, весьма эффективно вели пропагандистскую войну против режима НДПА. Им удалось повлиять на формирование международного общественного мнения в нужном им

направлении: благожелательном к муджахедам и крайне негативном к «марионеточному режиму и агрессору».

Однако после окончания джихада большинство газет и журналов, издававшихся пропагандистскими службами танзимов, перестало выходить. «После захвата Кабула танзимами, — отмечал один из афганских исследователей, — многие информационно-культурные центры муджахедов за рубежом закрылись, так как те, кто их финансировал, посчитали, что с падением режима Наджибуллы дело джихада завершено» [13]. Издание газет, в основном принадлежавших Б. Раббани и его тогдашним союзникам С.А. Гиляни и А.Р. Саяфу, после прихода их к власти было переведено в Кабул («Муджахед», «Махаз», «Эттехадиее ислами»), и лишь небольшая часть печатных органов танзимов все еще продолжала выходить за пределами Афганистана («Аль-Собх», «Фатх», «Фарйаде ашура» и др.).

2. Однако роль интеллигенции не ограничилась участием в формировании пропагандистского аппарата танзимов. Пишущая эмигрантская интеллигенция, объявившая себя «муджахедами пера» («муджахедине калям»), заявила, что начинает, наряду с вооруженным джихадом, «культурный джихад» («джихаде фарханги»), и приступила к созданию собственных газет и журналов, со страниц которых она так же, как и пресса танзимов, развернула пропагандистскую войну против режима НДПА и советского военного присутствия. «Эмигрантские средства информации во главу угла своей деятельности поставили пропаганду джихада против режима и чужеземной агрессии, прославляли героизм и самопожертвование муджахедов и привлекали внимание мировой общественности к трагической судьбе беженцев» — писал Шабаханг в своей книге «Реставрация культурных институтов Афганистана», характеризуя основные направления пропаганды этих изданий [14].

За короткое время, к 1980 г., интеллектуальная элита эмиграции, называвшая себя не иначе как «мухаджирами и муджахедами» («эмигрантами и борцами за веру»), создала за рубежом целый ряд «культурных» организаций, имевших собственные газеты и журналы. Только в Пакистане таких организаций насчитывалось более десятка. Вот далеко не полный перечень этих центров: Афганский информационный центр, основанный в 1981 г. профессором Сайидом Бахаудином Маджрухом, издавал информационный бюллетень, преобразованный затем в ежеквартальный журнал «Афганистан», а

также другую печатную продукцию под вывеской Общества писателей-муджахедов Афганистана; Союз писателей свободного Афганистана, созданный в апреле 1985 г., выпускал газету «Вафа» («Верность») и журнал «Хпылваки» («Независимость»); Культурный совет афганского джихада, основанный в Исламабаде в 1986 г. Сабахудином Кушкаки, издавал журнал «Афган джихад», который в настоящее время выходит в США; Исследовательский центр афганского джихада выпускал журнал «Калям» («Перо»); Общество переводов произведений джихада в течение 8 лет издавало журнал «Афганистан в зеркале мировой печати»; Афганское культурное общество с 1990 по 1992 г. печатало журнал «Сапиди» («Рассвет»); Исламский культурный центр Афганистана издавал газету «Пайгам» («Послание»).

По мере усиления миграционных потоков и расширения географии дисперсии эмигрантов по новым районам мира, активизировался и процесс создания новых эмигрантских культурных центров и печатных органов в Европе и США, тем более, что часть интеллигенции, ранее обосновавшаяся в Пакистане и Иране, со временем перебралась на Запад. (В ее числе можно назвать издателей газет «Афган миллат», «Муджахид вулус» («Народ-муджахед»), «Афган джихад» и др.).

К 1990–1991 гг. в основных центрах афганской диаспоры издавалось уже около 300 газет и журналов (188 — газет и 111 — журналов), включая периодические издания танзимов и так называемую частную, «независимую» прессу [15]. Заметим, что уже тогда число изданий, выражавших интересы этнических пуштунов, было намного больше, чем газет и журналов, издававшихся таджиками и хазарейцами. Подобное положение, сохраняющееся и по сей день, скорее всего отражает количественное преобладание среди эмиграции пуштунской прослойки, на что уже указывали российские исследователи этого вопроса [16].

Что же представляла собой остальная, не танзимская, часть эмигрантской прессы?

Поскольку некоторые издания, представлявшие в тот период эту категорию прессы, более подробно рассматриваются в следующей главе, ограничимся здесь некоторыми штрихами, которые, на наш взгляд, смогут дополнить ее общую характеристику.

Прежде всего, значительную часть ее представляли газеты и журналы, причислявшие себя к разряду «независимых»,

«свободных», «не связанных ни с какими партиями и группировками» и обязательно называвшие себя «национальными и исламскими». Разумеется, при более пристальном рассмотрении оказывалось, что за этими декларациями, как правило, скрывались политические интересы самых неоднородных, как по социальному и национальному составу, так и по идейным убеждениям, сил, вовлеченных в конфликт. Так, газета «Муджахид вулус», называвшая себя «свободной, национальной, исламской» газетой, выходила от имени Информационного центра афганских муджахедов и претендовала на то, чтобы быть выразителем позиции всего афганского национального сопротивления». На самом деле газета выражала идеологию части пуштунских националистов в эмиграции, а впоследствии стала пропагандистским рупором движения «Талибан».

Другая газета, также из числа «независимых», «Дар рахе солх» («По пути мира»), провозглашавшая себя «свободной, национальной и выражающей мнение молчаливого большинства», на деле отстаивала интересы сторонников бывшего короля Мухаммада Захир-шаха.

Среди «независимых» изданий можно было встретить «старые» печатные органы партийных группировок, возникших еще в период «афганской оттепели» 60–70-х гг., такие, как «Афган миллат» и «Масават» (газета «Афган ньюз»). Наряду с активными новоявленными журналистами, как, например, генерал Рахматулла Сафи — владелец бюллетеня «Дъ вулус гаж» («Голос народа»), по его словам, впервые взявшийся за перо, чтобы участвовать в культурном джихаде, можно было увидеть имена давно известных в Афганистане профессиональных публицистов, как Сабахуддин Кушкаки, бывший издатель кабульской газеты «Карван» («Караван»), выпускавший в эмиграции журнал «Афган джихад», или Мухаммад Хасан Вулусмаль, бывший издатель газеты «Афган» («Афганец»), печатавший в эмиграции газету «Муджахид вулус».

Здесь уместно заметить следующее. Тем, что эмигрантская пресса периода джихада «нашла» своего читателя и смогла достаточно эффективно влиять на общественное мнение в диаспоре (и даже за ее границами), на наш взгляд, она во многом обязана тому, что на ее страницах выступали авторы, хорошо известные не только в Афганистане, но и за его пределами. Так, для эмигрантской прессы писали известные политики Мухаммад Юсуф (ныне покойный), А. Г. Раван Фархади, Му-

хаммад Азиз Наим, Абдул Саттар Сират, Самад Хамед, Абдул Каюм Кучи, ученые и преподаватели Кабульского университета Абдул Расул Амин, Халилулла Хашемиан, Абдул Ахмад Джавид, Мухаммад Хасан Какар, Хабибулла Тыжай, Осман Рустар Тараки, Сайид Абдулла Казем, Мухаммад Анвар Ар-гандиваль, писатели и поэты Садулдин Шпун, Мухаммадин Жвак, Абдулла Гамхор, Абдул Ахади Баракзай, журналисты Сайид Факир Аляви, Абдул Хамид Мубарез, Рахнавард Зарьяб и многие другие.

Однако, наряду с этой «старой гвардией», за годы эмиграции появилось большое число представителей молодой творческой интеллигенции, организовавшей выпуск газет и журналов самой разной ориентации. На этот факт указывала эмигрантская газета «Фарйаде ашура» («Призыв ашуры»), писавшая, что за годы эмиграции в диаспоре появилось «столько новых поэтов, писателей, журналистов и деятелей науки и культуры, сколько их не было за последние 100 лет истории Афганистана» [17].

Наконец, существовала еще одна, не многочисленная разновидность так называемой независимой прессы. Одни эмигранты, располагавшие финансовыми средствами, начинали выпускать газету или журнал, руководствуясь соображениями престижа, так как издание собственного печатного органа автоматически поднимало планку их социального статуса и позволяло им претендовать на место в культурно-политической элите диаспоры. Другие, создавая собственные «независимые» газеты и журналы, использовали их для получения доходов от размещения рекламы и публикации заказных материалов.

Завершая краткую характеристику «независимой» эмигрантской прессы периода «священной войны», следует указать еще на одно явление, впоследствии развившееся в устойчивую тенденцию.

В период джихада, особенно на начальном этапе, вся эмигрантская пресса, объединенная общей целью борьбы с «марионеточным режимом и агрессором», выступала единым фронтом под знаменами джихада, демонстрируя показное единодушие и сплоченность. В то время существовавшие между различными отрядами эмиграции идейно-политические разногласия и межнациональные трения не проявлялись столь заметно и не являлись определяющими для общей идеологической направленности эмигрантской прессы.

Однако постепенно изначальный антагонизм и постоянное соперничество между танзимами и поддерживающими их эмигрантскими кругами, обусловленные неоднородностью социально-политических и этнорелигиозных факторов, стали выходить на передний план, становясь предметом ожесточенной перепалки на страницах их печатных органов. «В последние годы, — отмечал в феврале 1989 года журнал «Хорасан», — некоторые лидеры танзимов вместо того, чтобы бороться с общим врагом, принялись критиковать друг друга» [18].

Вслед за печатными органами танзимов, в эту пропагандистскую междоусобицу постепенно включилась и вся остальная эмигрантская пресса. При этом в идеологической борьбе противники все чаще прибегали к использованию этнического фактора. Так, по свидетельству Шабаханга, уже в тот период некоторые издатели эмигрантских газет в силу своих, как он выражается, «отрицательных наклонностей и душевного смятения» принялись, якобы без всякого основания, раздувать «национальную проблему и разжигать межнациональную рознь, поддерживая одну воинствующую группировку против другой» [19].

К этому следует добавить, что большая часть интеллигенции, выступавшая от имени «молчаливого большинства» и соперничавшая с муджахедами за влияние на умы эмигрантов, к началу 90-х годов стала все более дистанцироваться от танзимов, сосредоточив усилия на создании собственных печатных изданий.

Вот как, например, обосновывал Союз писателей свободного Афганистана свое решение начать выпуск в 1990–1991 годах журнала «Хпылваки»: «В то время, — говорилось в редакционной статье первого номера журнала, — танзимы и другие организации, выпускавшие свои издания, преследовали свои сугубо определенные цели. Ощущалась потребность в издании, которое бы объективно отражало происходящие в афганском обществе события и идеологию джихада». Обвиняя танзимские издания в «необъективности», журнал как «подлинный» выразитель мнения «молчаливого большинства» обещал читателям разоблачать заговоры «коммунистов» и «зверства оккупантов», служить высшим идеалам джихада и отстаивать интересы «народа-муджахеда» [20].

ГЛАВА II

Эмигрантская пресса после 1992 г. Политические ориентиры

В апреле 1992 г., после 14 лет нахождения у власти, режим НДПА — партии «Ватан» рухнул под натиском муджахедов, и верховная власть в стране перешла в руки их лидеров. Выше отмечалось, что с победой муджахедов пресса танзимов претерпела существенные изменения, утратив свою прежнюю роль и влияние.

В отличие от развалившегося пропагандистского аппарата танзимов, процесс создания новых эмигрантских организаций и печатных органов шел полным ходом. По данным того же Шабаханга, только в течение 1992–1993 гг. в Пакистане появились газеты и журналы: «Пайгам» («Послание») — издание Исламского культурного центра; «Рабита» («Связь») — издание Союза журналистов в эмиграции; «Шамшад» («Самшит») — печатный орган Культурного общества Хушхаль-хана; «Бахир» («Поток») — издание Афганского литературного движения и др. По свидетельству газеты «Навид», издающейся в Москве, к лету 1996 г. в Афганистане и афганской диаспоре функционировало 113 политических и культурных организаций, подавляющее большинство которых располагало собственными печатными органами [21].

Между тем этнополитическая ситуация в Афганистане, которая всегда была чревата опасностью взрыва, резко обострилась. Как только стало очевидно, что Б. Раббани, избранный в конце 1992 г. президентом Исламского государства Афганистан на Шурайе ахле хал ва акд (Совет компетентных авторитетов, Совет уполномоченных выборщиков), не собирается делиться властью ни со своими бывшими союзниками, ни с кем-либо другим, в стане муджахедов началась перегруппировка сил, на этот раз по этническому признаку, и новый этап междоусобной борьбы приобрел четко выраженные черты этноконфессионального конфликта.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся к тому моменту, бюллетень партии «Вахдат», выходявший в Лондоне, обвинял правительство Б. Раббани, которое именовалось им не иначе как «банда Раббани-Масуда-Саяфа», в проведении политики геноцида и этнических чисток в районах компактного проживания хазарейцев и утверждал, что людей убивали только за то, что они были «хазарейцами и шиитами» [22].

Афганская диаспора, связанная тысячами родственных, этнических, деловых и духовных уз с родиной и чутко реагирующая на любые изменения в военно-политической ситуации, в свою очередь, по крайней мере ее политическая и культурная элита, раскололась по этническому признаку на два враждебных лагеря: пропуштунский и антипуштунский.

Эмигрантская пресса незамедлительно отреагировала на эту ситуацию. На одной стороне оказались издания, отражавшие интересы пуштунских националистических кругов — «Афган миллат» («Афганская нация»), «Вафа» («Верность»), «Сабавун» («Заря»), «Аинейе Афганестан» («Зеркало Афганистана»), «Муджахид вулус» («Народ-муджахед») и др. Лейтмотивом печатных выступлений этих изданий стали обвинения в адрес Б. Раббани в связи с «узурпацией» власти, попытками навязать «большинству» афганцев (пуштунам) власть «таджикского» меньшинства, создать некий «антипуштунский фронт» и, в конечном счете, с помощью своих «иностранных друзей» создать на обломках Афганистана «Великий Таджикистан». Одновременно критике подвергались сепаратистские устремления лидеров узбеков и хазарейцев.

На другой стороне были газеты и журналы, поддерживавшие «таджикское» правительство Б. Раббани, — «Джамийат» («Общество»), «Омид» («Надежда»), «Хорасан» (название провинции) и др., которые стремились доказать легитимность правления Б. Раббани, отвергали обвинения в «антипуштунизме» и выступали за «национальное единство» и «равноправие», а печатные органы Национального исламского движения Афганистана (НИДА) и хазарейской партии «Вахдат», распространявшиеся среди эмиграции, требовали покончить с политикой пуштунского фаворитизма и дискриминацией национальных меньшинств, проводившейся всеми прежними режимами.

Свои требования они прежде всего аргументировали тем, что все этнические группы Афганистана в равной мере участвовали в «священной войне» против «общего врага» и теперь

имеют полное право наравне с пуштунами управлять страной. Так, выступая на поминальной церемонии в Гамбурге по случаю гибели А. А. Мазари, одного из лидеров хазарейской партии «Вахдат», представитель этой партии в ФРГ Мир Мухаммад Хусайн Хади подтвердил требование хазарейцев предоставить им 25% мест (якобы пропорционально их численности) в будущих властных структурах послевоенного Афганистана и право участвовать в принятии всех решений на государственном уровне. При этом М. Х. Хади предупредил, что если их требования не будут приняты, то хазарейцы продолжат вооруженную борьбу [23].

А печатный орган НИДА газета «Недаёе ислам» («Призыв ислама»), напомнив читателям, что народы севера Афганистана, после падения государства Тимуридов, триста лет «страдали под чуждым племенным» игмом, заявила, что после падения «фашистского режима Наджибуллы — этого последнего оплота шовинизма и красного племенного превосходства» — народы Севера стали, наконец, свободными и теперь требуют покончить с фашизмом и этнической дискриминацией и выступают за формирование «правительства на широкой основе» и создание такого общественного строя, который бы базировался на принципах ислама, равноправия всех народов и социальной справедливости [24].

Ожесточенная полемика на страницах эмигрантской прессы продолжалась вплоть до осени 1994 г., когда появление на военно-политической арене Афганистана движения «Талибан» внесло новые акценты в пропагандистскую войну, а главное, окончательно закрепило раскол интеллектуально-политической элиты и ее печатных органов по этническому признаку. Более того, изучение материалов некоторых печатных изданий, отражающих взгляды пуштунских националистических кругов в эмиграции, показало, что их пропагандистские усилия были направлены на поддержку талибов, пытающихся восстановить господствующие позиции пуштунов военной силой, а не на поиски компромисса.

Для иллюстрации сказанного обратимся к публичным выступлениям одного из видных идеологов панпуштунизма, бывшего профессора Кабульского университета Османа Рустар Тараки, ныне проживающего в качестве эмигранта во Франции. В первую очередь речь идет о его статье «Права большинства и требования меньшинства», опубликованной в февраль-

ском номере за 1997 г. газеты «Афган миллат» и получившей широкий резонанс в эмигрантских кругах. Статья была перепечатана газетой «Замана», выходящей в Москве.

Поскольку, по сути дела, она является политическим манифестом пуштунских националистических сил, позволим себе остановиться на ней более подробно.

По словам автора, поводом к ее написанию послужило то, что после взятия талибами Кабула в сентябре 1996 г. и их «неотвратимого» продвижения по пути создания сильной центральной власти в некоторых эмигрантских изданиях появились материалы с нападками на талибов за то, что они нарушают права нацменьшинств и не собираются учитывать их интересы в будущем государстве.

Опровергая эту критику, О. Рустар Тараки, как и многие авторы из числа пуштунских националистов, утверждал, что до апрельского переворота 1978 г. проблемы этнических меньшинств как таковой вообще не существовало и представители нацменьшинств имели свободный доступ к государственной службе, образованию и участию в выборных органах. Описывая эту идиллическую картину, автор статьи подчеркивал, что в те благословенные времена этнические меньшинства уважали право этнического большинства (пуштунов) символизировать собой афганское государство и образ правления афганцев.

По утверждению О. Рустара Тараки, все беды начались после «советского вторжения», породившего у части нацменьшинств «несбыточные надежды получить равные с большинством привилегии», «стать во главе государства и получить в представительских органах власти равное с большинством, повторяю, — подчеркивал О. Р. Тараки, — равное с большинством представительство» (!).

Подобные претензии этнических меньшинств на создание «правительства меньшинства», по мнению автора, противоречат «логике демократии», а попытки антиталибской коалиции, развязавшей, по его словам, «несправедливую» войну против «большинства», преследуют лишь одну цель — «заменить этническое большинство (пуштунов) в высших органах государственной власти представителями непуштунских народов».

Наиболее важной представляется точка зрения автора на положение национальных меньшинств в будущем Афганистане. Он считает, что они могут «присоединиться к демократическому» правительству и принять участие в управлении госу-

дарством, но лишь при одном непременном условии: признании права этнического большинства (пуштунов) доминировать в этом общем государстве (!).

В заключение, О. Рустар Тараки прямо называет нынешний конфликт между талибами и антиталибской коалицией «выяснением этнических отношений» и надеется, что талибы окажутся той силой, которая сумеет, наконец, заставить «наильников и мятежников» соблюдать принципы демократии. «Эту благородную задачу взяли на себя талибы, и мы желаем им успеха» — так заканчивает свою статью автор [25].

Не менее непримиримым оказался О. Рустар Тараки и в вопросе о равенстве религиозных толков в будущем Афганистане. В материале «Краткий обзор политических последствий последних боев в Кабуле», опубликованном в журнале «Хпылваки», он выступил с критикой в адрес лидеров хазарейских группировок за то, что те выдвинули жесткое требование «официального признания равенства шиитского меньшинства с суннитским большинством». По утверждению О. Рустара Тараки, «религиозное меньшинство вправе требовать гарантии отправления своих религиозных обрядов, но только мирным путем, только осознавая, что оно — «меньшинство» (!). Насильственное же навязывание мнения религиозного меньшинства большинству, по его словам, никак не вяжется с логикой демократии, являющейся выражением воли большинства [26].

* * *

С определенной долей условности прессу постджихадского периода можно разделить на следующие группы.

I. Издания, выражающие позицию «националистов-демократов». Под этим термином мы объединяем большую группу пуштунских националистов, которые, с одной стороны, декларируют «демократические» принципы построения будущего афганского общества, а с другой стороны, выступают за сохранение господствующего положения пуштунов в унитарном государстве. Эти круги эмиграции («третья сила») объединяет поддержка ими бывшего короля Мухаммада Захир-шаха в качестве общенационального лидера. Хотя они выступали в поддержку талибов, однако в последнее время в их рядах нет полного единства по вопросу отношения к движению «Талибан».

1. «*Аинейе Афганестан*» («Зеркало Афганистана») — журнал, основан в 1989 г. бывшим преподавателем Кабульского университета профессором Сайидом Халилулла Хашемианом, издается 1 раз в 2 месяца на языках дари и пушту, в США (Калифорния).

«Аинейе Афганестан» — рупор эмигрантской организации Движение национального единства Афганистана, выражающей взгляды пуштунских националистов, поддерживающих бывшего короля Мухаммада Захир-шаха. Движение активно сотрудничает с эмигрантскими организациями «Афганской социал-демократической партией» («Афган миллат») и «Советом взаимопонимания и национального единства Афганистана».

На I учредительном съезде Движения национального единства Афганистана, состоявшемся летом 1994 г. в Калифорнии, С. Х. Хашемиан — один из инициаторов создания движения — был избран заместителем руководителя этой организации. (Руководитель — профессор Сайид Абдулла Казем).

О политическом облике журнала определенное представление дает проект программы Движения, в котором декларировались следующие основные положения: признание ислама и шариата основой государственной религии Афганистана, равноправия суннизма и шиизма, а также доисламских верований, все еще бытующих среди некоторых нацменьшинств страны; сохранение целостности территории Афганистана, национального суверенитета, национального единства; признание права народа на свободное волеизъявление без всякого давления; признание равных прав мужчин и женщин, уважение и соблюдение прав человека; равенство всех наций, языков и сословий, борьба с любыми проявлениями дискриминации.

Во внешнеполитическом разделе программы указывалось, что Движение выступает за соблюдение политики активного позитивного нейтралитета, неприсоединения и развитие дружественных связей со всеми странами мира, в первую очередь с «исламскими, соседними и неприсоединившимися».

Обращает на себя внимание заключительный, 20-й пункт программы, в котором подчеркивалось, что организация открыта для всех, кроме «коммунистов и предателей нации» (!).

Одной из главных целей журнала (в качестве пропагандистского рупора Движения) является стремление к объединению всех «националистических сил» для последующего созда-

ния сильной политической партии, которая могла бы претендовать на власть в будущем Афганистане.

В предисловии к проекту программы С. Х. Хашемиан признавал, что цель создания подобной организации прежде всего состоит в том, чтобы объединить в одну партию все, доселе разрозненные, группировки афганских (читай пуштунских. — Р. С.) националистов, которые, по его словам, долгие годы подвергались «преследованиям и притеснениям». Выражая уверенность в том, что в будущем Афганистане будут свободно действовать политические партии, Хашемиан призывал всех националистов заранее объединиться, чтобы по возвращении на родину иметь «сильную партию, опирающуюся на благородные исламские и национальные идеи» [27].

«Аинейе Афганестан» особенно резко критиковал «таджикское правительство» Б. Раббани. О националистической окраске журнала можно судить хотя бы по следующим лозунгам и призывам, которыми украшены обложки каждого номера: «Раббани стремится разделить Афганистан! Пуштуны, будьте бдительны: вас хотят уничтожить!»; «Благородные националисты, объединяйтесь! Вашу родину хотят распродать!» Весьма характерным для понимания идейно-политической платформы журнала является следующее высказывание его издателя, вынесенное на титульный лист журнала (№ 32, 1993 г.): «Раббани стремится уничтожить или разобщить пуштунов. Он отдал приказ своим полевым командирам начать очистку территорий на юге, западе и севере страны от проживающих там пуштунов. Его посланник (А. Г. Раван Фархади. — Р. С.) работает над планом включения пуштунов в государство Пакистан и превращения Афганистана исключительно в фарсиязычную страну» [28].

Журнал отличало крайне негативное отношение к лидерам военно-политических группировок, особенно к Г. Хекматъяру, А. Р. Дустому, М. К. Халили, М. Акбари и др.

Самым резким нападкам подвергались те эмигрантские круги (в основном представленные таджиками), которые выступали в поддержку правительства Б. Раббани. Например, критике подвергался бывший премьер-министр Афганистана Мухаммад Юсуф за участие в Гератской конференции 1994 г., созванной правительством Раббани, и подписание там резолюции, которая якобы «отрывает северные районы от всей страны». При этом особое возмущение С. Х. Хашемиана вы-

звала сцена встречи и обмена приветствиями между М. Юсуфом и «муллой-узурпатором» Б. Раббани, напоминающая, как он выразился, сцену принесения присяги другому «таджикскому узурпатору» (Бачайи Сакао. — Р. С.). С такими же резкими нападками журнал обрушился на другого эмигранта — А. Г. Равана Фархади, которого он называет ярким представителем «реакционных карьеристов», переметнувшимся на службу новому хозяину — Б. Раббани.

В «предательстве» интересов пуштунов журнал также обвинял эмигрантскую группировку в США, называющую себя Движением за выборное правительство в Афганистане и состоящую из высокопоставленных чиновников времен монархии (в том числе и пуштунов) Мухаммада Хасана Какара, Мухаммада Ибрагима Сираджа, Тадж Мухаммада Вардака, Абдул Наваба Васефи, Гулям Али Аина, Мухаммада Насер Кешаварза, которые через свой печатный орган газету «Джирга» выразили готовность сотрудничать с режимом Б. Раббани.

Крайнее недовольство журнала вызывает та часть эмигрантской интеллигенции, которая, пытаясь обосновать претензии правительства Б. Раббани на верховную власть в Афганистане ссылками на историю, утверждала, что территория нынешнего Афганистана — это древний Хорасан, а таджики — аборигены Хорасана. Так, в открытом письме на имя Кодратуллы Холада — одного из лидеров «Афган миллат» — Хашемиан писал: «К счастью, существует достаточно много исторических памятников, свидетельствующих о том, что Хорасан был всего лишь одной из провинций Афганистана. Те же, кто пытается утверждать, что древнее название нашей страны есть Хорасан, просто навязывают всем свое необоснованное мнение» [29].

Наконец, на страницах журнала значительное место занимает панегирик бывшему монарху, который именуется не иначе как «Захир-баба» («Батюшка Захир»), величается «отцом нации», а период его правления — «золотым веком» в истории Афганистана. Однако всячески популяризируя роль короля и необходимость его участия в процессе мирного урегулирования афганского конфликта, журнал неизменно подчеркивает мысль о том, что бывший король «не желает восстановления монархии и готов смириться с любым решением своего народа». На страницах журнала постоянно публикуются выступления сторонников короля из его ближайшего окружения

(Саттара Сирата и др.), подборки писем читателей, выступающих в поддержку плана Захир-шаха по мирному урегулированию конфликта; открытые письма афганских эмигрантов с выражением верноподданнических чувств к бывшему королю и призывами вернуться на родину.

Движение национального единства Афганистана выдвинуло план мирного урегулирования афганского конфликта, основанного на мирных инициативах экс-короля Мухаммада Захир-шаха. План широко пропагандировался на страницах некоторых эмигрантских изданий («Вафа»), придерживающихся тех же позиций, что и Движение национального единства. Основные положения этого плана (кроме журнала «Айнейе Афганестан»), опубликованные в книге лидера этого движения профессора Сайида Абдуллы Казема «Афганистан в чарах дьявольского круга несчастий» [30] сводятся к следующему. Прежде всего предлагается объявить трехлетний «переходный» период, в течение которого воюющие стороны прекращают боевые действия и начинают разоружаться (!). Для достижения перемирия создается так называемая «комиссия мира», наделенная посредническими полномочиями. Одновременно создается Совет взаимопонимания из 50-60 авторитетных личностей, в обязанности которого входит «назначение» (!) участников Чрезвычайной Лойа Джирги. На этой джирге предусматриваются выборы главы государства («раисе доулат») сроком на 3 года, утверждение кандидатуры премьер-министра, предлагаемой главой государства, и принятие проекта новой Конституции.

План предусматривает, помимо правительства, формирование следующих высших органов власти Афганистана, которые будут действовать в переходный период: Высший совет мира и безопасности; Высший судебный совет; Высший законодательный совет.

По окончании переходного периода Лойа Джирга утверждает новую Конституцию, принимает закон о политических партиях, объявляет всеобщие президентские и парламентские выборы. Добавим, что план предусматривает самое активное участие ООН в его реализации.

2. «Афган миллат» («Афганская нация») — печатный орган пуштунской националистической организации Афганская социал-демократическая партия (АСДП), ежемесячная газета, основанная в Кабуле в 1966 г. группой пуштунских

националистов (Г. М. Фархад, Ф. М. Федаи, М. М. Амин (Вакмын), К. Холад). После апрельского 1978 г. переворота издавалась на языках пушту и дари в Пакистане, в настоящее время — в ФРГ.

Газета выходит под лозунгом: «ислам, независимость, национальный суверенитет, целостность территории, национальное единство, демократия, социальная справедливость, соблюдение прав человека». (Первоначально лозунг «Афган миллат» был: «Бог, родина, нация»).

28 июня 1995 г. на IV съезде АСДП новым председателем партии, вместо Вакмына, был избран профессор Анвархак Амин и была принята новая программа партии [31].

АСДП всячески пропагандирует себя как наиболее влиятельную и многочисленную партию (якобы насчитывающую более 30 тыс. членов), стоящую на демократических позициях и призывает все «демократические и национально-патриотические силы объединяться вокруг нее».

АСДП требует, чтобы основные положения ее программы были приняты и закреплены в будущей Конституции послевоенного Афганистана. Основные положения этой программы, определяющие политическое лицо «Афган миллат», сводятся к следующему: партия выступает за независимость, территориальную целостность, национальный суверенитет, за единую административную систему управления государством, против любых попыток внедрить систему федерализма, ведущую к расчленению унитарного государства; АСДП признает руководящую роль ислама в социально-политической и духовной жизни общества и поддерживает установление в стране законной власти, базирующейся на религии ислама (как заявляют лидеры партии, «членами АСДП могут быть только мусульмане»); партия признает легитимность только выборного правительства, выступает в поддержку принципа парламентской демократии и пропорционального представительства всех наций в органах власти; АСДП выступает за свободу деятельности политических партий, за исключением «авторитарных и тоталитарных» группировок. Партия отрицает классовую борьбу, но поддерживает создание профессиональных союзов, отстаивающих интересы трудящихся; в сфере экономики АСДП — сторонник модели «смешанной» экономики с сильным частным сектором, базирующимся на принципах свободного рынка; за уважение частной собственности и гарантирование государст-

вом неприкосновенности частной собственности; АСДП выступает за обеспечение равноправия женщин и за их активное участие в социально-политической и экономической сферах; в области внешней политики «Афган миллат» провозглашает необходимость установления дружественных отношений со всеми странами мира, особенно с «соседними и исламскими» государствами. При этом «Афган миллат» считает, что Пакистан, Саудовская Аравия и США проводят в отношении Афганистана «позитивную» и «миротворческую» политику, а Иран, Индия и Россия — политику, направленную «на продолжение войны».

Подобную политику России газета, прежде всего, объясняет тем, что она якобы опасается требований будущего правительства Афганистана о репарациях, очистке территории Афганистана от мин и выяснения судьбы «пропавших без вести в России 60 000 афганцев» [32].

«Афган миллат» — одна из наиболее активных и последовательных сторонников бывшего монарха, выступает в поддержку его мирных инициатив и считает его единственным достойным кандидатом на роль миротворца и объединителя нации. Так, председатель АСДП Анвархак Ахади, выступая на слушаниях по Афганистану на подкомитете по Ближнему Востоку и Южной Азии Сената США 26 июня 1996 г. подчеркнул, что «Афган миллат» «поддерживает хорошо известный мирный план бывшего короля Афганистана, равно как и другие мирные предложения» [33].

Однако следует заметить, что «Афган миллат» неизменно декларирует, что она не является сторонником реставрации монархии. Напротив, газета всячески пытается доказать, что афганцам (пуштунам) всегда было присуще стремление к демократической организации общества. В качестве доказательства газета, например, указывает на Лойа Джиргу, которую называет самой «демократической структурой», существовавшей в Афганистане задолго до появления западных демократических институтов. Одновременно газета утверждала, что еще глава кандагарского государства Мир Вайс был сторонником республиканской, а не монархической формы правления, так как на Лойа Джирге 1709 г. он предпочел принять титул «мышр» («старейшина», «глава племени»), а не «пача» («король») [34].

Политика «Афган миллат» в национальном вопросе определяется ее панпуштунской националистической идеологией, утверждающей право пуштунов на господствующее положение в государстве. Права нацменьшинств признаются исключительно в рамках, определенных пуштунским большинством.

Именно «Афган миллат» была инициатором многих пропагандистских кампаний против «узурпаторского таджикского» правительства Б. Раббани, которое обвинялось в попытках навязать правление «меньшинства» «большинству», сформировать антипуштунский фронт и в сговоре с Россией расколоть единое афганское государство и создать на его месте федерацию. Более того, «Афган миллат» обвиняла А. Ш. Масуда в намерении вместе со своими союзниками из группировок «Парчам» и «Сетаме мелли» создать «Великий Таджикистан» («Лой Таджикистан») и утверждала, что сторонники «Великого Таджикистана» будто бы считают Ташкент (так в тексте. — Р. С.) и Самарканд исконными таджикскими городами [35].

Выступая на IV съезде АСДП ее председатель А. Ахади, обращаясь к «кабульскому правительству», буквально заявляет следующее: «Мы хотим во всеуслышание заявить, что пуштуны являются в Афганистане старшим братом, и они никогда не смиряются с положением граждан второго сорта...» [36].

Отношение «Афган миллат» к талибам, с момента их появления в Афганистане, не было однозначным. Хотя газета сразу же выступила в их поддержку, называя «национальным движением», однако отнеслась к ним достаточно настороженно. Например, комментируя заявления талибов о намерении построить в Афганистане «исламское государство», газета резонно замечала, что подобные заявления еще ни о чем не говорят, так как и Б. Раббани и Г. Хекматъяр тоже объявляли о своем намерении установить в стране «исламский строй». Критика в адрес талибов за нарушение ими прав женщин отнюдь не помешала «Афган миллат» выступить в их защиту, когда А. Г. Раван Фархади, после взятия ими Герата, назвал их «пакистанскими наемниками» и призвал всех афганцев выступить на защиту целостности территории страны. За это высказание газета обрушилась на него с резкой критикой, обвинив в «сотрудничестве с русскими» и прислуживании «новому хозяину» — Б. Раббани.

В целом, можно сказать, что газета занимает проталибскую позицию. Так, она осуждает Иран, Индию, Узбекистан и

Россию за их «антиталибскую» политику, прославляет талибов за то, что они освободили народ от «тирании и угнетения» кабульских властей, и утверждает, что они пользуются «любовью» народа. В последнее время «Афган миллат» все чаще призывает талибов начать осуществление социально-экономических реформ на подконтрольной им территории. В противном случае газета угрожала им потерей «любви» народа.

3. «Вафа» («Верность») — печатный орган Союза писателей свободного Афганистана. Союз, основанный в 1985 г., объединяет в своих рядах творческую интеллигенцию, в основном преподавателей Кабульского и Нанграхарского университетов, а его печатный орган — еженедельная газета «Вафа» — был создан в конце 1991 — начале 1992 годов. «Вафа» издавалась в Пешаваре (Пакистан) на пушту и дари языках. С марта 1998 г. Союз писателей свободного Афганистана в связи, как было сказано, с «изменившимися условиями» был переименован в Центр изучения Афганистана, а газета «Вафа» стала выходить под новым названием — «Азад Афганестан» («Свободный Афганистан»). Издатель газеты и председатель Союза Абдул Расул Амин — бывший профессор Кабульского университета. Первые два года (1992, 1993), по признанию издателей, газета финансировалась неким датским Обществом защиты прав человека.

По заявлениям газеты «Вафа», Союз писателей не связан ни с какими политическими партиями и организациями и в своей деятельности руководствуется исключительно «высшими интересами родины и народа». Вместе с тем Союз активно сотрудничает с такими организациями, как Совет взаимопонимания и национального единства Афганистана, Движение национального единства Афганистана, Афганская социал-демократическая партия («Афган миллат») и, разделяя их политические платформы, предоставляет полную возможность пропагандировать их со страниц «Вафа».

Так же, как эти организации, Союз писателей выступает от имени «патриотических», «умеренных» сил и считает себя выразителем чаяний «молчаливого большинства». Какой-либо собственной политической программы мирного урегулирования и будущего государственного устройства Союз писателей не выдвигал. Судя по тому, что он активно популяризировал на страницах «Вафа» так называемый «римский план» Мухаммада Захир-шаха и «План мира», выдвинутый Движением национального единства Афганистана, Союз писателей полно-

стью разделяет заложенные в них идеи, в первую очередь предложение о созыве общеафганской Лойа Джирги и обсуждение на ней принципов мирного урегулирования кризиса и будущего государственного устройства Афганистана.

В целом политический облик газеты «Вафа» определяют три генеральные линии ее пропагандистской деятельности.

Во-первых, на страницах газеты постоянно ведется кампания, призванная убедить эмигрантские массы, что только бывший король обладает качествами общенационального лидера, и только он может вывести страну из кризиса и добиться установления мира. С этой целью «Вафа» регулярно публикует не только заявления и обращения самого Мухаммада Захир-шаха, но и материалы, которые готовятся людьми из его ближайшего окружения: Самадом Хамедом, Абдул Саттар Сиратом, Мухаммадом Азизом Наимом и др., а также открытые письма афганцев, в которых время правления бывшего короля называется «самым спокойным и безопасным периодом во всей современной истории Афганистана» и содержатся призывы к М. Захир-шаху «прийти и спасти несчастный афганский народ» [37].

На состоявшемся 31 июля 1997 г. расширенном заседании Союза писателей, в котором приняли участие Халилулла Хашемиан — издатель журнала «Аинейе Афганестан», академик Мухаммад Рахим Илхам, сенатор Гулям Наби Чакнури, поэт и писатель Абдулла Гамхор, ученый Мухаммад Рахим Паштуняр и другие, была подтверждена приверженность Союза писателей и остальных участников встречи бывшему королю, который был назван «ключевой фигурой» в решении проблемы Афганистана. Участники встречи призвали его как можно скорее предпринять практические шаги по урегулированию кризисной ситуации в стране.

Сам издатель газеты профессор Абдул Расул Амин в большом материале «Этнический, расовый и языковой фанатизм — угроза национальному единству и целостности территории Афганистана» высоко оценил эпоху правления Мухаммад Захир-шаха и его личные качества. По его утверждению, в этот период в стране царили «мир и порядок», вся государственная машина работала в соответствии с законом, политика правительства была предсказуема, а король-демократ, руководствуясь национальными и исламскими ценностями и традициями,

и хорошо понимая менталитет своих подданных, мудро правил страной, направляя ее по пути прогресса [38].

«Вафа» — страстный апологет бывшего монарха. Так, опровергая упреки некоторых эмигрантских изданий в том, что М. Захир-шах занимает пассивную позицию в афганском конфликте, тот же А. Р. Амин в другом своем материале «Афганистан проходит опасные повороты истории» утверждал, что бывший король с самого начала «священной войны» активно поддерживал борьбу афганского народа и был готов вернуться в страну и возглавить движение сопротивления, однако этому, по его словам, больше всех препятствовали режим Зия-уль-Хака и исламские власти Ирана. В частности, подобную политику руководства Ирана А. Р. Амин объяснял тем, что оно будто бы опасалось создания прецедента, который дал бы основание иранскому народу потребовать «возвращения сына бывшего шаха Ирана Мухаммада Реза Пехлеви в Иран» [39].

Во-вторых, для газеты характерно резкое неприятие и критика правительства Б. Раббани, которое характеризуется как «незаконное», «самопровозглашенное», «антинародное», выражающее только «узконационалистические интересы таджикского меньшинства». Особо резким нападкам правительство Б. Раббани подвергалось за его «политическое, экономическое и военное сотрудничество с Россией — правопреемницей СССР», который, по определению газеты, был «злейшим врагом» афганского народа, ставившим своей целью ликвидацию «национальной независимости» Афганистана и, в конечном счете, «поглощение» («хазм») его как государства [40]. Такая политика правительства Раббани была расценена газетой как «предательство интересов афганского народа», так как перечеркивала якобы его «справедливые требования» к России возместить ущерб, причиненный ею в ходе войны.

Тема репараций достаточно часто муссируется на страницах газеты. Наиболее четко позиция Союза писателей по этому вопросу была выражена его председателем Абдул Расул Амином, который следующим образом оценил перспективы послевоенного обустройства страны: «Восстановление страны будет начато с помощью дружественных стран и ООН, военные преступники будут переданы в руки закона, а за ущерб, причиненный войной, должен будет заплатить Советский Союз» [41].

В-третьих, газета положительно восприняла движение «Талибан», «Вафа» приветствовала талибов как «истинно ислам-

ское и национальное движение», провозгласившее своей целью «искоренение зла» в стране и установление там подлинных законов ислама и шариата.

Газета охотно предоставляла талибам свои страницы для публичных выступлений, пытаясь при этом представить их как сторонников бывшего короля. Например, «Вафа» привела слова одного из полевых командиров талибов, заявившего, что «под чистым покровительством талибов люди чувствуют себя так же хорошо, как при Захир-шахе» [42]. Однако при этом «Вафа» постоянно советовала талибам «не стремиться к власти, а поддержать усилия ООН и бывшего короля» по достижению мира и помочь в проведении всеобщих свободных выборов будущего главы афганского государства.

В последнее время «Вафа», как и многие прозахиршахские издания, несколько изменила свой тон по отношению к талибам. С ее страниц все чаще стали раздаваться требования к лидерам талибов приступить к осуществлению социально-экономических реформ на подвластных им территориях, пока они, подобно муджахедам, не утратили доверия народа. В то же время «Вафа» настоятельно советовала талибам передать власть в Афганистане «компетентным политическим силам».

Союз писателей свободного Афганистана до конца 1997 г. издавал журнал «Хпылваки» («Независимость»). Ежеквартальный журнал, основанный ориентировочно в 1991 г., выходил в Пешаваре на языках пушту и дари и проводил ту же политическую линию, что и «Вафа», но в отличие от газеты значительное место отводил публикации аналитических материалов по актуальным для современного Афганистана проблемам: демографическая ситуация в стране, экологические последствия войны; пути решения национальной проблемы, положение женщины в стране и т. п.

О направленности подобных материалов можно, например, судить по статье «Экология Афганистана и ее проблемы», где, в частности, содержится утверждение, что в результате боевых действий советской армии, особенно применения ею отравляющих химических веществ, серьезно пострадали флора и фауна Афганистана: уничтожена значительная часть травяного покрова, пострадали леса, пастбища, сады, пашни, уменьшилось поголовье диких и домашних животных; разрушена система водоснабжения [43].

В другой статье «Война и проблема населения» приводились данные, свидетельствующие о серьезных изменениях в демографической ситуации, вызванных войной: уменьшение числа мужского населения, изменение соотношения числа городских и сельских жителей, резкое увеличение числа инвалидов и т. п. [44].

Подобные материалы явно призваны подчеркнуть главный тезис: в материальном и моральном уроне, причиненном войной, виноваты «красные агрессоры и их афганские марионетки», которые должны понести за это наказание.

4. «Муджахид вулус» («Народ-муджахед») — печатный орган Афганского национального сопротивления — организации, отражающей взгляды определенной части пуштунских националистов. Ежемесячная газета, называющая себя «независимой, исламской, национальной». По некоторым данным, с 1980 г. газета издавалась в Пешаваре под названием «Афган муджахид», с 1981 г. выходит в Норвегии на языках дари и пушту от имени Информационного центра афганских муджахедов. Издатель газеты и глава Информационного центра — Мухаммад Хасан Вулусмаль, бывший редактор газеты «Афган», издававшейся в Кабуле в 70-е годы группой пуштунских националистов во главе с известным поэтом и писателем Гуль Пача Ульфатом.

«Муджахид вулус» является рупором той части пуштунских националистических кругов эмиграции в Западной Европе, которая выступает за «единый и неделимый» Афганистан, за сильное центральное правительство, сформированное на основе демократических выборов. Позиция «Муджахид вулус» по большинству ключевых проблем сегодняшнего Афганистана близка или совпадает с позицией других пуштунских националистических организаций, называющих себя демократическими, например «Афган миллат», Движение национального единства Афганистана, Совет взаимопонимания и национального единства Афганистана.

Для политической ориентации «Муджахид вулус» характерен резкий антииранский и антипакистанский тон ее публикаций, в которых руководство Ирана и Пакистана обвиняется во вмешательстве в дела Афганистана и враждебном отношении к афганскому народу. Для иллюстрации сказанного обратимся к статье «Предупреждение предателям и иностранным наёмникам», в которой газета предупреждала лидеров хазарейцев

не поддаваться «хитрым уловкам» иранского руководства, которое под личиной шиитской солидарности будто бы пытается выдавать себя за друга хазарейцев, хотя на самом деле оно является их врагом и, как любой чужеземный элемент, не заслуживает доверия [45]. Более того, в комментарии доктора Фарука Азама к интервью Алауддина Боруджерди (заместителя министра иностранных дел Ирана), опубликованном 10 декабря 1996 г. газетой «Эттелаат», издающейся в Лондоне, иранское руководство прямо обвинялось в подстрекательстве и организации выступлений национальных «меньшинств» против пуштунского «большинства» [46].

В материале «Пакистанские власти считают Афганистан своей собственностью» (принадлежащем перу самого М. Х. Вулусмалья) автор обрушивался с нападками на Исламабад, в частности за его планы строительства автомагистрали через территорию Афганистана «от Спинбулдака до границ Туркестана». Автор обвинял пакистанское руководство в том, что оно приняло подобное решение без согласия признанного всеми центрального правительства, которого, как утверждал М. Х. Вулусмаль, сегодня в Афганистане просто не существует.

Критикуя Исламабад за то, что своей политикой постоянного вмешательства в афганские дела он разрушил «социальную структуру общества», Вулусмаль злорадно предсказывал, что рост нестабильности в самом Пакистане, в конце концов, может привести и к его собственной дезинтеграции [47].

В русле своей пропуштунской позиции «Муджахид вулус» с крайне резкими нападками обрушивалась на «правительство Раббани-Масуда», которое обвинялось в узурпации власти и насаждении таджиков на руководящие посты в стране, расценивая это как сознательную дискриминацию пуштунов. В подтверждение подобных заявлений в статье «Совместное сочинительство газелей Хекматъяром и панджширским парнем» (т. е. А. Ш. Масудом. — Р. С.) газета приводила слова неназванного «защитника таджиков», будто бы заявившего, что «кончились те времена, когда губернатором Бадахшана (населенного таджиками. — Р. С.) мог быть назначен уроженец Лагмана (т. е. пуштун. — Р. С.) [48]. Правительство Б. Раббани также обвинялось в разжигании национальной розни, проведении курса на федеративное устройство страны и, наконец, в попытках создать так называемый антипуштунский Великий союз фарсиванов.

Для доказательства «антинациональной» политики «правительства Б. Раббани — А. Ш. Масуда», газета, вслед за «Афган миллат», опубликовала, например, так называемое «соглашение между А. Ш. Масудом и командованием 40 армии», согласно которому якобы советская сторона признавала автономию районов с таджикским населением, подконтрольных Исламскому обществу Афганистана [49].

Наряду с критикой «националистических элементов из числа этнических меньшинств», «Муджахид вулус» подобно другим изданиям пуштунских шовинистов пытается доказать, что за всю историю существования централизованного афганского государства, никакого «национального угнетения» не существовало и никакой дискриминации в отношении непуштунских народов не проводилось. Так, критикуя заявление заместителя министра иностранных дел Ирана Алауддина Боруджерди, сделанное им в уже упоминавшемся интервью, о том, что будто бы корни нынешнего межэтнического конфликта кроются в афганской истории и политике этнического фаворитизма, проводившейся правящей пуштунской верхушкой в отношении пуштунов, газета приводила целый ряд «доказательств», свидетельствующих якобы о полном равноправии всех наций и народов: привилегированное положение языка фарси, преобладание непуштунских элементов в торговле, «одинаковое» подавление афганскими правителями восстаний как непуштунов (хазарейцев), так и пуштунов (племен шинвари, сафи). Автор комментария Фарук Азам, опровергая высказывание Боруджерди, в частности, писал: «Истина в том, что вопреки утверждениям Боруджерди, на протяжении всей истории страны большая часть политических, социальных и экономических привилегий находилась в руках национальных меньшинств. Пуштуны специально предоставляли им эти привилегии, чтобы таким образом показать им свое братское отношение». «В этом и заключался секрет прочности национального единства Афганистана», — делал вывод автор статьи [50].

В отличие от большинства пуштунских националистических организаций в эмиграции, выступающих с позиций безоговорочной поддержки бывшего монарха, «Муджахид вулус» занимала несколько иную, можно сказать двойственную, позицию. С одной стороны, как об этом заявляет сам Вулусмаль в редакционной статье «Бывший король и ретрограды», «афганский народ без всякого сомнения уважает бывшего короля», а

«Муджахид вулус» даже в труднейшие времена всегда его защищала и поддерживала, отдавая предпочтение ему перед другими претендентами на власть. С другой стороны, по словам Вулусмалья, все это не означает «рабского повиновения» бывшему монарху, поскольку афганская нация давно уже не та, чтобы «слепо» следовать за ним. Вулусмаль призывал бывшего монарха перестать опираться на «продажные» элементы из числа сторонников партии «Сетаме мелли» (Национальный гнет) [51], пробравшихся в его окружение, и не раз «предававших» его, а также на «ретроградов», которые уже не могут мыслить иначе в новых условиях, а обратить свое внимание на «честные, национальные, патриотические личности», под которыми, судя по всему, М. Х. Вулусмаль подразумевает себя и своих единомышленников [52].

Видимо, с этой целью, до появления в Афганистане талибов, на страницах «Муджахид вулус» муссировалась идея создания «правительства в изгнании», а для ее реализации предлагалось создать «чрезвычайный комитет». В мае 1996 г. в комитет рекомендовалось ввести такие авторитетные в эмиграции личности, как Абдул Самад Хамед, Сайид Касем Риштиа, Али Ахмад Попаль, Сайид Шамсуддин Маджрух, Абдулла Малежар [53]. Два месяца спустя, в августе 1996 г., был предложен несколько измененный список состава комитета, куда на этот раз входили Абдул Самад Хамед, Мухаммад Юсуф, Анвархак Ахади, Али Ахмад Попаль, Мухаммад Азиз Наим, Сайид Шамсуддин Маджрух, А. Г. Раван Фархади, Азизулла Васефи и сам Мухаммад Хасан Вулусмаль [54]. Однако, после захвата Кабула талибами, в январском 1997 г. номере газеты, инициатор создания «Парламента в изгнании» Наби Мосаддег (бывший руководитель службы Би Би Си, ведущий радиопередачи на языке пушту), заявил, что подобное предложение было высказано им до военных успехов талибов, а теперь, когда талибы контролируют большинство провинций и безудержно двигаются к окончательной победе, необходимость в подобной организации отпала, так как талибы сами делают то дело, ради которого планировалось создать «парламент в изгнании». Далее Н. Мосаддег подчеркивал, что все «истинные патриоты» молятся, чтобы талибы как можно скорее сформировали центральное правительство, и предлагал талибам уже сейчас назначить «преданных патриотов» из числа эмигрантов в дип-

ломатические миссии Афганистана, так как их нынешние сотрудники ведут «антиталибовскую пропаганду».

Следует подчеркнуть, что «Муджахид вулус» была одной из первых эмигрантских газет, выступивших в поддержку движения «Талибан». Газета предоставляла свои страницы известным пуштунским националистам (таким, как Абдул Каюм Кучи), которые рекламировали талибов как «чисто исламское и национальное движение», призванное, наконец, покончить с анархией, установить в стране мир, безопасность и порядок. Однако, после установления господства талибов на большей части территории страны и началом проведения ими политики исламизации общества, хвалебный тон публикаций несколько изменился, и все чаще «Муджахид вулус» выступала с критическими материалами: то в виде писем читателей, то сообщений с мест, рассказывавших о массовых нарушениях талибами прав человека. Так, осенью 1996 г. «Муджахид вулус» опубликовала сообщение из Хоста, в котором говорилось, что талибы издали расистский указ, согласно которому все индусы, проживавшие в Хосте, обязаны носить отличительную желтую одежду и платить «джизию» — подушную подать с немусульман в размере 1000 кальдаров с человека.

В другом материале сообщалось о казни в Кандагаре, путем побивания камнями, женщины и мужчины, обвиненных в прелюбодеянии. Описывая ужас и возмущение жителей города, автор называл действие талибов «религиозным фашизмом» и требовал, чтобы решения о наказании преступников, если их вина действительно доказана, выносил только «законный суд законного правительства, а не одноглазый мулла» (имеется в виду предводитель талибов мулла Мухаммад Омар Ахунд-зада).

Тон газеты вновь резко изменился (на этот раз явно в пользу талибов) после того, как в январе 1997 г. М. Хасан Вулусмаль в составе делегации известных в эмиграции пуштунов Сайид Масуда, Фазльраби Сафи, Имамуддина Сафи, Мухаммада Аляма Бадракая и Рахматраби Зиракяра, побывал в Кандагаре, где члены делегации были приняты лидером талибов Мухаммадом Омаром Ахунд-зада. В перепечатанном «Муджахид вулус» из кандагарской газеты «Тулуйи афган» сообщении приводились, в частности, слова муллы Омара о том, что талибы с уважением относятся к афганцам, где бы они ни на-

ходились, и нуждаются в сотрудничестве истинных мусульман — патриотов родины [55].

Кульминационным моментом в выражении проталибских симпатий «Муджахид вулус» следует считать публикацию в газете (после возвращения делегации из Кандагара) открытого письма президенту США Б. Клинтону. В этом обращении подчеркивалось, что «большинство афганского народа уважает правление и законы талибов», и содержалось требование к администрации США официально признать движение «Талибан» и установить с ним дипломатические отношения [56].

5. «Сабавун» («Заря») — ежеквартальный журнал на языке пушту, издается в США с 1994 г., издатель — Абдул Каюм Моманд. В редакционную коллегию входят такие известные в эмигрантской среде личности (стоящие на позициях панпуштунизма), как Мухаммад Хасан Какар, Азизулла Васефи, Кодратулла Ходад Фархад, Обейдулла Камкай, Мухаммад-хан Мобарез Сапи, Мухаммад Сиддик Патмын. Журнал называет себя «общественно-политическим и культурным» изданием, «независимым» от любых политических группировок.

Вместе с тем анализ публикаций «Сабавун» позволяет говорить о том, что в сравнении с такими изданиями пуштунских националистических кругов, как «Аинейе Афганестан», «Муджахид вулус», «Вафа», «Хпылваки», он занимает наиболее ярые шовинистические позиции.

Для политической характеристики журнала достаточно обратиться к материалу некоего Аджмал Гани Жвандая под заголовком «Сетаме мелли и Исламистан». Судя по тому, что этот материал уже публиковался в февральском 1993 года номере журнала «Аинейе Афганестан», его можно рассматривать как своего рода общую платформу пуштунских националистических кругов, выражающую их взгляды на этническую и политическую ситуацию в Афганистане.

В этой статье, как и в ряде других эмигрантских изданий, утверждается, что широко эксплуатируемый ныне «антипуштунскими» силами тезис о «национальном угнетении» является «зловонной выдумкой фанатичных коммунистов». По словам автора статьи, впервые он был пущен в ход советским историком И. М. Рейснером, который в своих работах «Развитие феодализма в Афганистане» и «Крестьянское движение в Афганистане», руководствуясь теорией «классовой борьбы», пытался доказать, что пуштуны, как правящий класс, всегда угне-

тали все остальные этнические группы, а восстание Бачайи Сакао было реакцией на это угнетение и носило антифеодалный, т. е. антипуштунский характер.

Далее в статье содержалось утверждение о том, что тезис о необходимости создания «федерального» государства в Афганистане также был сформулирован и активно пропагандировался советским узбекским историком Нишановым (инициалы не указываются. — Р. С.) в его книге «Дъ април рогавункай инкилаб» («Созидательная апрельская революция») (перевод с пушту. — Р. С.). В своей книге Нишанов, позитивно оценивая «апрельскую революцию» за то, что она избавила, наконец, этнические меньшинства от пуштунского засилья, якобы выступал за создание федеративного государства, в названии которого должно было отсутствовать слово «Афганистан».

В рассматриваемой статье подвергался критике и афганский историк Мир Гулям Мухаммад Губар (хазареец по национальности), который в своей книге «Афганистан по пути истории», будто бы совершенно «бездоказательно» сделал вывод о том, что число носителей языка пушту в Афганистане составляло всего около 6 млн человек (из общего числа населения на тот период — 15 271 687) или 39%. Упрекая М. Губара за его «непрофессиональные» расчеты, автор статьи считает, что подобные научно необоснованные рассуждения дали повод нынешним хазарейским лидерам требовать предоставления хазарейской общине 1/4 мест в будущем правительстве на том основании, что хазарейцы будто бы составляют 1/3 населения Афганистана. Заметим, что в другом антихазарейском материале «Нация, национальность и Хазарестан», «Сабавун» обрушивался на лидеров партии «Вахдат» за использование термина «Хазарестан» для обозначения ими территории проживания хазарейцев, что, по мнению автора Мухаммада Кабира Моманда, лишь свидетельствует о сепаратистских настроениях лидеров хазарейцев и направлено на развал единого афганского государства.

Возвращаясь к анализируемой статье, отметим, что ее главный пропагандистский удар нацелен против политических партий, выражающих интересы этнических меньшинств, которые будто бы постоянно «плели интриги против пуштунов». В частности, отмечалось, что, в бытность С. А. Кештманда премьер-министром, группировка «парчамистов» в составе

М. Барьялая, Н. Кавияни, Ф. Маздака, С. А. Пайкара и А. Р. Дустома пыталась сколотить антипуштунский фронт.

Особенной критике автор статьи подвергал, по его выражению, «угнетенное исламское правительство» Б. Раббани и его сторонников. В числе последних назывались «идеологи» «Сетаме мелли» М. С. Фарханг (ныне покойный), Г. А. Аин, А. Х. Табиби, которые, по утверждению автора, всегда были близки по духу Б. Раббани и поэтому, с приходом его к власти, предпринимали меры к его поддержке. В частности, указывалось, что именно «старые сетамовцы» А. Р. Газневи и Г. Х. Купан создали в США печатные органы «Хорасан» и «Омид», которые ныне выступают как рупоры правительства Б. Раббани.

Выступая с критикой нынешних «идеологов» «Сетаме мелли», автор прежде всего пытается обвинить их в стремлении лишить Афганистан независимости, а его народ национально-го суверенитета. Так, Гулям Али Аин обвинялся в том, что в ряде своих печатных работ, например в статье «Путешествие в Исламистан», он пытался реанимировать и активно пропагандировать известную идею о создании тройственного союза мусульманских государств — Пакистана, Ирана и Афганистана — в виде конфедерации под названием «Исламистан», и советовал правительству Б. Раббани заключить с Ираном и Пакистаном вначале экономический, а спустя 5-11 лет и политический союз. «С приходом к власти «Северной коалиции», — говорится далее в статье, — Г. А. Аин «запел новые песни», на этот раз о преимуществах федеративной системы».

Аналогичным образом подвергался критике и другой «идеолог» «Сетаме мелли» Абдул Хаким Табиби, который, по словам автора статьи, также выступал за создание союза с Ираном и Пакистаном, но только под именем «Соединенных исламских штатов».

Сам Б. Раббани, правление которого в статье именуется «незаконным», обвинялся в том, что он, будучи «иранской марионеткой», проводил угодную властям ИРИ политику, направленную на усиление влияния Ирана в Афганистане и государствах Средней Азии. В частности, Б. Раббани подвергался критике за то, что он заключил «культурное соглашение» с Ираном и Таджикистаном о «развитии языка фарси», хотя, как подчеркивал автор статьи, всем хорошо известно, что Афганистан не является «фарсиязычной страной» и подобное со-

глашение могло только разжечь пламя национальных и языковых противоречий.

В заключение подчеркивалось, что подобное соглашение понадобилось Тегерану, который, манипулируя тезисом о «культурной общности», стремится к усилению своего влияния в северных и центральных районах Афганистана, а его послушные «мюриды» из «Северной коалиции», следуя указаниям идеологов «Исламистана» хотят создать на севере страны под именем «Хорасан» или «Бахтар» так называемое государство «национально угнетенных» [57].

Однако наиболее яростным нападкам «Сабавун» подвергал правительство Б. Раббани за «сотрудничество с русскими» и «предательство интересов афганской нации». В статье члена редколлегии журнала Ималя Самандара «Рабский договор» Б. Раббани, А. Ш. Масуд, А. Р. Дустом и М. К. Халили обвинялись в том, что по «указке русских» они подписали в октябре 1996 г. между собой соглашение о совместных боевых действиях против талибов. Подобное соглашение автор расценил, прежде всего, как результат «коварной» политики русских, разжигающих сепаратистские тенденции этнических меньшинств и таким путем пытающихся вновь вернуться в Афганистан.

Отметим, что «Сабавун» — одно из тех эмигрантских изданий, которые демонстрируют крайне враждебное отношение к России, выступая против развития с ней отношений. Вот лишь одна цитата из журнала, достаточно красноречиво свидетельствующая об его антироссийской позиции: «Русские никогда не станут друзьями афганцев. Они виновны в убийстве 2 млн человек и разрушении страны. Вражда между русскими и афганцами — незабываемая вражда. Всякий, кто захочет дружить с русскими, будет считаться врагом своего народа» [58].

«Сабавун» — ярый сторонник талибов, которых он всячески защищает от нападков «антиталибовской пропаганды». Так, опровергая как «измышления» сообщения эмигрантских газет о том, что талибы попирают права женщин, журнал цитирует некий фирман правительства Б. Раббани, согласно которому уже в его правление женщинам запрещалось работать в государственных учреждениях и предписывалось обязательное ношение чадры, а женские школы закрывались по той причине, что, как говорилось в указе, они представляли собой «центры прелюбодеяния и разврата» [59].

Журнал называет талибов «истинными пуштунами», которые вмешались в междоусобную войну, руководствуясь высшими интересами нации, и хотят спасти свой народ от войны и бедствий. «Сабавун» призывает всех афганцев сотрудничать с талибами, помогать им советами, чтобы они исправили имеющиеся у них «недостатки», поскольку талибы хотят создать подлинно независимое государство, которое бы отвечало интересам всего афганского народа.

II. Издания, выражающие интересы непуштунских (в основном таджикских) кругов эмиграции. Эти круги поддерживают правление Б. Раббани как выразителя интересов фарсиязычного населения, выступают против политики Исламабада и движения «Талибан», рассматривая его как инструмент восстановления безраздельного господства пуштунов. Они также декларируют свою приверженность принципам демократии и являются противниками восстановления монархии.

1. «Омид» («Надежда») — печатный орган Культурного общества Афганистана. Ежедневная газета, выходит с 1991 г. в США (Калифорния) на языке дари. Ответственный редактор Мухаммад Кави Кушан.

Газета, которую в пуштунских националистических изданиях окрестили «языком правительства Раббани», выражает позицию части эмиграции, в основном представленной этническими таджиками, сторонниками правления Б. Раббани. Политические цели газеты прослеживаются достаточно четко: с одной стороны — это восхваление «подлинно исламского», «пользующегося поддержкой большинства народа» режима Б. Раббани, с другой — дискредитация его политических противников, начиная от «коммунистов» и бывшего монарха, и кончая Г. Хекматъяром и движением «Талибан». Одновременно критике подвергаются иностранные государства, помогающие противникам Б. Раббани.

Основным направлением, определяющим политическую ориентацию «Омид», стала резкая критика Пакистана и движения «Талибан», которое газета рассматривает как инструмент Исламабада для утверждения своего влияния в Афганистане. Газета называет талибов «агентами Пакистана», «бандой реакционеров», «пакистанскими наемниками», которые «предательски» вторглись в страну, нарушив «хрупкий мир», установившийся там с приходом к власти муджахедов (т. е. Б. Раббани. — *Р. С.*).

«Омид» обвиняла талибов не только в многочисленных нарушениях прав человека, но и в попытках «навязать насильственным и унижительным путем коренному населению Кабула и Севера под видом ислама свои племенные обычаи» [60]. О содержании антиталибовских публикаций «Омид» можно судить хотя бы по их заголовкам: «Самолеты талибов бомбят восставший народ», «Талибы столкнулись с дезертирством из своих рядов», «Талибы, подобно коммунистам, заполнили тюрьмы народом» и т. п. В одном из июльских выпусков газеты утверждалось, что около двух тысяч таджиков и хазарейцев были брошены талибами в тюрьмы исключительно по национальному признаку [61].

Лейтмотивом большинства публикаций «Омид» остается критика Пакистана, в котором газета видит источник всех сегодняшних несчастий афганского народа. В частности, «Омид» утверждала, что Исламабад мечтает о включении Афганистана в так называемую пакистано-афганскую федерацию в качестве еще одной своей провинции и ради достижения этой заветной цели готов даже поступиться частью афганской территории и пойти на ее раздел с Узбекистаном. По заявлению газеты, Исламабад будто бы уже достиг договоренности с Ташкентом о включении северных территорий Афганистана в зону влияния Узбекистана [62].

Антиталибовская и антипакистанская темы неизменно переплетаются с антипуштунскими выпадами. Однако надо признать, что в отличие от некоторых пуштунских националистических изданий, типа «Афган миллат», откровенно выступающих против правления «таджикского меньшинства», «Омид» воздерживалась от прямых выпадов против пуштунов, облекая свои антипуштунские выступления в форму полемики: то с некими «псевдоинтеллигентами, выдававшими политику национального угнетения» М. Дауда за «патриотизм», то с теми эмигрантскими кругами, которые стали на сторону движения «Талибан». Например, в одном из июльских 1997 г. номеров «Омид» был помещен материал «Компромисс вместо защиты», в котором крайне резким нападкам подверглись два известных в эмиграции политических деятеля — сардар Мухаммад Азиз Наим (сын Мухаммада Наима и племянник Мухаммада Дауда. — *Р. С.*) и отставной генерал Рахматулла Сафи — издатель бюллетеня «Дъ вулус гаж» за их явные пропуштунские и проталибские публичные выступления. Газета призывала их

не забывать, что помимо пуштунов в стране существуют и другие «национальности, составляющие народ Афганистана» [63].

Однако чаще всего, для прикрытия своих антипуштунских выпадов газета использовала критику Исламабада. Для иллюстрации сошлемся на материал некоего Шарифа Фаиза «Пакистан — основной фактор разногласий в Афганистане». В нем автор, ссылаясь на заявления «архитекторов афганской политики» Исламабада (генералов Ахтара Абдуррахмана и Хамида Гуля) о том, что мир в Афганистане возможен только при условии «правления пуштунов» и что на пути достижения этой цели не следует принимать во внимание ни «проблемы таджиков, ни желания узбеков, ни жалобы хазарейцев и нуристанцев» [64], выражал крайнее возмущение подобной циничной политикой. Выражая отношение таджикских националистических кругов к подобному подходу, автор писал: «Когда Пакистан, вместо того, чтобы проявить уважение к воле афганского народа и поддержать избранную демократическую власть (читай: режим Б. Раббани. — *Р. С.*), не скрывает своего намерения установить власть пуштунов над таджиками и другими этническими группами, то он явно исходит из дурацкой логики, согласно которой господство пуштунов является их традиционной прерогативой, а безропотное подчинение этому порядку — удел всех остальных наций» [65].

Вынужденный признать наличие в сегодняшнем Афганистане «межэтнического и межпартийного антагонизма», автор указанного материала тем не менее пытался, подобно многим эмигрантским писателям и журналистам, утверждать, что подобный антагонизм явился следствием «советского вторжения», ибо до этого в Афганистане якобы вообще не существовало понятие «национальный вопрос», а если какие-то проявления национализма и наблюдались, то исключительно на бытовом уровне в виде безобидных анекдотов и шуток, например о жителях Герата или Лагмана.

Вместе с тем, весьма примечательно, что в том же номере газеты в статье другого автора Хабиба Анвара «Необходимость четвертой альтернативы» содержится совершенно противоположный вывод, на наш взгляд, более объективно отражающий реальную причину нынешнего межэтнического противостояния. Анализируя слабые стороны монархии в Афганистане, автор отмечал, что королевское правительство культивировало и эксплуатировало в своих интересах межплеменную и рели-

гиозную рознь, проводило по отношению к одним этническим группам политику дискриминации, а другим предоставляло всяческие привилегии. «Возможно, — пишет автор, — отсутствие доверия между сегодняшними военно-политическими группировками и есть прямое следствие той прежней дискриминационной политики государства» [66].

Что касается планов мирного урегулирования конфликта и взглядов на будущее государственное устройство Афганистана, каких-либо собственных программ газета не выдвигала, предпочитая пропагандировать различные варианты выхода из кризисной ситуации, выдвигавшиеся в разное время правительством Б. Раббани, в первую очередь решений известной Гератской конференции 1994 г., по существу направленных на сохранение полноты власти в руках Б. Раббани.

В последнее время газета переключилась на популяризацию программных установок Объединенного исламского и национального фронта спасения Афганистана — антиталибской коалиции, декларирующей приверженность демократическим принципам государственного устройства и выступающей за достижение мира, в первую очередь на основе признания воюющими сторонами равенства всех этнических групп и их равного участия в решении судеб Афганистана.

К сказанному можно добавить, что, заявляя о своем «уважении» к личности бывшего короля Мухаммад Захир-шаха, «Омид» не считает его «общенациональным» лидером и осуждает за публичные выступления в поддержку талибов, в частности за поздравительное послание, направленное им руководству талибов по случаю захвата ими Мазари-Шерифа. Определенное представление о политических взглядах газеты и примыкающих к ней сил на будущее государственное устройство страны можно получить из статьи «Необходимость четвертой альтернативы», в которой автор Анвар Хабиб характеризует монархический и коммунистический режимы как антинародные, державшиеся у власти лишь силой оружия. Аналогичным образом он осуждает некоторых лидеров муджахедов, выступающих с позиций исламского радикализма и пытавшихся придти к власти используя религиозные лозунги. Заявляя о бесперспективности указанных сил, доказавших свою полную неспособность управлять государством, автор высказывается (правда, в довольно туманных выражениях) за создание новой «четвертой силы», ко-

торая могла бы сформировать в Афганистане «народное демократическое правительство» [67].

2. «Хорасан» (название исторической области) — печатный орган Центра афганцев (Марказе афганан) — эмигрантской организации в США (Калифорния). Журнал, ориентировочно, основан в 1988 г., выходил 1 раз в 2 месяца на дари, пушту и английском языках. Первоначально ответственным редактором был Гулям Рауф Рошан. Позже журнал стал называться «Намейе Хорасан» («Послание Хорасана»), а издателем его стал Мухаммад Кави Кушан. Для понимания политической направленности журнала достаточно обратиться к трактовке издателями его названия: «Хорасан», — писали они, — одно из древнейших названий Афганистана...» [68].

Известно, что по поводу интерпретации этого географического термина в эмигрантской прессе идет ожесточенная полемика между печатными изданиями таджикских и пуштунских националистических кругов. Если одни утверждают, что «Хорасан» — это древнее название всей территории современного Афганистана и на этом основании, в какой-то степени, пытаются обосновать претензии таджиков-аборигенов на верховную власть в стране, то другие стремятся доказать, что «Хорасан» — всего лишь старое название одной из провинций и, следовательно, версия таджиков совершенно беспочвенна и бездоказательна. Оба издания — и «Хорасан», и «Омид» — являются объектами постоянной критики печатных органов пуштунских националистических группировок, которые обвиняют их в проведении «ядовитой» пропаганды, «сеющей семена национального раздора».

С момента своего выхода в свет «Хорасан» активно поддерживал джихад, а муджахедов называл «единственным и последним прибежищем несчастного афганского народа». После вывода советского воинского контингента из Афганистана журнал усиленно предостерегал муджахедов от раскола, убеждая их не формировать коалиционное правительство по этно-религиозному признаку, как это предлагали некоторые руководители танзимов, а только пропорционально численности каждой из муджахедских группировок, базировавшихся в Пакистане и Иране.

Наряду с этим журнал убеждал лидеров муджахедов не монополизировать власть, а пойти по пути создания демократического правительства, которое бы «прислушивалось к мне-

нию народа», уважало права человека и обеспечило условия для возвращения эмигрантов. Со своей стороны, Центр афганцев заявлял о готовности принять участие в налаживании мирной жизни и предлагал муджахедам свою политическую программу, предусматривавшую, в частности, создание демократического государства на основе законов ислама.

При этом журнал ратовал за политический плюрализм, за гарантии неприкосновенности политическим эмигрантам при возвращении на родину, за предоставление женщинам равных прав с мужчинами и т. п.

На наш взгляд, определяющим для политической характеристики журнала являлось стремление группировки (чьи интересы он выражал) заявить о себе как о влиятельной политической силе, готовой принять участие в формировании будущего афганского правительства. Так, в материале «Бюллетени для пуль» было заявлено, что «ни дегенеративный пролетариат в Кабуле, ни экстремисты в Пешаваре никогда не давали возможности эмигрантам подать свой голос при формировании политических структур Афганистана...» [69], хотя после десятилетий борьбы афганский народ заслуживал, по мнению автора этого материала Рахматраби Зиракяра, лучшего правительства, чем «пролетариат в Кабуле» или временные правительства, созданные в 1988 и 1989 годах в Пешаваре.

Журнал призывал афганцев выполнить свой национальный и исламский долг и создать переходное правительство на широкой основе. Для реализации этой идеи журнал предлагал эмигрантской интеллектуальной элите сформировать Совет по урегулированию национального кризиса и активно включиться в процесс мирного урегулирования.

В качестве первоначального шага для создания переходного правительства «Хорасан» предлагал созвать всеафганскую Лойа Джиргу, на которую считал необходимым пригласить представителей диаспоры в следующих пропорциях: из Пакистана (1 человек от каждых 300 тысяч эмигрантов) — 100 человек; из Ирана — 50 человек; из ФРГ, Индии, Саудовской Аравии, Австралии — 20 человек; из Турции (включая киргизскую общину) — 5 человек; из Франции, Англии, Канады, Швейцарии, ОАЭ и Кувейта — 18 человек (по 3 представителя от каждой страны); из Австрии, Норвегии, Дании, Италии, Бельгии, Голландии — всего 6 человек [70].

Отношение «Хорасан» к бывшему королю как общенациональному лидеру нельзя назвать однозначным. С одной стороны, журнал опубликовал целый ряд позитивных материалов, в которых Мухаммад Захир-шах характеризовался, как «единственная личность, которой доверяет и которую поддерживает большинство афганского народа». С другой стороны, утверждалось, что в афганском обществе есть силы, которые выступают против любого участия бывшего монарха в процессе мирного урегулирования или, по крайней мере, относятся к нему индифферентно. В статье «Где же король?» ее автор Гулям Рауф Рошан упрекал Мухаммада Захир-шаха за его пассивное участие в «священной войне» афганского народа, призывал чаще встречаться с представителями различных политических сил и более активно включиться в процесс мирного решения конфликта. Более того, в статье содержался упрек в адрес бывшего короля в том, что он до сих пор четко не определил своего отношения к вопросу о возможной реставрации монархии, предпочитая уклоняться от этого [71]. Любопытно, что в другом материале «Грядущие перемены в Афганистане» — автор, Казем Бимар Алякзай, рисуя идеальный портрет будущего правителя Афганистана (опытный, высокообразованный, известный в мире, умный политик, демократ, не тиран, гуманный и справедливый человек, участник джихада и т. п.), даже не упоминает имени Мухаммада Захир-шаха в качестве возможного главы государства.

Значительное место в журнале отводилось критике СССР-России. В обобщенном виде основные тезисы таких материалов, как, например, «Будущие отношения Кабула с Москвой», «Афганистан и судьба советской империи»; «Расхищение русскими кредитов, предоставлявшихся ими Афганистану»; «Лицемерный царизм и нынешние безбожники: стратегия в Средней Азии и Афганистане»; «Кокетливый медведь и саурская корова»; «Движение исламского духовенства в России» можно свести к следующему:

— Россия всегда стремилась подчинить своему влиянию Афганистан. И после ее поражения в Афганистане она будет пытаться расчленивать страну. При этом Россия рассчитывает, что, поскольку ни одна из частей страны не будет обладать достаточным экономическим базисом и не сможет обеспечить свою политическую и военную независимость, то обязательно вновь попадет под влияние России;

— если Москва будет продолжать в отношении Афганистана политику угроз и вмешательства, то ей не следует рассчитывать на то, что будущее правительство Афганистана легко пойдет на нормализацию отношений с Россией;

— нейтралитет Афганистана никогда не был подлинным. Он был навязан Кабулу Москвой, так как отвечал ее военным, политическим и экономическим интересам. Если бы Афганистан был действительно нейтральным, он не подвергся бы агрессии. Необходимость полного нейтралитета в будущем диктуется геополитическим положением Афганистана, и ему не следует вмешиваться в проблемы, лежащие вне пределов его возможностей.

Обращают на себя внимание публикации журнала, в которых делались попытки дискредитировать советскую технико-экономическую помощь Афганистану. Так, в статье Залмая Попаля «Расхищение русскими кредитов, предоставлявшихся ими Афганистану» содержатся утверждения о том, что будто бы в результате махинаций советских чиновников окончательная стоимость объектов, сооружаемых с помощью СССР, неизмеримо возрастала по сравнению с их первоначальной проектной стоимостью, а суммы расхищенных средств с каждого кредита достигали порой 25% от стоимости объекта [72].

Совершенно ясно, что подобного рода публикации, представляющие собой составную часть антисоветской, антироссийской кампании, ведущейся некоторыми эмигрантскими изданиями, прежде всего, понадобились для того, чтобы доказать ответственность России за экономические и моральные последствия войны и каким-то образом аргументировать возможные претензии Афганистана на выплату ему репараций.

III. Газеты эмигрантских группировок, декларирующих свою приверженность демократии и выступающих как «умеренные и миролюбивые» силы. Они были созданы эмигрантами последней (1992 г.) волны, в большинстве своем бывшими членами НДПА — партии «Ватан». Общая демократическая направленность этих изданий не исключает наличия расхождений между ними по социальным и национальным проблемам и ориентации на разные силы, борющиеся за власть в Афганистане. Значительного влияния на общественное мнение диаспоры не оказывают; в последнее время часть из них склоняется к союзу со сторонниками движения «третья сила».

1. «Аманат» («Залог») — газета основана в марте-апреле 1995 г. группой эмигрантов в Нидерландах. Газета считает себя «независимой, национальной, исламской», выходила 1 раз в 2 месяца на языках пушту и дари. В редакционной статье первого номера газеты ее издатели, объясняя название «Аманат», писали, что героические предки нынешнего поколения афганцев оставили им как бы в залог такие непреходящие ценности, как «свобода, независимость, единство страны, национальный суверенитет и равенство всех племен и народов», и завещали хранить и укреплять их.

В том же номере объявлялось, что «Аманат» намеревается стать рупором всех тех афганских эмигрантов в Голландии, которые не могут оставаться безучастными к трагедии своего народа, а в качестве своей ближайшей задачи провозглашала объединение всех эмигрантов в единый союз на национально-патриотической и демократической платформе.

«Аманат» обращалась с призывом ко всем миролюбивым силам из числа интеллигенции, военных, государственных чиновников «прежнего режима», равно как к «миролюбиво» настроенным лидерам муджахедских группировок, объединиться вокруг «подлинно национальных умеренных и демократических сил», которых представляет «Аманат», и добиваться мирного решения конфликта с помощью ООН.

Какой-либо собственной политической программы газета не выдвигала. Подобно многим эмигрантским изданиям, выступающим за мирное урегулирование, она высказывалась за созыв Лоя Джирги, проведение всеобщих свободных тайных и прямых парламентских выборов и создание переходного правительства.

«Аманат» выступает с унитаристских позиций, декларирует национальное единство и социальное равноправие всех народов и наций, населяющих Афганистан и осуждает попытки «определенных националистических сил», направленных на расчленение страны. Газета также резко осуждала лидеров муджахедов, которые после победы над «красным агрессором», вместо установления в стране мира, начали междоусобную борьбу за власть и довели страну до нынешней кризисной ситуации и в стремлении утвердить свою власть не останавливаются перед нарушением права человека, особенно прав женщин [73].

2. «Навайе бамдад» («Утренняя песня») — печатный орган Союза координации программ афганской интеллигенции и молодежи. Ежемесячная газета, выходит с 1995 г. в городе Фаридабаде (Индия) на языках дари и пушту. В совет учредителей Союза входят: Мир Мухаммад Асеф Заифи-Хусайни, Саттар Гуль Пактиваль, Сайид Низамуддин Вахдат, Абдулахад Торкмани. Газета выступает как трибуна «умеренных, демократических, национальных и прогрессивных» сил Афганистана.

В программном заявлении учредителей Союза указывалось, что он создан с целью объединения всех разрозненных «умеренных и миролюбивых» сил в единый фронт. Главным направлением политической деятельности союза провозглашалась борьба за создание выборного парламента и принятие демократической конституции, гарантирующей права и свободы личности и способной обеспечить равноправие различных социальных и национальных групп общества и национальное единство.

Для понимания политической ориентации «Навайе бамдад» важным представляется толкование газетой понятия «демократия». В статье «Какая демократия нужна нашему обществу», указывалось, что в «отсталом и приверженном традициям» афганском обществе, где все определяется и зависит от родоплеменных и родственно-семейных связей, демократия, подразумевающая подлинную свободу выбора, невозможна. Как подчеркивала газета, при любом, даже самом свободном на вид, волеизъявлении, результаты будут predeterminedены решением всего рода, племени, клана или семьи, и ни один член этих образований не сможет пойти против общего мнения, не опасаясь подвергнуться остракизму. На этом основании газета предлагала отказаться от «обязательной» демократии, когда «большинство» навязывает свои идейно-политические взгляды «меньшинству», а принять так называемую «совещательную» демократию, в условиях которой, согласно традициям афганского народа, учитывается не только мнение «большинства», но и «меньшинства» [74].

Для того же, чтобы афганское общество подошло к восприятию демократии западного образца и могло бы самостоятельно определять пути своего развития, а не подчиняться мнению «большинства», газета призывала афганскую интеллигенцию

и молодежь включиться в просветительскую работу в народных массах.

Особый интерес представляют оценки нынешней ситуации в стране и расстановки противостоящих сил. По мнению «Навайе бамдад», в настоящее время основными претендентами на власть выступают исламские фундаменталисты, местные националисты и сторонники демократии, которые из-за глубоких идейно-политических разногласий никогда не смогут достичь компромисса. Поэтому газета предлагала использовать для установления «справедливого и демократического» мира посредничество соседних стран, которые заинтересованы в стабильном Афганистане. Обосновывая подобный подход к решению афганской проблемы, «Навайе бамдад» высказывала суждение о том, что в результате распада СССР и возникновения независимых среднеазиатских республик, в регионе сложилась новая геополитическая ситуация, в которой Афганистан будет играть особую роль в экономических отношениях и оборонной стратегии стран региона.

Признавая потенциальную миротворческую роль внешних сил, газета тем не менее напоминала своим сторонникам, что Афганистан на всем протяжении своей истории был объектом агрессивных устремлений иностранных держав и что нынешняя ситуация в стране есть прямой результат иностранной интервенции, а продолжение войны напрямую увязывала с вмешательством Пакистана и Ирана.

В редакционной статье «Кто будет править в Афганистане», издатели газеты исключали возможность силового решения конфликтной ситуации в стране и выступали против любого участия моджахедов в будущих властных структурах Афганистана. По их мнению, управлять послевоенной страной могут только те силы, которые готовы проводить политику, основанную на демократии, исламе и моральных ценностях афганского народа, направленную на укрепление национального единства и взаимопонимания между различными социальными слоями общества [75].

В целом, отношение «Навайе бамдад» к лидерам как моджахедов, так и талибов в одинаковой мере негативное. Газета, выступая за национальное единство, обвиняла и правительство Б. Раббани и движение «Талибан» в разжигании национальной розни. Например, в передовице «Народ Афганистана знает своих врагов» газета, ссылаясь на события, имевшие ме-

сто в Герате после захвата его талибами, с горечью писала о том, что известный полевой командир моджахедов, таджик по национальности, Исмаил-хан, став губернатором Герата, проводил в отношении гератских пуштунов дискриминационную политику. Когда же город был захвачен талибами, то новый правитель-пуштун в отместку стал всячески притеснять таджикское население города. Особое возмущение газеты вызвал тот факт, что он даже общался с ними через переводчика, поскольку не владел языком дари [76].

В связи с этим, осуждая политические круги в эмиграции, которые выступают в поддержку талибов (называя их «истинными пуштунами», «настоящими мусульманами»), и пытаются доказать их право на верховную власть в стране, «Навайе бамдад» заявила, что те, кто не владеет официальными языками Афганистана — пушту и дари, по существу, являются иностранцами и не могут претендовать на управление государством.

Высмеивая апологетов талибов, газета задавала риторический вопрос: если талибы действительно являются учениками медресе, то каким образом столь молодые и неопытные юноши смеют претендовать на управление такой «древней и славной страной», как Афганистан.

3. «Тасфир» («Картина») — печатный орган Совета афганских эмигрантов. Газета основана в сентябре 1995 г. в Бонне (Германия), издается на пушту и дари языках, называет себя трибуной всех «миролюбивых, умеренных и демократических сил», выступающих за «эволюционный путь» развития общества.

Одной из своих главных пропагандистских задач «Тасфир» считает мобилизацию всех демократических сил с целью организации межафганского диалога и достижения взаимопонимания и национального согласия, без чего, по убеждению газеты, невозможно достичь примирения враждующих сил, и в конечном счете — установления прочного мира.

Для этого газета призывает все эмигрантские организации, разделяющие позицию Совета, отбросить прежние разногласия и единым фронтом добиваться создания таких политических условий, которые бы позволили претворить в жизнь идеалы мира, свободы, демократии, равенства и братства.

Какой-либо оригинальной политической концепции мирного решения афганской проблемы газета не предлагала и, судя

по ее заявлениям, разделяет и поддерживает известные положения по урегулированию конфликта, имеющие широкое хождение среди эмигрантских группировок, относящих себя к так называемой «третьей силе». Так, в открытом письме учредителей Совета к афганской эмиграции, опубликованном в первом номере (октябрь 1995 г.) газеты «Тасфир», Совет высказывался за незамедлительный созыв Лойа Джирги, проведение свободных парламентских выборов, формирование переходного правительства, возрождение национальной армии, полное разоружение и, наконец, создание безопасных условий для добровольного возвращения беженцев на родину.

Более подробно политическая программа «Тасфир» была изложена в открытом письме на имя Махмуда Мистери (специального представителя Генерального секретаря ООН), в котором выражалась полная поддержка его мирным инициативам. В письме, в частности, отмечалось, что в Афганистане отсутствует сильная центральная власть, усилились сепаратистские тенденции местных лидеров, вызванные этническим и религиозным противостоянием; широкие масштабы приобрело иностранное вмешательство, что в конечном счете привело к хаосу и анархии. В подобной обстановке, как утверждала газета, ни одна из нынешних военно-политических группировок не в силах добиться мира и гражданского согласия, тем более в одиночку управлять страной. По мнению газеты, «национальную и исламскую» задачу по выводу страны из тупика могли бы взять на себя те «политические группировки, интеллигенция и национальные авторитеты», которые бы поступились личными амбициями ради высших интересов нации, создали бы единый Общенациональный фронт с общей политической платформой и единым выборным руководством [77].

Несмотря на заявление Совета о том, что у него нет «противоречий ни с одним из танзимов», антимуджахедская направленность публикаций «Тасфир» достаточно прозрачна. Например, в открытом письме афганских женщин-эмигранток в адрес Верховного Комиссара ООН по делам беженцев содержались жалобы на бесправное и угнетенное положение женщин в Афганистане при правительстве Б. Раббани, называемое газетой «правительством Кабула», которое обвинялось в полном попрании прав человека, особенно прав женщин.

IV. Газеты и журналы, издаваемые шиитско-хазарейскими группировками различной политической ориентации, каждая из которых претендует на право единолично представлять интересы хазарейского народа. Общее, что их объединяет, — это критика всех правивших в Афганистане режимов, проводивших в отношении хазарейцев-шиитов дискриминационную политику, и крайне враждебная анти-талибская позиция.

1. «*Асри барайе адалат*» («Время для справедливости») — печатный орган Культурного общества вождя-шахида (мученика погибшего за веру), группировки хазарейских националистов — последователей Абдул Али Мазари, бывшего лидера расколовшейся шиитско-хазарейской партии Исламское единство Афганистана («Вахдат»), погибшего в 1995 г. в схватке с талибами.

Ежемесячный журнал основан в начале 1996 г., издается в Исламабаде на языке дари, выходит под девизом «Демократия, справедливость, равенство — основа гуманизма», выражает идейно-политические взгляды А. А. Мазари и его сторонников, которые главным образом сводятся к восхвалению личности и деятельности «вождя-шахида», разоблачению «внутренних и внешних врагов хазарейского народа», а точнее — политических противников группировки, выступающей под вывеской Культурного общества вождя-шахида.

Политический облик журнала «Асри барайе адалат» складывается из нескольких главных пропагандистских направлений, которые в суммированном виде можно свести к следующему:

— хазарейский народ с момента образования централизованного афганского государства подвергался расовой и религиозной дискриминации. Афганские правители, начиная с амира Абдурахман-хана и кончая президентом Б. Раббани, проводили политику, направленную на отождествление хазарейского общества с шиитской общиной, в то время как, по утверждению журнала, среди хазарейцев имеются и сунниты (33%), и исмаилиты, и имамиты, а среди шиитов, кроме хазарейцев, есть таджики, и кизылбаши, и представители других национальностей. Целью подобной политики, как подчеркивал журнал, было стремление вытравить национальное самосознание хазарейцев, убрать с политической арены подлинно национальных вождей хазарейского народа,

таких как А. А. Мазари, заменив их лояльными центральной власти «придворными шиитами», чтобы с их помощью не только эксплуатировать хазарейский народ, но и использовать его как «пушечное мясо»;

— именно религиозно-политическое руководство хазарейской общины, называемое журналом «придворными шиитами», «религиозной знатью», «придворной эксплуататорской шиитской аристократией» и т. п., сыграло самую негативную роль в истории хазарейского народа, каждый раз предавая его национальные интересы ради своих узкокорыстных целей; проводило под религиозными лозунгами политику закабаления хазарейцев;

— традиции использования «придворных шиитов» для эксплуатации хазарейцев продолжают и поныне. Входившие в состав Высшего государственного совета Исламского государства Афганистан аятолла шейх Мухаммад Асеф Мохсени — лидер военно-политической группировки Исламское движение Афганистан («харакат»), шейх Мухаммад Акбари — лидер фракции и военной группировки, отколовшейся от партии «Вахдат», а также высокопоставленные чиновники правительства Б. Раббани: Сайид Али, Сайид Джавид, Сайид Анвари, Сайид Зия, Сайид Луланджи, Сайид Хади, Сайид Гоухари, Сайид Хасан Яр, Сайид Джагран проводили в угоду президенту Б. Раббани антихазарейскую политику;

— правительство Б. Раббани явилось «основоположником политического неонацизма» в Афганистане. Его «исламистское правительство» проводило политику разжигания межнациональной розни, развязало «самую кровопролитную войну» в истории Афганистана. Свержение «исламистского правления» Б. Раббани следует считать «самой большой удачей хазарейского народа и самым большим поражением Ирана», «марионеткой» которого был «свергнутый» президент;

— руководство Исламской Республики Иран является «злейшим врагом» хазарейского народа и независимости Афганистана, проводит политику, направленную на создание атмосферы вражды и ненависти между хазарейцами и пуштунами. Шиитские лидеры Ирана хотят навязать хазарейцам хомейнистскую идеологию и форму правления «вилайате факих», и ради достижения своих геополитических целей в регионе готовы принести в жертву весь хазарейский народ. Именно иранское руководство ликвидировало А. А. Мазари и

предало хазарейцев в период боев за Кабул. В статье «Утрата политической опоры» говорилось буквально следующее: «...мы знаем, что фетва об убийстве «вождя-шахида была выпущена посольством Исламской Республики Иран в Афганистане, равно как и решение о подавлении сопротивления на западе Кабула было принято этим посольством» [78]. Теперь, погубив вождя хазарейцев, руководство Исламской республики Иран пытается навязать хазарейскому народу своих ставленников — «продажных агентов», «придворных шиитов» Сайида Мухаммада Седжади, Сайида Ала Рахмати, Сайида Фазля, Сайида Мохакк-заде — для того, чтобы они отстаивали его интересы;

— талибы — «мракобесы», пытающиеся силой внедрить в афганское общество средневековые законы ислама. Они настолько невежественны, что даже не знают как следует Коран, о чем свидетельствует, например, заявление правителя Герата муллы Яр Мухаммада о том, что, якобы, согласно Корану, «даже слышать звуки женских шагов уже является грехом».

Если талибы вопреки своим первоначальным обещаниям не захотят уступить власть выборному правительству и обеспечить права национальных меньшинств, то это повлечет за собой начало новой партизанской войны. Если даже талибам удастся мобилизовать весь пуштунский народ, то против них все равно будет воевать «половина» страны. Попытки «изгнать таджиков, узбеков и хазарейцев с их исконных земель» натолкнутся на такое сопротивление, что талибам придется «поливать кровью каждый свой шаг» [79].

— талибы — порождение США и их союзников Пакистана и Саудовской Аравии — созданы этими странами специально для борьбы с исламским фундаментализмом Ирана, и пока они не достигнут поставленной ими цели — не успокоятся. Партия «Вахдат», возглавляемая Мухаммадом Каримом Халили, является исламской партией, связанной с Ираном. Сегодня — это партия, претендующая на то, чтобы представлять весь хазарейский народ, избрала бесперспективный путь борьбы за чуждые хазарейцам интересы Ирана. Если партия потерпит поражение от талибов, то это будет тяжелым и бесславным поражением для всего хазарейского народа. «Давайте себя честно спросим: этого ли добивался в течение веков наш народ?» — задавал риторический вопрос журнал [80].

— единственный выход из сложившейся тупиковой ситуации журнал видит в смене руководства партии «Вахдат» и поисках компромисса. Сегодня, по заявлению «Асри барайе адалат», в хазарейском обществе действует множество всяких организаций и партии, которые, занимаясь «политическим лавочничеством», зазывают покупателей приобретать их «залежалый товар: марксизм-ленинизм, маоизм или исламский фундаментализм». В этих условиях «Асри барайе адалат» выступает за демократию и введение в Афганистане парламентской формы правления.

2. «Фарйаде ашура» («Призыв ашуры») — печатный орган Центра политической и культурной деятельности проповедников учения Пророка — проиранской организации афганских шиитов, созданной под патронажем руководства ИРИ в период джихада. В числе участников Центра встречаются имена таких шиитских религиозно-политических авторитетов, как Сайид Ибрахим Седжади, Сайид Хусейн Мусави, Ханали Бахтияри и др. Ежедневная газета, основанная в 1994-1995 гг., издается на языке дари в городе Мешхеде (Иран), ответственный редактор — Сайид Накибулла Хусейни-Мазари.

Газета представляет собой религиозно-политическое издание, приверженное идеям улема Сайида Исмаила Балхи, известного шиитского религиозного деятеля, лидера радикальной группировки «Кияме ислами» (Исламское восстание), арестованного в 1949 г. по обвинению в организации заговора против короля Мухаммада Захир-шаха и премьер-министра Шах Махмуда и пробывшего в заключении до 1964 г. [81].

Сама газета считает своей главной «исламской политической и культурной» задачей сохранение «вечно живой памяти о святом семействе Пророка» и следование курсу «вилаята и имамата» в русле «ислама пророка Мухаммада». Наряду с пропагандой шиитских доктрин в их хомейнистской интерпретации «Фарйаде ашура» демонстрирует свою полную поддержку внутри- и внешнеполитическому курсу нынешнего руководства Исламской Республики Иран.

Подобно другим шиитским и хазарейским изданиям газета отводит значительное место критике правившей в Афганистане пуштунской верхушки за ее дискриминационную политику в отношении шиитов и хазарейцев. Для примера обратимся к материалу «Страницы скорбной летописи шиитов», автор которого, Риизи Хади, подвергает резкой критике всех

пуштунских правителей: с амира Абдуррахман-хана до Мухаммада Захир-шаха.

Указав на то, что при амире Абдуррахман-хане шиитам было запрещено отправлять все их религиозные обряды и церемонии, автор пишет, что сын Абдуррахман-хана амир Хабибулла, не желавший отстать от отца в «фанатизме и невежестве», закрывал и разрушал шиитские молельные дома (например, автор упоминает разрушение мечети в курдском квартале столичного района Чандавол), запрещал молитвенные песнопения шиитов, а исполнителей их бросал в тюрьмы и даже дошел до того, что обязал шиитов, подобно чужеземцам, носить униженный отличительный знак. «Хабибулла, — писала газета, — предписал индусам носить желтую головную повязку, а шиитам — красную» [82].

Касаясь периода правления (1929–1978) пуштунской династии Мусахибан (Яхья-хель), «Фарйаде ашура» называла основателя династии короля Надир-шаха «английским ставленником», которого лживая придворная пропаганда разрекламировала якобы как «отца и спасителя нации», а его брата «фальшивого» маршала Шах Вали-хана изображала в качестве «победителя Кабула», хотя на самом деле династия Мусахибан ничего хорошего для народа не сделала.

Подобные экскурсы в историю понадобились газете прежде всего для того, чтобы представить пуштунов-талибов как силу, пытающуюся сегодня, под прикрытием религиозных лозунгов, вновь навязать этническим меньшинствам господство пуштунских правителей.

В развернувшейся на страницах «Фарйаде ашура» антиталибской кампании резкой критике подверглась «антиисламская и античеловеческая» политика талибов на подконтрольных им территориях. Особое осуждение газеты вызывала так называемая культурная политика талибов и их всевозможные запреты, относящиеся к сфере духовной жизни афганского общества, как не соответствующие якобы его национальным традициям. Так, в интервью с популярным афганским певцом и композитором Абдул Вахабом Медади, опубликованном под заголовком «Не могу жить без музыки», А. В. Медади осуждал запрещение исполнять музыкальные произведения и, наоборот, призывал всячески развивать национальную музыку, которая, по его словам, стоит на грани гибели. Медади подчер-

кивал, что афганцам не нужна европейская музыка, но общество не может жить без традиционной национальной музыки.

Однако наиболее серьезную озабоченность газеты вызвали военные действия талибов на севере страны. «Фарйаде ашура» призывала участников антиталибской коалиции не поддаваться их «лживым» заявлениям о готовности к мирным переговорам и продолжению борьбы. Хотя газета считает, что талибы не добьются легкой победы, так как против них выступает не только коалиция, но и все «угнетенные» народы, однако, в отличие от других антиталибских изданий, не исключала опасности того, что «рано или поздно талибы установят свое господство и над северными районами» и призывала «подлинных муджахедов» — патриотов родины продолжать борьбу без «страха и боязни».

Для политического облика «Фарйаде ашура» присуща также антироссийская направленность некоторых ее публикаций. В статье «Национальный ущерб от войны» (автор Назар Хусайн Насири) утверждалось, что «русская армия» специально наносила удары по центрам искусства, культуры и науки, чтобы подорвать национальную культуру, и выражалось сожаление по поводу того, что до сих пор внимание мировой общественности не было привлечено к этой «великой культурной катастрофе» афганского народа. Правда, «Фарйаде ашура» была вынуждена признать, что «ущерб, нанесенный культурным ценностям во время междоусобных войн, был ничуть не меньше ущерба, причиненного им в период войны против агрессора» [83].

V. Печатные органы танзимов, которые продолжали выходить за пределами Афганистана даже после победы муджахедов. Эти издания в настоящее время утратили свое прежнее влияние на общественное мнение афганской диаспоры. Политические платформы этих группировок достаточно хорошо известны еще со времен джихада. За прошедшее время они существенно не изменились и какими-либо новыми, привлекательными для афганского общества идеями не обогатились. Главное, что их объединяет — это прославление своих лидеров и дискредитация их политических оппонентов.

1. «*Фатх*» («Победа») — печатный орган партии Исламского общества Афганистана (ИОА) Б. Раббани. Ориентировочно газета была основана в начале 1992 г. в Пешаваре, в основном рассчитана на афганскую эмиграцию в Пакистане. После прихода к власти муджахедов в апреле 1992 г. издание этой

газеты в Пешаваре продолжалось, хотя другие партийные издания ИОА были переведены в Кабул.

Сама газета называет себя «подлинным голосом народа», однако ее политическая направленность определялась в первую очередь идейно-политическими взглядами самого Б. Раббани и его установками в качестве президента Исламского государства Афганистан.

Прежде всего, «Фатх» стремилась доказать легитимность избранного Б. Раббани президентом нового для Афганистана представительного органа — Шурайе ахле хал ва акд — и ответственно законность президентских полномочий самого Б. Раббани. Примечательно, что наряду с этим прослеживалось явное желание газеты дискредитировать Лойа Джиргу как традиционный представительный орган афганцев (пущунов). «С точки зрения ислама и мусульман, — писала «Фатх», — Лойа Джирга — отсталая и консервативная форма волеизъявления народа, только Шурайе ахле хал ва акд является единственным выразителем мнения народа и инструментом его объединения» [84]. Газета как партийный орган ИОА всячески популяризировала деятельность правительства Б. Раббани, пытаясь представить его в качестве «защитника» народа, проявляющего «заботу о населении». Так, в качестве примера подобной заботы широко рекламировались такие мероприятия властей, как открытие новой мечети в здании министерства связи, раздача гуманитарной помощи жителям Кабула и т. п.

Особый акцент в публикациях делался на показе стремления новой власти построить в Афганистане «исламское государство», общество «исламской справедливости». Разумеется, помимо общих деклараций, никаких конкретных сведений о том, каким должно быть это «исламское» государство, не сообщалось. Однако, судя по некоторым публикациям, можно предположить, что теоретическую основу построения подобного государства должны были составить труды профессора теологии (президента Б. Раббани) по исламу, как известно, базировавшиеся на учении основателей и идеологов «Братьев-мусульман», аль-Банни и аль-Котба. Не случайно «Фатх» в числе идейных вождей ИОА упоминала не только имена афганских основоположников движения «Братьев-мусульман» Гулям Мухаммада Ниязи, инженера Хабибуррахмана и доктора Омара, но и имена Хасана аль-Банни и Сайида аль-Котба [85].

Пытаясь создать впечатление широкой поддержки населением политики правительства Исламского государства Афганистан, «Фатх» прибегала к публикации писем читателей, в которых содержались заявления о том, что «единственным желанием» афганцев является надежда жить в «исламском обществе», и раздавались призывы объединяться вокруг правительства ИГА.

Наконец, одним из постоянных элементов пропагандистской кампании, определявших облик «Фатх», являлась дискредитация политических соперников Б. Раббани, в первую очередь «злейшего врага» лидера ИПА — Г. Хекматъяра, который обвинялся в нарушении всех договоренностей между лидерами муджахедов, предательстве интересов нации, сговоре с «коммунистами», попытках свергнуть законное правительство и т. п. Между «Фатх» и «Шахадат» — печатным органом ИПА — шла настоящая пропагандистская война. «Фатх», например, обвиняла «Шахадат» в том, что она публиковала оскорбительные карикатуры на «уважаемых лидеров танзимов и исламских партий» и наклеивала им ярлыки «неисламских, коммунистических и безбожных» личностей.

Кроме того, специальная рубрика «Страницы истории» была посвящена разоблачению «интриг» и подрывной деятельности политических противников ИОА. Например, группировка «Шолейе джавид» обвинялась в том, что несмотря на целый ряд поражений, ей удалось восстановить свои силы, и теперь она вновь начала «подрывную» деятельность против правительства ИГА. При этом подчеркивалось, что это удалось ей сделать лишь благодаря финансовой помощи единомышленников «Шолейе джавид» — левацких организаций, действующих во Франции, Германии, Албании и Китае (так в тексте. — Р. С.).

Что касается позиции газеты по внешнеполитическим аспектам, то она отражала официальный курс правительства ИГА на установление добрососедских отношений с «соседними и исламскими государствами», что, однако, не мешало «Фатх» время от времени критиковать «ужасное правительство коммунистов» в Таджикистане.

В целом же газета стремилась представить правительство ИГА как влиятельную в мусульманском мире силу, которая способна сыграть позитивную роль в судьбе мусульман, подвергающихся «притеснениям и преследованиям», например, в таких странах, как Алжир, Палестина, Китай.

2. «Шахадат» («Смерть за веру») — центральный печатный орган Исламской партии Афганистана (ИПА), возглавляемой Гульбуддином Хекматъяром. Газета была основана им в 1977 г., издавалась в Пешаваре на языках дари и пушту.

«Шахадат», которая называет себя «выразителем идей и чаяний ИПА», с момента ее создания использовалась как пропагандистская трибуна идейно-политических взглядов Г. Хекматъяра и средство борьбы с его политическими противниками.

Среди основных тематических направлений, формирующих нынешний политический облик газеты, можно выделить следующие. В первую очередь это всесторонняя популяризация личности «амира» Исламской партии Г. Хекматъяра как «выдающегося военного и политического деятеля, внесшего огромный вклад в победу джихада». «Хекматъяр, — цитировала газета слова ныне покойного лидера хазарейцев Али Мазари, — сыграл выдающуюся роль в успехах (муджахедов. — Р. С.)... и народы Афганистана не должны этого забывать» [86].

Одновременно шло и восхваление партии, возглавляемой Г. Хекматъяром, которая, по утверждению газеты, несмотря на временные неудачи, все еще остается «самой мощной военно-политической силой в Афганистане». При этом проглядывало стремление представить ИПА как значительную силу чуть ли не международного масштаба, которой предназначено сыграть революционную роль во всем мусульманском мире, а самого «брата Хекматъяра» как нового мессии, призванного навести «исламский порядок» в мусульманском мире.

Наряду с этим «Шахадат» уделяла значительное место разоблачению «врагов мусульманского народа Афганистана»: Б. Раббани, А. Ш. Масуда и бывшего монарха. Например, правительство президента Б. Раббани газета называла «недееспособным», «узурпаторским», отражающим лишь интересы «таджикского меньшинства», которое, добравшись до власти и провозгласив лозунг «Арг йа марг» («дворец или смерть!»), не собирается делиться властью с другими лидерами джихада и отвергает модель «гуманного исламского» государства, предлагаемую Г. Хекматъяром и его партией. Поэтому газета постоянно выступала с требованием ухода в отставку Б. Раббани. Резким нападкам «Шахадат» подвергала и А. Ш. Масуда, особенно злорадствуя по поводу поражений, которые потерпели его части в ходе сражений с талибами.

Но самой резкой критике Б. Раббани и А. Ш. Масуд, которых газета называла «проводниками традиционной колониальной политики Кремля в Афганистане», подвергались за сотрудничество с «Россией — правопреемницей СССР, государством, которое, по словам «Шахадат», повинно в уничтожении 1,5 млн афганцев и превращении Афганистана в «минное поле». При этом крайнее раздражение газеты вызывало то обстоятельство, что «Россия до сих пор не выразила готовности выплатить Афганистану репарации за причиненный в результате советской агрессии ущерб» [87].

В контексте своих прежних антимонархических выступлений, когда «Шахадат» требовала доставки бывшего короля в Афганистан, как преступника, в наручниках, и предания его «исламскому революционному суду» [88], газета продолжала нападки на Мухаммада Захир-шаха, стремясь дискредитировать его как возможного претендента на верховную власть в будущем Афганистане. Особое недовольство газеты вызывали «слухи о том, что талибы являются союзниками бывшего короля», и служат лишь инструментом реставрации монархии. Подобные измышления, по мнению «Шахадат», были вызваны исключительно тем, что талибы вовремя не обнародовали свою программу действий, цели и задачи движения. «Шахадат» особенно сетовала по поводу того, что талибы, не обладающие опытом управления государством, могут обратиться за помощью к «бюрократам» и «технократам», находящимся в эмиграции. Так, в комментарии «Почему Захир-шах? Почему не ты?», опубликованном в одном из октябрьских 1995 г. номеров газеты, содержалось предостережение талибам об опасности сотрудничества с Захир-шахом и такими людьми из его ближайшего окружения, как Абдул Саттар Сират, Султан Махмуд Гази и др., которые хотят использовать талибов лишь как инструмент достижения власти, а затем избавиться от них. При этом, в качестве доказательства подобных утверждений, газета ссылалась на «разговоры», которые якобы давно идут в афганских эмигрантских кругах на Западе о том, что «талибы, муллы и муджахеды, завершив джихад, выполнили свой священный долг и теперь настало время вернуться им в мечети и приступить к исполнению своих обязанностей, а чтобы они не вмешивались в политику, назначить им хорошее жалованье» [89].

Что касается отношения «Шахадат» к талибам, то насколько мы можем судить по изданиям, относящимся к периоду

конца 1994-1995 гг., газета явно стремилась избежать конфронтации с талибами и всячески демонстрировала им свою лояльность. Видимо, пуштун Г. Хекматъяр в то время еще надеялся найти общий язык с пуштунами талибами. Вероятно поэтому газета обходила молчанием поражение, которое потерпел Г. Хекматъяр от талибов в Чарасийабе, а в октябре 1995 г., в канун очередного наступления талибов на Кабул, даже поместила хвалебный материал в их адрес. «Нет сомнения, — говорилось в редакционной статье, — что сегодня талибы — самая мощная военная сила, располагающая достаточным вооружением, обладающая высоким моральным духом и одержавшая много побед» [90].

Примечательно, что при этом газета настойчиво рекомендовала талибам не пытаться взять Кабул в одиночку, а объединиться с той силой, которая под руководством «брата-муджахеда Хекматъяра» внесла решающий вклад в победу джихада.

Вместе с тем газета не скрывала своей обеспокоенности по поводу того, что после захвата столицы талибы, судя по их декларациям, собираются единолично править страной. В комментарии «Продвижение талибов к Кабулу: будущая программа должна стать ясной», «Шахадат» выражала опасение, что если талибы, не имеющие опыта управления государством, попытаются устранить все остальные военно-политические группировки и пойдут по пути установления своей диктатуры, то их ждет печальная участь «кабульских правителей», пытавшихся монополизировать власть, а страну — еще больший кризис. Поэтому газета «дружески советовала» талибам, как можно скорее обнародовать свою «убедительную, взвешенную и ясную» программу действий, чтобы успокоить афганский народ [91]. В противном случае, предупреждала газета, движение «Талибан» будет обречено на провал, что, в свою очередь, будет означать поражение ислама и мусульман, и призывала мусульман молиться за то, чтобы талибы не оказались «заложниками своей гордыни и диктаторских устремлений».

VI. Печатные издания ультралевых группировок, выступающих за создание «революционным» путем в Афганистане демократического светского государства и призывающих все «революционные силы» к совместной борьбе против исламского фундаментализма.

1. «*Пайаме зан*» («Послание женщины») — печатный орган Революционного общества женщин Афганистана, нынешний руководитель — Саима Карим. Журнал «Пайаме зан» основан в 1987 г., издается в Кветте (Пакистан) на языках дари и пушту, печатается нерегулярно, ориентировочно 1 раз в 5–6 месяцев. «Пайаме зан» выходит под лозунгом: «Свобода, демократия или смерть!» и выступает против «фашистских фундаменталистов», против любого «фашистского режима» — религиозного или нерелигиозного; за «свободу, демократию, социальную справедливость и территориальную целостность Афганистана».

Революционное общество женщин Афганистана (РОЖА) — женская эмигрантская организация была создана в 1977 г. Кешвар Камаль, более известной под именем Мина, погибшей в Кветте от рук одной из муджахедских фундаменталистских группировок (возможно, принадлежавших к ИПА Г. Хекматъяра). РОЖА выступает с ультрареволюционных позиций, весьма напоминающих идеологическую платформу известной лево-экстремистской промаоистской группировки «Шолейе джавид» («Вечное пламя») [92]. Сам журнал, хотя и отрицает всякую связь с «Шолейе джавид», тем не менее не скрывает своих симпатий к этой организации, утверждая, что она у афганского народа пользуется популярностью, и называет ее «величайшим политическим движением», боровшимся против «парчамистов», «халькистов» и прочих «реакционеров».

О политической ориентации журнала в определенной мере позволяют судить и его деловые контакты со многими эмигрантскими организациями (турецкими, курдскими, иранскими), вступающими с ультралевых позиций. В частности, «Пайаме зан» сотрудничает с такими иранскими эмигрантскими изданиями, как «Рахе туфан» («Путь урагана») — печатный орган группировки Сторонников иранской партии труда; «Шир-о-хоршид» («Лев и солнце») — издание Организации муджахедов иранского народа, «Набарде халк» («Битва народа») — газета Организации партизан-федаев иранского народа; «Комунист» («Коммунист») — центральный печатный орган Коммунистической пар-

тии Ирана; «Энтернасьонал» («Интернационал») — издание Коммунистической рабочей партии Ирана и др. В контексте политических пристрастий РОЖА следует рассматривать и заключенный с Партией пакистанского народа (Пакистани пиплз парти) в октябре 1994 г. «политический союз». В опубликованном в журнале заявлении стороны подтверждали свою приверженность «демократии и прогрессу» и осуждали «исламский фундаментализм».

Доминантой публицистической деятельности журнала, несомненно, является его борьба с исламским фундаментализмом, угрозу которого для афганского общества «Пайаме зан» считал более опасной, чем даже тоталитарный режим НДПА. «Революционное общество женщин Афганистана, — писал «Пайаме зан», — с первых дней войны против русских агрессоров и их марионеток, и появления на военно-политической арене фашистского фундаментализма, предупреждало афганцев, что в случае прихода к власти фундаменталистов страну ожидают еще более черные дни, чем в период марионеточного режима и русской оккупации» [93].

Особую ненависть журнала вызывает личность «главного исламского фундаменталиста» Г. Хекматъяра, которого он обвинял не только в стремлении установить в Афганистане «фашистскую религиозную диктатуру» и изгнать с государственной службы всех женщин, но и попытках экспортировать исламский фундаментализм в другие «горячие точки» мира. Для иллюстрации последнего тезиса «Пайаме зан» приводил факт участия боевиков Г. Хекматъяра в боевых действиях в Нагорном Карабахе. Там группировка афганских наемников, называвшая себя «Лашкаре сема» («Небесное воинство»), в количестве более 1,5 тысяч бойцов, во главе с неким инженером Вахидулло, не только сражалась на стороне азербайджанской армии, но, как утверждает журнал, занималась контрабандой наркотиков [94].

Хекматъяр также обвинялся в подготовке боевиков таджикской оппозиции. Журнал перечислял лагеря их подготовки в провинциях Бадахшан, Тахар и Кундуз, и указывал каналы доставки денежных средств (например, из Читрала в Чаче Аб), выделяемых для таджикской оппозиции «Братьями-мусульманами» и реакционными арабскими режимами.

Кроме того, «Пайаме зан» критиковал лидера ИПА за его безответственные воинственные заявления о том, что если Ин-

дия попытается каким-то образом изменить ситуацию в Кашмире в свою пользу, то он — Г. Хекматъяр не «оставит Пакистан в одиночестве» и советует Индии не забывать о «печальной судьбе СССР» [95].

Следует отметить, что «Пайаме зан» не обошел своим критическим вниманием ни одного из лидеров, действовавших на политической арене Афганистана за последнюю четверть века. Помимо постоянных критических высказываний о «кровавом, марионеточном режиме Тараки—Наджиба», журнал обрушился с нападка на лидеров муджахедов — Б. Раббани, А. Ш. Масуда, Ю. Халеса, А. Саяфа, С. Моджаддиди и других, обвиняя их в том, что все они являются «марионетками» иностранных держав — России, США, Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии — проводящими угодную этим государствам политику. Так, правительство Б. Раббани обвинялось в сотрудничестве с Россией, которая с его помощью пыталась-де сохранить свое влияние в Афганистане. Лидеры хазарейцев-шиитов критиковались за то, что с помощью Ирана не прекращают попыток установить в Афганистане «хомейнистскую» модель исламского государства.

По словам «Пайаме зан», лидеры муджахедов ради достижения власти готовы идти на любые беспринципные сделки со своими прежними врагами и заключать альянсы с остатками «банд Парчам и Сетаме мелли», а также, по терминологии журнала, с «грязнейшим шпионом и предателем родины» Шахнавазом Танаем или «прислужником и коммунистом» Абдурашидом Дустомом.

Весьма негативно журнал встретил появление в Афганистане движения «Талибан», которое он расценил как «очередной предательский удар в спину афганского народа». Талибов журнал называет «детисцем пакистанских спецслужб», «невежественными экстремистами», не разбирающимися в шариате и пытающимися силой навязать народу свои законы.

Нынешний этап войны между талибами и «Северной коалицией», «Пайаме зан» расценивает прежде всего как борьбу двух «врагов афганского народа», «вскормленных молоком ЦРУ», за власть и предупреждает афганцев, что, если в этой борьбе «муджахеды-предатели потерпят поражение, а дикие талибы узурпируют власть», то народу от этого лучше не будет, он окажется в ситуации, подобной той, о которой говорит-

ся в народной пословице: «Из одной двери вышел волк, а в другую вошел тигр» [96].

Мир и спокойствие в Афганистане воцарятся лишь тогда, когда, по мнению журнала, «народ поднимется с оружием в руках и сметет все преступные банды, бесчинствующие в стране».

К политическому портрету «Пайаме зан» можно добавить следующие штрихи. Журнал под лозунгом «Смерть тем, кто хочет раздела Афганистана!» выступает сторонником «единого и неделимого Афганистана». Он в равной мере осуждает «пуштунский племенной шовинизм партии «Афган миллат» и сепаратистские тенденции лидера НИДА А. Р. Дустома и руководства хазарейской партии «Вахдат».

Несмотря на свои ультрареволюционные декларации, некоторые публикации «Пайаме зан» могут, на наш взгляд, рассматриваться как симптомы возможного сближения с наиболее влиятельными в эмиграции политическими кругами, выступающими под именем «третьей силы» и признающими Мухаммада Захир-шаха своим лидером. Так, журнал фактически выступил в защиту бывшего короля, резко осудив стихотворение афганского поэта Каххара Аси под названием «Молитва над ходячим трупом по имени Захир-шах», в котором содержался целый набор оскорбительных выражений в адрес экс-короля. Более того, издатели «Пайаме зан» приняли приглашение С. Х. Хашемиана, одного из идеологов движения «третья сила», прибыть в Нью-Йорк и принять участие во всеобщей встрече афганских эмигрантов, организованной под названием «Всемирная межафганская конференция в поисках мира».

Разумеется, значительное место в журнале занимает женская тема. В специальной рубрике «Сообщения из Афганистана, находящегося под сапогом предателей и преступников — фундаменталистов», регулярно помещаются материалы, рассказывающие о многочисленных фактах нарушения прав и свобод человека на территориях подконтрольных как талибам, так и силам «Северной коалиции». Особенно много фактов касается положения женщины, которое характеризуется как «самое угнетенное и несправное за всю историю страны». Так, журнал сообщал о многочисленных случаях насилия и надругательства над женщинами со стороны талибов, которые «не считают женщину человеком». Аналогичное положение, по словам «Пайаме зан», наблюдалось и на севере страны, где бесчинствуют «банды НИДА А. Р. Дустома». Вот лишь один

из примеров, приведенный в этой связи журналом, который в какой-то степени проливает свет на судьбу афганских детей-сирот, вывезенных в свое время в СССР и якобы пропавших там без вести, в чем муджахедская пропаганда постоянно обвиняла Россию.

Журнал утверждает, что после распада СССР часть юношей и девушек были высланы в Афганистан, где они попали в Мазари-Шериф, находившийся под властью А. Р. Дустома. Девушки, по словам «Пайаме зан», в качестве «живого товара» были насильственно распроданы на «аукционе» и попали в гаремы тогдашних партийных функционеров Национального исламского движения Афганистана [97].

Наряду с фактами попрания прав женщины, журнал публикует сообщения, в которых говорится, что в ответ на насилие женщины в борьбе за свое человеческое достоинство все чаще вынуждены прибегать к таким крайним формам протеста, как самоубийство, причем в самой мучительной форме (самосожжение).

В связи с этим «Пайаме зан» обращался с призывами к ООН, «Эмнисти Интернейшнл», женским международным и региональным организациям, стремясь привлечь внимание мировой общественности к катастрофическому положению женщин в Афганистане, а всех нынешних руководителей страны за их преступления против человечности требовал предать суду.

VII. Издания религиозно-политических группировок, маскирующих свои политические цели исламскими лозунгами. Приоритетным направлением их деятельности является пропаганда панисламизма. Эти группировки могут отличаться друг от друга как политическими взглядами, так и приверженностью тем или иным течениям и школам в исламе.

1. «Аль-Бадр» («Полнолуние», скорее всего, газета получила свое название в память о битве при Бадре, где Пророк одержал победу над мекканцами); ежемесячная газета, основана Мухаммадом Халимом Танвиром в 1986 г., издается в Нидерландах на языках дари и пушту. До октября 1997 г. «Аль-Бадр» являлась официальным печатным органом Информационных бюро афганских муджахедов в Европе и была известна в эмигрантских кругах как пропагандистская трибуна лидера Исламской партии Афганистана Г. Хекматъяра.

Действительно, «Аль-Бадр» более 10 лет была активным распространителем идейно-политических взглядов «брата Хекматъяра» и популяризатором ИПА как наиболее влиятельной военно-политической силы. При этом в газете всегда подчеркивалось, что, несмотря на временные поражения, ИПА никоим образом нельзя сбрасывать со счетов при решении будущей судьбы Афганистана. В последнее время газета поместила ряд интервью с «братом» Хекматъяром, в которых он утверждал, что является единственным лидером муджахедов, которого опасаются талибы, и выражал уверенность в том, что союз муджахедов еще возродится под его руководством, и тогда народ Афганистана получит «лучший» строй, чем тот, который ему сейчас навязывают талибы.

Подобная прохекматъярская позиция «Аль-Бадр» давала полное основание отнести ее в разряд танзимских изданий, если бы в октябре 1997 г. газета внезапно не изменила свою политическую ориентацию и не начала выходить как официальное издание некоего Института исследований и реконструкции Афганистана, базирующегося в Нидерландах. В этом новом качестве газета объявила себя «выразителем чаяний мировой мусульманской общины».

Столь резкую метаморфозу «Аль-Бадр» ее издатель и главный редактор М. Халим Танвир объяснил несколькими причинами. Во-первых, по его словам, в связи с изменением ситуации в Афганистане и завершением джихада отпала необходимость в такой структуре, как Пропагандистское бюро муджахедов, во-вторых, в последнее время газета испытывала серьезные финансовые трудности и была на грани закрытия, так как «политические организации» Афганистана не спешили ей помогать. Правда, М. Халим Танвир тут же пообещал, что организационные перемены не коснутся основ издательской политики и газета будет по-прежнему продолжать публиковать материалы, разоблачающие «преступления русских агрессоров», пропагандировать джихад и деятельность «настоящих муджахедов» («муджахедине растин»!) В то же время издатель заявил, что отныне главным направлением пропаганды его газеты как «теоретического» исламского издания становится ознакомление мусульманской общины с «истинным исламом», идеями и взглядами современных теологов и философов ислама, и выражал надежду, что «Аль-Бадр» станет «вырази-

телем надежд и чаяний всех членов всемирной мусульманской общины, независимо от их национальной принадлежности».

«Аль-Бадр» — это исполнение заветной мечты исламской общины в мире, — говорилось в редакционной статье, — отныне позволит афганцам, иранцам, пакистанцам, курдам, азербайджанцам и таджикам максимально использовать публикуемые ею исследования по теории ислама для просвещения умов» [98].

При более пристальном взгляде можно обнаружить, что за новым политическим курсом «Аль-Бадр», декларациями о необходимости распространения среди мусульманской общины ценностей «истинного ислама» скрывается пропаганда панисламизма (а точнее — паниранизма) в интерпретации Хомейни. Именно Хомейни, по утверждению журнала, якобы возродил «ислам Пророка», который считает всех мусульман, независимо от их национальной, расовой принадлежности и приверженности религиозным толкам, братьями и членами единой исламской общины.

Весьма многозначительным для политической характеристики «Аль-Бадр», на наш взгляд, представляется тот факт, что свою «просветительскую» деятельность в качестве исламского теоретического издания газета начала с публикации интервью с доктором Абдул Каримом Сорущем, которого газета отрекомендовала как «самого выдающегося и наиболее популярного религиозного интеллектуала современного Ирана», сторонника взглядов двух «выдающихся иранских мыслителей доктора Али Шариати и аятоллы Мотаххари». Более того, отмечая его заслуги в качестве «религиозного новатора», возродившего идеи основоположников движения панисламизма, газета ставила его в один ряд с Джамал-уд-дином Афгани, Мухаммадом Абдо, Мухаммадом Икбалом Лахори, Сайидом Котбом, имамом Хомейни, мауланой Маудуди, Мотаххари и Али Шариати.

В задачу данного исследования не входит разбор так называемых новаторских религиозно-политических идей А. К. Соруща, которые, на наш взгляд, представляют собой эклектический набор известных положений прежних исламских мыслителей — представителей ортодоксального и реформаторского течений в исламе. Остановимся на них лишь в той степени, в которой они могут способствовать лучшему пониманию «новой» политической ориентации «Аль-Бадр». В обобщенном

виде некоторые тезисы интервью А. К. Соруща, опубликованного под заголовком «Ислам неизменен, должны измениться наши понятия», сводятся к следующему:

— ислам — настолько совершенная и универсальная религия, что не нуждается ни в каких изменениях, тем более в реформировании. «Это уже не ислам, — говорит А. К. Сорущ, — если он нуждается в изменениях» («Ин ислам нист ке байад тагйир йабад»). «Пересмотру подлежат наши представления об исламе и понимание этого вероучения с позиций нынешнего дня», — утверждает А. К. Сорущ [99];

— в любом религиозном обществе правительство, опирающееся на общественное мнение, уже является религиозным. Однако никакое правительство не должно использовать религию для придания себе законности, не должно использовать религию в качестве политической идеологии, что только мешает развитию религии. «Религия должна быть только религией! («Дин байад дин башад») — заявляет А. К. Сорущ. — Она не должна использоваться ни для поддержки государственной власти, ни для получения экономической выгоды или социального авторитета» [100];

— единственной формой религиозного правления («хокумате дини»), которое не превращает религию в идеологию и не препятствует ее свободному развитию, является демократическая форма правления, при которой все религии равны;

— халифат как форма правления, уместная в средневековье, не отвечает требованиям современного мира. Сегодня мусульманам нужна демократия, чтобы демократическим путем сформировать в странах ислама «народные правительства» («хокуматхайе мардоми»);

— мировое исламское общество едино и живет под единым знаменем Пророка. Хотя в современном мире национальные и географические границы разделили мусульман, все они братья и должны помогать друг другу и поднимать свой голос протеста против нарушения прав мусульман в таких государствах, как, например, Алжир, Турция, Египет. Исламские страны не должны смириться с тем, что Запад «угнетает» мусульман. Священная обязанность каждого мусульманина — помогать палестинцам в их борьбе против Израиля;

— задачу по духовному объединению всех мусульман должны взять на себя исламские философы и богословы, которые, в отличие от политических лидеров, сумеют быстрее най-

ти общий язык. По утверждению А. К. Соруша, сегодня ключ к решению проблем исламского мира находится в руках мыслителей ислама, а не политиков, и что мусульмане нуждаются прежде всего в новых идеях, новом исламском мышлении. Ни шиитам, ни ваххабитам, ни суннитам не удастся собственными силами навязать свое господство в исламском мире. Мусульманам следует отказаться от сектантских амбиций и выработать общую идеологическую платформу, которая бы объединила всех правоверных.

Кроме того, «Аль-Бадр» усиленно пропагандирует ислам как наиболее привлекательную религию современного мира, число последователей которой растет из года в год. Газета заполнена материалами под заголовками «Ислам — вторая религия в Голландии», «Возрождение ислама в Руанде», «Ежегодно 135 тысяч американцев принимают ислам» и т. п. В специальных рубриках «Сестра шахида», «Уроки ислама», «Новости из мира ислама» разъясняются и комментируются различные положения ислама и шариата, например, касающиеся роли женщины в обществе, соотношения принципов совещательности и выборности руководства мусульманской общиной, равенства всех мусульман перед законами ислама и т. д.

Значительное место в публикациях газеты занимает тема освещения «побед» воинствующего ислама и «подвигов» тех его представителей, которые под прикрытием исламских лозунгов пытаются добиться своих политических целей насильственным путем. Прежде всего, это выражается в популяризации таких «выдающихся борцов за ислам», как шейх Омар Абдуррахман — организатор взрыва в Международном торговом центре Нью-Йорка — или Усама бен Ладен, разыскиваемый за организацию взрывов в Саудовской Аравии и скрывавшийся у талибов; шейх Ахмад Ясин — основатель исламской террористической организации «Хамас» и др. «Аль-Бадр» с сочувствием и симпатией относится к таким террористическим исламским организациям, как «Хезболлах» в Ливане, «Ал-Джихад» в Египте, а правительство Алжира, борющееся с алжирскими террористами, называет «убийцей народа».

Другой составной частью политического облика «Аль-Бадр» является выражение крайней ненависти к «коммунистам», неприкрытое стремление дискредитировать бывшее руководство НДПА, создать в эмигрантской среде нетерпимое отношение к членам этой партии. С этой целью газета разверну-

ла настоящую «охоту на ведьм», публикуя всякого рода материалы, порочащие НДПА — партию «Ватан». В газете заведена специальная рубрика под заголовком «Убийцы», в которой из номера в номер рассказывается о «преступлениях» НДПА и печатаются списки «преступников». В частности, сообщалось, что только в Нидерландах нашли приют 35 высокопоставленных функционеров НДПА, в числе которых назывались имена члена политбюро НДПА Нур Ахмад Нура, члена ЦК партии и брата бывшего премьер-министра Асадуллы Кештманда, генерала Хасамуддина Хасама — заместителя руководителя службы безопасности ХАД, и прочие.

В другом номере газеты этот список пополнился именами таких известных партийных и государственных чиновников прежнего режима, проживающих ныне на Западе и в России, как Барек Шафии, Адина Сангин, Карим Мисак, Мухаммад Сайид Гулябзой, Сулейман Лаик, Рошан Ахмадзай (брат покойного президента Наджибуллы) и др.

В рамках развернутой «антикоммунистической» кампании «Аль-Бадр» опубликовала обращение ко всем эмигрантам в Голландии и других странах с призывом выявлять и доносить на бывших «коммунистов», с тем чтобы впоследствии судить их международным судом за «преступления против афганского народа». Даже правительство Б. Раббани подверглось в журнале критике, главным образом за объявленную им всеобщую амнистию, что якобы позволило «перекрасившимся коммунистам» пробраться в среду муджахедов, внести раскол в их ряды и погубить джихад.

2. «Белаг» («Извещение») — печатный орган религиозной организации Школа единобожия Афганистана. Ежемесячная газета на языках дари и пушту, с 1993 г. издается в Пешаваре. Газета была основана Мотасембуллой Мазхаби — сыном известного исламского авторитета Афганистана, хазрата маулану Мухаммада Атауллы Файзани. Выход в свет первого номера газеты был приурочен к 20-й годовщине со времени ареста (1973 г.) маулану Файзани. Поскольку «Белаг» считает себя выразителем идей и популяризатором учения маулану Файзани, полагаем целесообразным, хотя бы в кратком виде, остановиться на некоторых фактах из его религиозно-политической биографии. Мухаммад Атаулла Файзани, которого «Белаг» называет «выдающимся борцом за веру», считается, наряду с Сайидом Исмаилом Балхи, одним из первых пропаган-

дистов идеологии исламского фундаментализма «Братьев-мусульман» в Афганистане. По некоторым сведениям, выходец из Герата Файзани был суфийским пиром, известным как «пире Херати» и главой суфийского ордена. По утверждению А. Олесен, он не был ортодоксальным суфием в традиционном понятии, так как не проходил полагающегося пути — «тариката» и не имел наставника.

Согласно данным, на которые ссылается А. Олесен в своей работе «Ислам и политика в Афганистане», Файзани в 50-е годы был основателем политической партии фундаменталистского толка «Худдам аль-Фуркан» («Служители Корана»). Известно также, что долгое время он проповедовал в кабульской мечети «Пули хешти», выступал со статьями по исламской тематике в клерикальной газете «Хайбар», которая печатала отрывки из его работ: «Мир сквозь призму ислама» и «Социальные достоинства шариата».

Через принадлежащий ему книжный магазин-библиотеку в Кабуле он вел пропагандистскую работу в пользу организации Мусульманская молодежь. В 1973 г., после прихода к власти М. Дауда стал активным участником антиправительственного заговора, организованного шиитскими группировками «Кияме ислами» («Исламское восстание») и «Пайама ислами» («Исламское послание») совместно с Мусульманской молодежью. Заговор был раскрыт, его участники в декабре 1973 г. арестованы. В 1979 г. маулана Мухаммад Атаулла Файзани был казнен в тюрьме. По информации А. Олесен, Файзани пользовался такой популярностью среди своих последователей, считавших его «халифайе махдийе ахир-оз-заман» («наместником последнего мессии»), что даже после официального сообщения о его смерти они продолжали верить в то, что он жив [101].

«Белаг», выходящая под лозунгами «служение, самопожертвование, распространение единобожия, справедливости, исламского братства и равноправия», видит свое призвание в том, чтобы содействовать искоренению всех пороков, привнесенных «неверными» в мусульманское общество и созданию нового, справедливого мирового порядка на основе ислама.

Насколько можно судить по отрывкам из работ мауланы Файзани, публиковавшимся газетой в рубриках «Человек и окружающие его тайны», «Необходимые фетвы нашего времени», «Солнце познания», «Политические уроки», основой его учения «Мактабе тоухид» служат известные положения му-

сульманского монотеистического учения: признание «единства и единственности» Бога, непротивление божественным указаниям и полная покорность им; отрицание всех других западных и восточных «ложных» религий и общественных систем, сопротивление любому чужеземному господству над исламским миром; признание принципа выборности лидера общины-государства исключительно по его высоким личным моральным и деловым качествам; стремление к построению идеального «тоухидного общества», где нет места корысти и делению людей по социальным и национальным признакам, где все члены общества равны перед Богом и законом.

В дополнение к сказанному, для более полного представления о религиозной направленности «Белаг», приведем несколько тезисов, популяризируемых газетой:

— только «школа монотеизма» («мактабе тоухид»), в отличие от «материалистической школы», позволяет человеку приблизиться к истинной вере и ее ценностям, служит самопознанию и познанию единого бога, учит бескорыстному служению людям, добродетели и правдолюбию, осуждает накопительство в земной жизни и укрепляет веру в лучшую потустороннюю жизнь; «материалистическая школа», выдвинувшая тезис «религия — опиум для народа» и провозгласившая экономику основой всей жизни, погубила духовную жизнь человека, ограничив ее рамками земного существования;

— «и Запад и Восток» являются врагами мусульман, однако в настоящее время Запад представляет большую опасность для мусульман, поскольку его представителям, выступающим под личиной «верующих» легче прикинуться «друзьями» мусульман, чем «восточным неверующим» и с помощью своих агентов — недальновидных политиков и религиозных деятелей («слепых псевдомулл») — внести раскол и посеять смуту в исламском мире;

— нынешнее бедственное положение исламского мира и все несчастья мусульман, произошли по вине христиан и иудеев, которым, с помощью дьявола, удалось установить свое господство над мусульманами, превратить «третий мир» в рынок сбыта своей идеологии и оружия; в скором времени последователи единобожия сумеют исправить это положение, выполнив свою пророческую миссию по распространению этого учения не только в исламских странах, но и во всем мире;

— Запад больше всего опасается не «безбожников-коммунистов», а мусульман, которые только и способны разрушить нынешнюю систему угнетения и эксплуатации и установить новый, справедливый, порядок в мире; чтобы избежать этого, Запад пытается лишить мусульман их веры, превратить их в потребительское, бездуховное общество, для чего осуществляет «идеологическую экспансию»;

— ислам никоим образом не противоречит науке; все современные достижения науки и техники были предопределены Богом и предсказаны в Коране, они не могут изменить его философскую систему; именно союз религии и науки приблизит время наступления справедливости во всем мире.

Что касается политической ориентации газеты, то о ней достаточно четко можно судить по ее отношению к нынешним событиям в Афганистане и основным враждующим силам, вовлеченным в конфликт.

«Белаг» приветствовала победу «народа-муджахеда» над «коммунистическим марионеточным» режимом и «советскими агрессорами». Особо восторженно газета отзывалась по поводу «героических восстаний мусульман в Кабуле и Герате», которые, по ее выражению, будут навсегда вписаны «золотыми буквами в летопись борьбы афганского народа против иноземных агрессоров». Поддержка борьбы «народа-муджахеда» не помешала газете выступить с резкой критикой лидеров муджахедов и выразить разочарование их действиями. Так, в редакционной статье «Джихад или зеркало познания» отмечалось, что в то время, как «настоящие муджахеды» не сдали своей жизни в борьбе за родину и ислам, другие «псевдомуджахеды» грабили свой народ и разворовывали гуманитарную помощь.

Осуждая «самозванных лидеров джихада», газета, в частности, писала о том, что лидеры муджахедов, не раз заявлявшие о своем стремлении служить родине и народу и желании построить исламское государство, не выполнили своих обещаний, предпочтя поставить свои личные интересы выше интересов народа. В борьбе за власть они принялись грабить и убивать собственный народ, «опозорив не только джихад, но и ислам» [102]. А в статье «Запад опаснее Востока» прямо говорилось, что за годы пребывания у власти лидеры муджахедов не смогли «накормить свой несчастный на-

род», но зато сумели устроить для себя и своего окружения роскошную жизнь [103].

Довольно сдержанно отнеслась газета и к появлению движения «Талибан». Признавая, что исламские лозунги талибов привлекли на их сторону часть населения, она в то же время подчеркивала, что только время определит истинность их намерений и покажет — действительно ли талибы выступают за мир, исламское правление и принцип совещательности с народом, или же они, подобно их предшественникам, предпочтут навязать народу свою диктатуру силой.

Резко негативно высказывалась «Белаг» в отношении «необдуманной» политики муджахедов и талибов по национальному вопросу. Осуждая «неисламский» подход к международным отношениям, что привело к их резкому обострению, «Белаг» писала о том, что в стране сложилась такая ненормальная обстановка, при которой «пуштуны не могут поехать в Хазареджат, а хазарейцы в пуштунские районы; жителям Панджшира отныне заказано ездить в Кандагар, а кандагарцам в Баглан; безбородым лучше не появляться в Кабуле, а бороатым в Мазари-Шерифе» [104].

Однако наиболее характерным показателем политической направленности газеты следует считать ее отношение к попыткам исламизации афганского общества со стороны исламских радикалов. Как это ни парадоксально, если принимать во внимание «фундаменталистское происхождение» газеты, но «Белаг» выступает против насильственной исламизации, занимая достаточно умеренную и даже демократическую позицию, которую она подкрепляет следующим утверждением: «Ислам — религия умеренная. Бог не любит ни максималистов, ни минималистов» («Ислам дине эттедал аст. Ходаванд эфрат конанде ва тафрит конанде ра дуст надарад») [105].

Для иллюстрации сказанного сошлемся также на статью «Боль сердца народа», в которой указывалось, что в последнее время через средства массовой информации Афганистана, и даже из мечетей, раздаются настойчивые призывы не слушать музыку и песни, закрыть кинотеатры и не смотреть видеофильмы, а женщин призывают к неукоснительному ношению чадры. Более того, подчеркивает газета, народу постоянно твердят, что необходимо набраться терпения и молча переносить лишения, и сплотиться перед происками врагов ислама. Соглашаясь с тем, что сами по себе призывы соблюдать нормы

ислама прекрасны, газета замечает, что было бы справедливо, если бы нормы исламской морали в первую очередь соблюдали те, кто выступает с подобными призывами, а не афганский народ, принесший миллионы жертв в войне и доказавший свою преданность исламу. Газета подчеркивала, что те, кто требует от женщин обязательного ношения чадры, молчат, когда попираются элементарные человеческие права женщин, игнорируют их бедственное положение и проводят по отношению к ним политику дискриминации. Что касается требований запретить исполнение музыки и демонстрацию кинофильмов, то, по мнению «Белаг», запрету подлежат лишь «аморальные, не отвечающие исламу» фильмы и музыка, пробуждающая в человеке «дьявольские чувства».

3. «Недаёе калям» («Призыв пера») — газета на языках дари и пушту, с марта 1997 г. выходит в Пешаваре 1 раз в 2 недели. Газета издается группой афганской молодежи, стоящей на позициях исламского фундаментализма, решившей, как она заявляет, поставить свое перо на службу соотечественникам. Сами основатели «Недаёе калям» называют ее «независимой», «социально-политической» газетой.

«Недаёе калям» в основном рассчитана на эмигрантскую молодежь и ставит своей целью воспитание ее в духе идей исламского фундаментализма и подготовки к участию в будущей общественно-политической жизни Афганистана. Газета, в частности, выдвинула тезис о том, что в нынешней ситуации для молодежи нет места в стране. Поэтому она призывает ее овладеть религиозными и профессиональными знаниями, которые помогут ей в будущем преобразовать общество и создать в Афганистане «подлинно исламское» государство.

Газета считает одной из своих главных задач разъяснение непреходящих ценностей Корана и хадисов с позиций современности, чтобы помочь мусульманам «разобраться в сути происходящих в мире событий и оценить их по достоинству». По мнению газеты, это необходимо, прежде всего потому, что мировое господство сегодня находится в руках Запада и Израиля, которые делают все, чтобы ввести в заблуждение мусульман, ослабить их моральный дух и, в конечном счете, установить свое господство над их землями.

В рамках этой кампании «Недаёе калям» публикует критические материалы, в которых Запад обвиняется в стремлении оказать на мусульманские страны «тлетворное» влия-

ние, и призывает мусульман единым фронтом выступить против попыток вестернизации мировой исламской общины. В частности, в газете содержится призыв к афганским юношам и девушкам не носить европейской одежды, не стричь волосы по западной моде, а соблюдать национальные и исламские традиции.

Лейтмотивом многих публикаций газеты является тезис о бесполезности для мусульман изучения целого ряда «европейских» наук, и особенно английского языка. По утверждению газеты, попытки внедрить западную систему образования — это проделки врагов ислама, которые хотят отвратить молодежь от Корана, в котором содержатся все необходимые человеку научные знания в социально-политической и культурно-экономической сферах. При этом определяющей чертой религиозно-политического облика газеты, на наш взгляд, является тезис, популяризируемый ею в целом ряде материалов, о том, что «мусульмане — избранное общество» (!), обладающее целым рядом преимуществ и достоинств перед остальным немусульманским миром и не нуждающееся ни в «западной демократии, ни в марксизме, ни в национализме» [106].

Обращает на себя внимание определенная проиранская ориентация «Недаёе калям». Особенным нападкам газета подвергает США — «главного антагониста мусульманского мира», в частности, обвиняя их в попытках помешать «расцвету и прогрессу» исламского фундаментализма во всем мире, стремлении «уничтожить исламский Иран», используя для этого Афганистан.

О политической ориентации «Недаёе калям» достаточно определено можно судить и по ее отношению к лидерам военно-политических группировок, вовлеченных в междуусобную войну. По словам газеты, все они являются «иностранными марионетками, выполняющими указания своих «хозяев». Так, по утверждению газеты, «хозяином» НДПА в свое время был СССР; Г. Хекматъяра — Пакистан; партии «Вахдат» — Иран; «хозяевами» Б. Раббани и Масуда — Россия и Иран; А. Р. Дус-тома — Узбекистан и Россия; движения «Талибан» — Пакистан, США и Саудовская Аравия. Подобные заявления газета сопровождает оскорбительными определениями «марионеток». Например, бывший лидер партии «Вахдат» А. А. Мазари назывался «палачом», А. Ш. Масуд «убийцей и фашистом», В. А. Дус-том «грязной личностью» и т. п. Газета призывала афганцев от-

казаться от ставки на этих «марионеток» и внешние силы, которые являются «лицемерными друзьями», «плюнуть на позорящих нас чужеземных хозяев» и самим строить «единое национальное и народное государство».

Газета демонстрировала достаточно осторожное отношение к движению «Талибан». В редакционной заметке «Усталые афганцы» «Недаёе калям» писала, что хотя афганскому народу еще недостаточно ясно, «какого поля ягодами являются талибы», тем не менее уставший от войны и производя народ вынужден был их приветствовать, лишь бы избавиться от бесчинства муджахедов. Свою настороженность по отношению к талибам газета в первую очередь объясняла их политической разнородностью. По утверждению «Недаёе калям», хотя талибы и связаны с Пакистаном, однако среди них есть «преданные мусульмане» — выходцы из пакистанских медресе, которые действительно хотят искоренить зло и разврат; вместе с тем в их рядах имеются сторонники бывшего короля Мухаммада Захир-шаха», а также группировки бывших «халькистов» под руководством генералов Шах Наваза Таная и Гулябзоя», ныне действующих под личиной талибов». Все это, считает газета, ставит под сомнение искренность заявлений талибов о желании построить в Афганистане «исламское государство» [107].

Позиция «Недаёе калям» относительно перспектив урегулирования конфликта и будущего государственного устройства страны в целом сводится к утверждению того, что в послевоенном Афганистане ни одна этническая или политическая группировка не сможет сама править страной, и только разумный компромисс позволит достичь мира и справедливости. «Никто и никогда не сможет больше управлять народом с помощью хлыста, и афганский народ уже никогда не станет игрушкой в руках чужеземцев», — считает газета [108].

ГЛАВА III

Эмигрантская пресса в России

Возникновение афганской эмигрантской прессы в России относится к началу 1994 г., когда в Москве от имени Культурного общества Афганистана вышел в свет первый номер газеты «Пардес» («Скиталец»). Эта ежемесячная газета на языках дари и пушту просуществовала недолго, но она положила начало процессу создания новых эмигрантских изданий. В последующие три года (1994–1997) этот процесс набрал силу и к концу 1997 г. число газет и журналов, выходящих в Москве, достигало почти двух десятков. Разумеется, не все эти издания оказывались долговечными. Некоторые из них после выхода нескольких номеров, в силу ряда причин (в большинстве случаев финансовых), прекращали свое существование («Пардес») или печатались крайне нерегулярно («Рисалат» — «Пророческая миссия», «Вахдат» — «Единство»).

На первоначальном этапе почти все эти газеты, в основном, носили информационно-культурный характер. Как правило, их издатели в первых же номерах спешили заявить о своей беспристрастности, называя свои издания «независимыми», «не связанными» с политическими партиями или военными группировками.

Особенностью первых печатных изданий эмиграции была их политическая безликость и идейная аморфность, отсутствие четко обозначенных идейно-политических платформ, что не давало возможности составить представление ни об их политической ориентации, ни о процессах, происходивших в эмигрантской общине.

Правда, время от времени в некоторых изданиях появлялись публикации, которые позволяли судить о настроениях, царящих среди афганской эмиграции. Например, газета «Мусафер», начавшая издаваться в 1996 г., выступила с публичной критикой бывшего партийного руководства НДПА, обвинив его в пассивности и невнимании к нуждам эмигрантов.

«Где они, трусливые поклонники высоких постов, — писала газета, — которые ради сохранения своих кресел, посылали нас на войну, а ныне хранят молчание по поводу нашего бедственного положения?» [109].

До появления основной массы периодических изданий, недостаток политической информации о жизни афганской диаспоры в России восполнялся всевозможными прокламациями, обращениями и заявлениями, распространявшимися время от времени среди афганской общины различными политическими группировками.

В числе таких материалов можно отметить прокламации, выпущенные так называемым Альянсом афганских борцов за мир и прогресс (руководитель Замангуль Дехати), Организацией мира и национального единства Афганистана (сторонники Хафизуллы Амина) и др.

Например, в одной из прокламаций «Альянса» под сомнение ставилась легитимность избрания Б. Раббани президентом и содержался призыв к ООН способствовать формированию правительства на широкой социальной основе; в другой — вина за нынешнюю ситуацию в Афганистане возлагалась на НДПА и «советских агрессоров» и от имени «Альянса» предлагался план мирного урегулирования, основу которого составляли предложения о созыве Лояа Джирги, проведении свободных выборов под эгидой ООН и создании «нейтрального» правительства.

Прокламации Организации мира и национального единства более резко выступали против «кремлевских лидеров» и их «агентов». В одной из них, приуроченной к 15-й годовщине ввода Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) в Афганистан, дата 6 джади (27 декабря 1979 г.) объявлялась самым «черным, трагическим» днем в истории Афганистана, так как в тот день «погибли руководители партии и государства (Х. Амин. — Р. С.), боровшиеся, в отличие от «кремлевских марионеток» (Б. Кармаль. — Р. С.), за «национальный суверенитет, целостность страны и исламскую национальную культуру». В прокламации содержалось признание в том, что «истинные члены НДПА», несмотря на идейные расхождения с муджахедами, были вынуждены примкнуть к ним и сражаться вместе с ними против «общего врага», вплоть до полной победы над «агрессором». Сожалея об отсутствии у афганцев

признанного «общенационального лидера», авторы листовки призывали своих соотечественников к созданию широкого национального фронта, куда вошли бы представители муджахедов, авторитетные лица из числа «национал-патриотов», представители других «патриотических» партий.

В другой анонимной листовке, выпущенной по случаю нападения на пакистанское посольство в Кабуле, содержался призыв к афганцам объединиться и начать новую «священную войну» против «всех предателей и их иностранных покровителей». Среди внешних врагов афганского народа назывались Пакистан, Саудовская Аравия, Иран, «подстрекающие к продолжению братоубийственной войны». Резкой критике подвергались лидеры муджахедов: Г. Хекматъяр, Б. Раббани, С. А. Гилани, С. Моджаддиди и руководители хазарейцев. Утверждалось, что создание «Северной коалиции» во главе с А. Ш. Масудом был одним из «вариантов Москвы по разделу Афганистана на Юг и Север». Более того, «Северная коалиция» обвинялась в том, что, пользуясь покровительством России, Ирана и «коммунистического правительства за Амударьей», она пытается расчленить Афганистан, используя в борьбе против пуштунов этнорелигиозные факторы.

Первым печатным изданием, заявившем о себе как об органе политической партии, стала газета «Рисалат» («Пророческая миссия»), первый номер которой вышел 29 мая 1995 г. от имени «Движения умеренных». Впервые в этой газете было заявлено о существовании в России афганской политической партии в эмиграции, опубликована ее политическая программа, отражающая цели «Движения умеренных» и их представление о будущем государственном устройстве Афганистана.

В последующем список эмигрантских изданий пополнился за счет таких газет и журналов, как «Навид» («Радостная весть»), «Мусафер» («Путешественник»), «Хиндукуш» («Гиндукуш»), «Навайе собх» («Утренняя песня»), «Навайе солх» («Песня мира»), «Парасту» («Ласточка»), «Мухаджир жвандун» («Жизнь эмигранта»), «Лемы» («Очи») и др., которые уже предоставляли определенную информацию о идейно-политических течениях в диаспоре, но еще не давали ясного представления о тенденциях политической борьбы, набравшей силу в среде афганских эмигрантов в России.

Между тем, к середине 1997 г., в Москве появилось новое поколение эмигрантской прессы с более четкой политической ориентацией: газеты «Афган» («Афганец»), «Хафт руз» («Семь дней»), «Замана» («Время»), «Вахдате мелли» («Национальное единство»), «Аваз» («Голос»), которые, по образному выражению одной из них, наконец-то нарушили «смерти подобное молчание» и вынесли на публичное обсуждение те острые противоречия, которые давно назрели в афганской общине. Развернувшаяся затем на страницах этой новой прессы пропагандистская война продемонстрировала глубокий раскол в рядах интеллектуально-политической элиты как по идейным мотивам, так и по признаку этнической принадлежности.

Важно отметить, что всплеск этого противостояния совпал по времени с военными успехами движения «Талибан». Как нам представляется, именно это явилось фактором, спровоцировавшим обострение политических и этнических раздоров и приведшим к открытой конфронтации на страницах прессы и, в конечном счете, к расколу афганской диаспоры в России на два враждебных лагеря.

Подтверждение сказанному можно встретить в целом ряде газетных выступлений того времени. Так, газета «Хафт руз», имея в виду сторонников движения «Талибан», писала: «Наша так называемая интеллигенция определяла линию своего поведения в зависимости от военных успехов группировки, в которой преобладали люди одной с ней национальности» [110]. А газета «Аваз» отмечала тот факт, что эмигрантская интеллектуально-политическая элита, расколовшаяся под влиянием националистических и сепаратистских тенденций на «левых» и «правых», развернула настоящую пропагандистскую войну в эмигрантской прессе на всем протяжении «от Пешавара до Москвы и Западной Европы» [111]. Характеризуя этнополитическую ситуацию в афганской диаспоре в Москве, газета подчеркивала, что эмигрантские издания здесь настолько попали под влияние «военного межэтнического противостояния в Афганистане», что даже не скрывают своих «националистических и сепаратистских настроений и прямой зависимости от больших и малых соседей» [112]. На идеологическое противостояние между различными лагерями эмиграции в Москве указывала и газета «Афган», писавшая, что «безответственные» афганские писатели и журналисты разжигают пламя ин-

формационной войны по национальным, религиозным и этническим проблемам.

Согласно классификации газеты «Хафт руз» в России в эмигрантской среде в эти годы действовали различные этнополитические силы, в числе которых газета выделяла: «сторонников талибов»; «сторонников антиталибской коалиции»; «сторонников «Шурайе назар» («Наблюдательного совета»); сторонников НИДА А. Р. Дустома; сторонников хазарейской партии «Вахдат» и, наконец, группировку так называемых «независимых», выражающих интересы «молчаливого большинства» [113].

Накал политических страстей, выплеснувшийся на страницы эмигрантской прессы в Москве ранее скрываемые разногласия, конечно, был вызван не одним только «талибским фактором», хотя его и следует считать решающим. Он был подготовлен всем ходом развития идейно-политического противостояния между различными партийными группировками, которых к тому времени насчитывалось в России не меньше десятка. По утверждению газеты «Замана», бывшая НДПА распалась в Москве на следующие партийные фракции: «Дъ суле гурдзанг» («Движение за мир») — сторонники Шах Наваза Таная; «Хезбе Ватан» (партия «Отечество») — сторонники Наджибуллы; «Дъ милли йаввалай сазман» («Организация национального единства») — сторонники Хафизуллы Амина; «Нахзате эттедалиюн» (движение «умеренных») — в это движение вошли те, кто, по образному выражению «Замана», был «недоволен всеми и вся»; «Джомбеше меллиё ислами» («Национальное исламское движение»), — состоящее из сторонников Б. Кармалы, А. Р. Дустома и членов «Сетаме мелли» [114].

Анализ эмигрантских изданий за 1995–1997 гг., которые, несомненно, отражали определенные тенденции развития общественного мнения афганской эмиграции в России, показал, что предметом ожесточенной полемики на страницах эмигрантской прессы в Москве были следующие главные темы.

Прежде всего в некоторых эмигрантских газетах впервые ожесточенным нападкам подверглось бывшее руководство НДПА. Так, газета «Замана» организовала настоящую пропагандистскую кампанию, из номера в номер печатая материалы, направленные против группы «предателей и профессиональных мошенников», якобы погубивших партию и народ. И

хотя «Замана» не называла открыто, кого она имеет в виду, однако было достаточно ясно, что острие ее критики направлено против бывшего лидера партии и главы правительства Афганистана Б. Кармаля (ныне покойного) и его сторонников из фракции «Парчам», объединившихся в Москве вокруг своего печатного рупора газеты «Вахдате мелли».

Обратимся к одной из редакционных статей «Замана», с характерным для тона развернувшейся полемики названием «Национальный позор». Ее автор, издатель газеты Латиф Баханд, обвинял указанную группировку, «заразившую» НДПА «фракционной болезнью», в том, что она якобы своей предательской политикой сбила с пути и завела в тупик афганскую интеллигенцию и даже сумела обмануть такую выдающуюся общенациональную личность, как Мухаммад Дауд.

Однако наиболее острой критике «фракционеры» подвергались за сотрудничество с СССР. По утверждению «Замана», эти люди ради достижения власти ухитрились так называемую «Саурскую революцию» поставить на службу «советской шпионской организации», прикрываясь при этом лживыми лозунгами о «дружбе, переходящей в братство и кровное родство», о «своевременной советской военной помощи», без которой Афганистан «исчез бы с политической карты мира».

Наибольшей резкостью отличалась заключительная часть этой статьи, которую мы позволим себе процитировать полностью: «Те, кто под прессом материального и морального давления, — писала «Замана», — в присутствии сотен тысяч чужеземных солдат заставлял народ и национальную армию Афганистана стоять по стойке «смирно» под звуки «Интернационала», сегодня не имеют морального права нападать на национальные святыни нашего народа. Перестаньте позорить святое и чистое слово «национальное единство», не опозляйте его подобно тому, как вы опозлили такие понятия, как «равенство, социальная справедливость», «революция». Просите прощения за свое национальное предательство у народа Афганистана, который, благодаря своему величию, может быть, простит вас, но при условии, что вы будете и впредь хранить молчание так же, как вы его хранили во время советского вторжения и добровольной сдачи власти муджахедам» [115].

Второй главной темой, которая вышла на страницы афганской эмигрантской прессы, стала критика афганской полити-

ки СССР и России. Если прежде критические выступления эмигрантских газет в основном ограничивались жалобами на бедственное положение афганцев в России, на притеснения, которым они подвергаются со стороны правоохранительных органов, то теперь речь открыто пошла о «разоблачении недружественной политики» СССР и России в отношении Афганистана. Для этого, в частности, использовался прием перепечатки материалов российских авторов, в которых содержались факты, разоблачающие афганскую политику СССР (например, главы из книги генерала Б. Громова), а также публикация так называемых «секретных» материалов, в которых сообщалось о фактах диктата и давления, оказывавшегося бывшим советским руководством на руководство НДПА (примером может служить публикация в газете «Замана» под грифом «совершенно секретно» записи беседы А. Громыко с министром иностранных дел ДРА Шах Мухаммад Достом).

В то же время наблюдались попытки убедить российское правительство в необходимости пересмотреть свою политику в отношении Афганистана и поддержать движение «Талибан». Так, в той же газете «Замана» летом 1997 года было опубликовано «Открытое письмо российскому руководству», подписанное группой афганских интеллигентов, в котором они пытались убедить российское правительство в том, что создание сильной центральной власти в Афганистане пойдет только на пользу России и что ей нечего опасаться того, что движение «Талибан» станет угрожать границам СНГ. Выразив сожаление по поводу «недружественного» отношения России к талибам, авторы письма призывали ее наладить отношения с такой мощной силой, как талибы, которые контролируют более 75% территории страны. В письме выражалась надежда, что Россия употребит свое влияние, положит конец войне и не будет поддерживать силы, которые ради «политической дружбы» с ней предали собственную религию и национальную идеологию и теперь заслуживают наказания как «военные преступники». Заканчивалось письмо такими словами: «Мы не хотим, чтобы дети русских матерей вновь стали жертвами войны ради поддержки правления безответственных группировок» [116].

Наконец, третьей темой, вокруг которой разгорелась наиболее ожесточенная полемика, отразившая весь накал националистических страстей, стала проблема межэтнических отноше-

ний. Основная борьба здесь развернулась между печатными органами, выступавшими в поддержку движения «Талибан», («Замана», «Афган») и сторонниками антиталибской коалиции («Хафт руз»).

Так, газета «Замана», которую ее оппоненты обвиняли (и видимо, не без оснований) в том, что она является рупором движения «Талибан», главным образом стремилась внушить читательской аудитории, что талибы — это «подлинно национальное и исламское движение», выросшее из недр народа и появившееся на военно-политической арене исключительно для того, чтобы подобно «ангелу-спасителю» (антиталибская пресса называла талибов «карой небесной», «небесным бедствием») избавить афганский народ от произвола муджахедов и «безбожников».

«Замана», из номера в номер перепечатавшая главы из книги «Талибан: аз мадрасе та хокумат» («Талибы: от медресе к власти»), представляющей панегирик этому движению, в многочисленных публикациях пыталась создать привлекательный образ талибов, характеризуя их как силу, выступающую за прекращение войны, за национальное единство и территориальную целостность, за сильную централизованную власть, за уважение к национальному достоинству народа.

Даже поражения талибов на севере газета комментировала как «невольную ошибку» руководства талибов, которое якобы не захотело поверить в то, что север Афганистана давно «превратился в гнездо людей, которые не только не следуют законам ислама, но и являются врагами любого порядка, дисциплины и закона» [117].

Наряду с восхвалением талибов «Замана» обрушилась с весьма агрессивной критикой в адрес антиталибской коалиции. В своих редакционных материалах она, например, утверждала, что «Северная коалиция» была создана по требованию и указанию «чужеземных государств» и проводила курс на раздел страны согласно плану, якобы «разработанному для нее советскими советниками еще в 1982 году» [118].

Коалиция обвинялась также в стремлении продолжать войну, в разграблении национальных богатств, в разжигании национальной розни и т. п. В передовице под многозначительным названием «Конец северной коалиции» «Замана» писала, что, хотя коалиция и выступала под лозунгами

«равноправия и братства всех наций», на деле она ставила своей целью «разрушение национальной основы афганского государства, и особенно афганской армии», в чем, по мнению газеты, и преуспела.

Примечательно, что в развернувшейся полемике вся критика, несмотря на ее прозрачность, облекалась в обтекаемые формулировки об «определенных силах», о «неких группировках», разжигающих национальную рознь, и с обеих сторон велась под прикрытием деклараций о «всеобщем братстве, равенстве и единстве» всех наций и народов, населяющих Афганистан. Однако порой националистические настроения одерживали верх, и на страницах печати появлялись сентенции подобно той, с которой выступила газета «Афган»: «Пуштуны, — заявила она, — являются большинством, которое в Афганистане называют старшим (великим) братом («берадаре бозорг»). Всегда, когда нации и племена, населяющие Афганистан, выказывали им свое уважение, пуштуны проявляли к ним милосердие и дружеские чувства» [119].

Естественно, подобные заявления не могли не вызывать негативную реакцию печатных изданий непуштунских кругов эмиграции, которые, в свою очередь, стремились к дискредитации политики движения «Талибан» на захваченных ими территориях, требовали покончить с попытками восстановить прежнее «господство одной нации» и закрепить «угнетенное» положение, в котором веками пребывали национальные меньшинства. В то же время эти издания выдвигали свои варианты участия различных этнических групп в общественно-политической жизни будущего афганского государства, выражали свое видение решения межафганского конфликта. Все их требования достаточно четко можно проследить по выступлениям газеты «Хафт руз». Например, в статье тогдашнего члена редколлегии «Хафт руз» С. Куяша «Централизованное государство и прекращение войны в Афганистане» речь шла о предоставлении этническим меньшинствам равных, наряду с пуштунами, возможностей для участия в формировании временно-правительства, других органов представительной и исполнительной власти будущего Афганистана. При этом автор аргументировал свою позицию тем, что «во всех «освободительных» войнах, которые вел Афганистан, равное участие принимали все этнические группы, населяющие страну, и теперь

своей самоотверженной борьбой против агрессора они заслужили лучшую участь, чем прозябать в качестве «угнетенных наций» [120].

Следует заметить, что тон выступлений антиталибских изданий, в отличие от изданий их оппонентов, был менее агрессивен. Они, как правило, не считали возможным силовое решение конфликта и поэтому больше акцентировали свое внимание на поисках путей его мирного решения.

Показательна в этом плане статья Мухаммада Аляма Данешвара «О централизованном государстве и разоружении», напечатанная в № 3 газеты «Хафт руз» в июне 1997 г. Рассматривая возможные варианты развития ситуации в стране, автор считал, что в конце XX в. какой-либо одной из противостоящих сил вряд ли удастся добиться полной военной победы, как это случилось во времена правления амира Абдуллаха, и установить свое единоличное господство по всей стране. По мнению М. А. Данешвара, даже если одна из сторон одержит победу, то эта победа будет недолговечной, так как нерешенная проблема с национальным вопросом всегда остается чреватой опасностью взрыва. Признавая, что хотя «национализм и гипертрофированное чувство этнического превосходства, сочетающиеся с крайне пренебрежительным отношением к другим этническим группам, достигли своего пика», М. А. Данешвар все-таки выражал надежду на то, что враждующие стороны смогут достичь компромисса на основе признания необходимости сохранения Афганистана как унитарного государства.

В качестве альтернативы силовому решению конфликта в статье воюющим сторонам предлагалось заключить «межплеменную хартию», которая могла бы стать основой будущей Конституции Афганистана. По мнению автора, в этом документе следовало бы законодательно закрепить положение о «равенстве, братстве всех племен и народов, независимо от национальных, языковых и религиозных различий, а любое проявление дискриминации должно было бы преследоваться по закону».

«Хафт руз» также выдвинула и пропагандировала идею создания в Афганистане федеративного государства. Убеждая афганцев «не бояться федерации», газета в качестве примеров «нормального» существования федеративной государственной

системы в рамках унитарных государственных образований указывала на Россию, ФРГ, Пакистан.

Признавая, что ни одна из воюющих группировок не согласится добровольно сложить оружие и пойти на переговоры, «Хафт руз» особенно подчеркивала привлекательную сторону своего плана, которая, по ее мнению, заключалась в том, что федеративное государство должно было создаваться на основе уже сложившегося статус-кво, при котором всем противостоящим силам гарантировалось бы сохранение на подконтрольных им территориях всех атрибутов политической и религиозной власти.

* * *

В качестве наиболее ярких представителей афганской эмигрантской прессы в России, отражающих, на наш взгляд, основные черты этнополитической ситуации в диаспоре, мы остановили свой выбор на трех газетах: «Замана», «Рисалат» и «Хафт руз», более полная характеристика которых дается ниже.

1. «Замана» («Время») — еженедельная частная газета, первый номер которой вышел 26 мая 1977 г. Издатель и ответственный редактор — бывший преподаватель Кабульского университета и член Союза писателей Афганистана Латиф Баханд, он же издатель журнала «Мухаджир жвандун» («Жизнь эмигранта»). Газета называет себя «свободной», выражающей мнение «молчаливого большинства» и «национальной интеллигенции». Оппозиционная ей газета «Вахдате мелли» обвиняла «Замана» в том, что она «является рупором движения «Талибан». Опровергая обвинения своих «политических врагов», издатель «Замана», в частности, писал: «Если стремление к прекращению войны и установлению мира, если приверженность идеалам национального единства, территориальной целостности, сильному централизованному государству и уважение чести и достоинства народа являются признаками принадлежности к талибам, то это для меня большая честь» [121].

Своей главной заслугой в становлении эмигрантской прессы в России «Замана» считала тот факт, что она первой нарушила «мертвое молчание» по поводу событий в Афганистане и вокруг него, которое хранили политические эмигранты — члены

НДПА, оказавшиеся после падения режима Наджибуллы в Москве. Подобное молчание, по язвительному замечанию газеты, возможно, объяснялось тем, что эти эмигранты, «то ли считали себя виновными в случившемся в Афганистане, то ли не могли прийти в себя от предательства своих бывших «друзей-интернационалистов», то ли опьянение временной властью окончательно лишило их способности мыслить» [122].

Политический облик «Замана» определяли несколько основных направлений. Прежде всего — это крайне агрессивное и враждебное отношение к фракции «Парчам» и всем эмигрантам-«кармалистам», среди которых, по утверждению газеты, есть люди, до сих пор считающие «советскую агрессию» и добровольную сдачу власти муджахедам своей большой заслугой и продолжающие в эмиграции свои старые фракционные интриги, погубившие НДПА.

По признанию издателя газеты, не проходит и дня, чтобы он не выступил с очередной, крайне резкой, критикой «Парчам» и ее печатного органа газеты «Вахдате мелли», которую «Замана» называет «позорным листком группировки национального позора». Заметим, что при нападках на своих оппонентов лексикон «Замана» изобилует такими эпитетами, как «предатели родины и партии Ватан, «иностранные агенты», «заговорщики», «безбожники», «грабители» и т. п.

Остановимся на некоторых примерах антипарчамовских высказываний газеты. Так, «Замана» обвиняла членов «Парчам» в том, что они, занимая важные государственные посты и пользуясь партийными привилегиями, тем не менее являлись тайными врагами НДПА — «Ватан», вели скрытую борьбу «против своего президента(!) и в конце концов предали его, сдав власть той группировке муджахедов, на которую им указал СССР. Эта самая, по выражению «Замана», «интернациональная часть партии» сумела затем приспособиться и к новой власти муджахедов и вместе с ними принялась уничтожать своих же партийных товарищей — идейных членов НДПА: одни были убиты, другие брошены в тюрьмы, а третьи были вынуждены бежать из страны [123].

Одним из главных «грехов», в которых «Замана» обвиняет «парчамистов», — это «сотрудничество» с СССР. Здесь газета не скупится на самые оскорбительные ярлыки, называя «парчамистов» «рабскими интернационалистами», совершив-

шими апрельский переворот по указке из Москвы, а затем пытавшимися превратить афганцев в «безбожников» по образу и подобию «советского человека», а Афганистан в «шестнадцатую республику СССР».

Особенно резким нападкам «Замана» подвергала «парчамистов» за их участие в Северной коалиции, куда они пробрались «подобно муравьям по указке своих иностранных хозяев». Нынешнюю антиталибскую коалицию «Замана» называла не иначе как «чумной коалицией», «союзом коммунистов, перекрасившихся в демократов и либерал-муджахедов».

Антиталибская коалиция обвинялась в том, что, взяв на вооружение идеологию «поселкового национализма» («национализме карийа» — букв. «национализм села, деревни»), она целенаправленно проводила курс, заданный ей иностранными хозяевами на развал единства страны и разрушение ее экономики. «Северная коалиция, — писала «Замана» в передовице «Конец Северной коалиции», — за 5 лет войны уничтожила более 100 тысяч своих сограждан и разграбила национальные богатства. Теперь, угрожая новой эскалацией войны, она неоднократно выступала против строительства газопровода», т. е. против созидательной деятельности талибов, стремящихся восстановить экономику страны [124].

Если для антиталибской коалиции «Замана» не жалела черной краски, награждая ее участников такими нелестными эпитетами, как «банда палачей», «разбойники», «иностранные агенты», и т. п., то «миротворческая миссия национального и исламского движения «Талибан» рисовалась исключительно в розовых тонах.

Талибы, которые, по словам газеты, явились «ангелами спасения» народа от бесчинств муджахедов, принесли мир и спокойствие в контролируемые ими районы страны. Газета утверждала, что только талибы добиваются установления в Афганистане сильной центральной власти, прекращения кровопролития, и решительно отвергала как злобные измышления слухи о том, что «талибы — все пуштуны», которые собираются якобы изгнать из страны «всех непуштунов» и создать «чисто пуштунское» государство. Главное, что обращает на себя внимание в длинной череде проталибских публикаций, это то, что «Замана» вслед за значительной частью пуштунских националистических кругов в странах региона, Европы и Америки

заняла воинствующую позицию и выступала за силовое решение афганского конфликта. Это, в частности, подтверждает перепечатка газетой статьи Османа Рустара Тараки «Культура войны», в которой автор, известный своими проталибскими взглядами, заявлял, что лозунг «Война — не путь к миру», будто бы в последнее время муссируемый афганской эмигрантской интеллигенцией в Иране, есть не что иное, как средство морального самоуспокоения. Ныне, по мнению О. Р. Тараки, в афганском обществе все большую популярность приобретает лозунг «война ради достижения мира». Более того, по утверждению О. Р. Тараки, афганское общество затаилось в ожидании «нового политического Махди» (мессии) и готово его принять, в каком бы облике он ни появился: нового ли амира Абдуррахман-хана или в лице лидера талибов — «повелителя правверных» муллы Омара. Рассуждения о пришествии нового Махди понадобились автору статьи для того, чтобы подвести читателя к главному выводу: курс «на войну ради мира», взятый на вооружение талибами, несмотря на ряд неизбежных издержек, связанных с войной, имеет моральное оправдание, в то время как провозглашенный их противниками из «Северной коалиции» лозунг «война ради войны» не имеет никакого оправдания [125].

К политической характеристике «Замана» следует добавить следующее: какой-либо собственной конструктивной программы урегулирования афганского кризиса она не предлагала и, судя по всему, поддерживала ту силу, которая установит в стране «крепкое централизованное государство».

Видимо, с этой точки зрения следует рассматривать и отношение газеты к бывшему монарху. Так, начиная серию публикаций по случаю дня рождения бывшего короля, газета напечатала к ним предисловие, в котором объясняла свое решение тем, что «заметное большинство афганцев по-прежнему признает Мухаммада Захир-шаха в качестве национального вождя». Газета также поместила мирный план урегулирования афганского конфликта, предлагаемый бывшим королем, и с большой похвалой отзывалась о мирных усилиях Мухаммада Азиза Наима, одного из идеологов движения за «третий путь» решения афганского кризиса. Заклучая политическую характеристику газеты, заметим, что «Замана», которую отличает наиболее яркий антикоммунизм и антисо-

ветизм — единственная эмигрантская газета в Москве, затронувшая вопрос о выплате Россией военных репараций и даже назвавшая сумму причиненного «советской агрессией» ущерба (10–13 млрд долларов).

2. «Рисалат» («Пророческая миссия») — центральный печатный орган движения «умеренных» Афганистана — эмигрантской политической группировки в России, созданной в Москве бывшими партийными функционерами НДПА — партии «Ватан».

Газета основана в мае 1995 г., издавалась в Москве на языках пушту и дари, выходила нерегулярно, примерно 1 раз в месяц, ответственный редактор Х. М. Хпылвак; последний, пятый номер газеты вышел в марте 1997 г.

Свою задачу газета видела в «просвещении, сплочении и мобилизации всех афганцев для активного участия в спасении родины». Газета считала себя рупором всех сил, выступающих в защиту независимости, свободы, демократии, прогресса и социальной справедливости.

Наиболее четкое представление о политическом облике «умеренных» дает программа, опубликованная в первом номере «Рисалат» (29.05.95.), основные положения которой были также прокомментированы в интервью тогдашнего лидера этого движения Хабиба Мангала этой же газете [126].

В указанном программном документе движение характеризовалось как «умеренная» политическая организация, выступающая за эволюционный, реформаторский путь развития общества, за сбалансированный подход к решению на основе ислама и национальной идеологии, социально-экономических и национальных проблем, против любого проявления экстремизма, радикализма и фундаментализма.

Согласно программе, главной целью движения является установление в Афганистане «демократической системы правления» и «постепенное распространение демократических принципов на все стороны жизни общества».

Так, в области государственного строительства движение провозглашало приоритет закона и признание легитимности только выборного правительства, выступало против монополизации власти какой-либо одной партией и навязывания обществу идеологии, которую она исповедует, в качестве государственной. «Умеренные» являются сторонниками установления в

Афганистане, путем свободного волеизъявления народа, «парламентарной республики».

В социальной сфере движение провозглашало соблюдение основных прав человека, в частности обеспечение прав женщин, личную безопасность каждого и общества в целом.

В экономической области «умеренные» выступали сторонниками реформ и рыночной экономики, но с соблюдением приоритета социальной сферы, за развитие частного предпринимательства и привлечение частных инвестиций в экономику при одновременной концентрации в руках государства ключевых отраслей экономики и банковского дела.

В области национальной политики движение объявляло войну любому проявлению национального угнетения, шовинизма, националистического экстремизма и сепаратизма как явлениям, наносящим ущерб национальному единству государства.

Одним из приоритетных направлений своей деятельности движение провозглашало обязательное соблюдение и исполнение норм и обрядов ислама в духовной и общественной жизни общества. Вместе с тем в программе содержалось утверждение, что Афганистан на всем протяжении своей истории никогда не был государством «религиозной диктатуры». Исходя из этого положения, движение осуждало политизацию ислама и любые попытки использования религии в качестве политического оружия в борьбе за власть.

В области внешней политики умеренные» выступали за отказ от односторонней ориентации на какую-либо иностранную силу, за сохранение традиционной политики нейтралитета и неприсоединения, соблюдение «баланса равноудаленности» в международных отношениях. Движение провозглашало приоритетным направлением установление добрых отношений с соседними государствами, а также «странами региона и всего мира» на основе взаимного уважения, признания национального суверенитета и независимости, территориальной целостности и невмешательства в дела друг друга.

Движение «умеренных» солидаризировалось с упоминавшимися выше пуштунскими националистическими организациями в эмиграции Советом взаимопонимания и национального единства и Движением национального единства Афганистана по вопросу сохранения Афганистана в виде унитарного

государства. «Умеренные» со страниц своего печатного органа не раз заявляли о полной поддержке мирных инициатив бывшего короля Мухаммада Захир-шаха. «Движение «умеренных», — писала «Рисалат», — не только поддерживает мирные усилия бывшего короля, но и не пожалеет усилий для их практического претворения в жизнь» [127].

При этом газета призывала бывшего монарха опираться в своей деятельности на «умеренные, демократические силы», явно подразумевая под этим собственную партию.

С началом военных успехов талибов «Рисалат», представляя свое движение как мощную политическую силу в эмиграции, декларировала свою солидарность с ними и достаточно прозрачно намекала на готовность стать их союзником в борьбе против правительства Б. Раббани. Так, в редакционной статье «Окружение Кабула и перспективы мира», опубликованной зимой 1995 г., в самый разгар очередного наступления талибов на Кабул, газета не скрывала своей озабоченности по поводу дальнейшего развития событий. «Рисалат» прямо заявляла, что главный вопрос, который волнует всех и активно обсуждается в политических кругах эмиграции — это отношение талибов, в случае их прихода к власти, к другим политическим силам, движениям, в том числе к «умеренным и миролюбивым». При этом задавался риторический вопрос: «захотят ли талибы достигнуть с ними соглашения о демократическом решении вопроса о власти или же пойдут по пути установления своей диктатуры» [128].

В той же статье высказывалось пожелание, чтобы между талибами и «умеренными» силами было достигнуто соглашение «о созыве Чрезвычайной Лойи Джирги, последующей передачи власти временному правительству и перехода к демократической системе правления» [129].

В марте 1997 г., в передовице под заголовком «Наша позиция» «Рисалат» признала, что талибы пользуются поддержкой большинства населения, а с «ликвидацией ужасного правления муджахедов» инициатива полностью перешла в их руки. В связи с этим «умеренные» вновь подняли вопрос о совместных действиях всех «заинтересованных» сторон с движением «Талибан» для восстановления мира и спокойствия в стране. При этом, однако, движение «умеренных» предупрежд-

дало, что никогда не согласится на установление в Афганистане диктатуры талибов.

В той же передовице, движение «умеренных» повторяло свою известную программу по выходу из тупиковой ситуации, добавив лишь ряд положений. Отметив, что нынешний афганский кризис есть кризис власти, который может быть решен исключительно мирным путем, «умеренные» снова предлагали созвать Чрезвычайную Джиргу (или Джиргу Национального примирения), на которой должно было быть сформировано переходное правительство, принята новая конституция, а затем на основе всеобщих свободных выборов созданы новые властные структуры. Для созыва Джирги умеренные считали необходимым обеспечить следующие условия: прекращение всех боевых действий, объявление всеобщей амнистии и гарантии ее соблюдения; создание под эгидой ООН нейтральных сил безопасности; прекращение иностранного вмешательства и, наконец, созыв международной конференции с участием Пакистана, Ирана, Саудовской Аравии, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Туркменистана, Турции, Индии, России, ФРГ, Великобритании, Франции, Китая и США для окончательного решения всех внутренних и внешних аспектов афганского урегулирования. Для практической реализации этих инициатив газета выступила с призывом к «патриотическому духовенству, интеллигенции, национальной торговой буржуазии, вождям племен и родов, к военным и полевым командирам муджахедов, ко всем эмигрантским организациям и партиям» — объединиться в «мирный и демократический фронт» (Дъ суле ав димукратик джабха) [130].

3. «Хафт руз» («Семь дней») — частная еженедельная газета, основанная в апреле 1997 г. Зикруллой Пахангом; выходит на языках дари и пушту. Ответственными редакторами газеты в разное время были: А. Салех, С. Куяш, Х. Вахриз.

«Хафт руз» называет себя «свободной трибуной афганской интеллигенции», не связанной ни с какими партиями и организациями. Опровергая как «измышления» утверждения ее политических оппонентов о том, что «Хафт руз» является «языком» антиталибской коалиции, ее издатели подчеркивали, что газета якобы в равной степени критиковала как руководителей талибов за их «нездоровые» действия, так и лиде-

ров коалиции за их «разрушение страны и неумение управлять государством».

Более того, «Хафт руз» заявляла, что представляет сторонников так называемой «третьей силы» в эмиграции, выступает за то, чтобы в Афганистане пришли к власти «интеллигенты и технократы», объединенные вокруг некоей «ключевой» фигуры, пользующейся авторитетом в стране и за ее рубежами. Исходя из этой цели, газета объявляла, что в меру своих сил будет стремиться к объединению всех эмигрантов — приверженцев «третьей силы», проживающих в пределах СНГ — в единый национальный фронт.

Вместе с тем анализ публикаций «Хафт руз», в том числе редакционных статей и комментариев, убеждает, что газета в первую очередь являлась выразителем интересов этнических меньшинств (конкретно, сил, объединившихся в «Северную коалицию»), выступала против реставрации существовавшей в стране системы социально-политической и культурной дискриминации национальных меньшинств по этническому и религиозному признакам и особенно неприязненно относилась к талибам, в которых видела инструмент восстановления этой системы.

Для иллюстрации сказанного сошлемся на некоторые тезисы, пропагандируемые «Хафт руз», которые, на наш взгляд, дают достаточно полное представление о ее политической ориентации:

1. В монархическом Афганистане, вопреки утверждениям эмигрантских изданий пуштунских националистов, не было демократии. И Надир-шах, и Захир-шах проводили политику этнического, сословного и религиозного фаворитизма в отношении пуштунов-суннитов и политику дискриминации в отношении других этнорелигиозных групп. Этот тезис газета аргументировала следующими фактами: из 32 национальных языков и диалектов Афганистана только два — дари и пушту — были признаны официальными; доступ хазарейцев, узбеков, туркмен в высшие учебные заведения, особенно военные, был крайне ограничен; власти всячески препятствовали проведению шиитами траурной церемонии ашуры; преподавание в шиитских школах мусульманского права — фикх в его джафаритской интерпретации — не допускалось; судебные дела

шиитов разбирались, и решения по ним выносились исключительно на основании ханифитского толка суннизма [131].

2. Талибы — иностранные наемники, выведенные на военно-политическую арену (после провала миссии муджахедов) их хозяевами — Пакистаном, Саудовской Аравией и США и добившиеся успехов где силой, а где подкупом. Разница между «советским агрессором» и «пенджабскими агентами» только в том, что одни говорили по-русски, другие — на урду [132].

3. Талибы — это «небесная кара» («балайе асмани»), обрушившаяся на афганский народ. Уже их первые шаги: нарушение экстерриториальности представительства ООН в Кабуле и казнь, без суда и следствия, бывшего президента Наджибуллы продемонстрировали всему миру, что талибы не уважают нормы международного права. Их поведение на подконтрольных им территориях (аресты гражданских лиц только из-за их этнической принадлежности к таджикам и хазарейцам, насильственное насаждение архаичных норм ислама, исламский экстремизм и племенной эгоизм) показало, что талибы встали на путь пренебрежения интересами других народов и разжигания межэтнических противоречий) [133].

4. Хотя талибы и ведут себя так, чтобы вызвать ненависть других этнических групп к пуштунам, однако отождествлять талибов с пуштунами нельзя. Нация, которая дала Афганистану таких выдающихся прогрессивных деятелей, как Хушхальхан, Рахман-баба, пир Рошан, Аманулла-хан, Хамид Моманд, Абдулхай Хабиби, а также десятки героических бойцов против «красного агрессора» (таких, как командир Абдулхак), не станет презирать культуру других народов и подчиняться «пенджабским агентам» [134].

5. Нынешний этап войны носит резко выраженный межэтнический и межклановый характер, причем каждая из враждующих сторон пользуется покровительством иностранной державы. Ни одна из группировок не имеет достаточно сил, чтобы полностью уничтожить своего противника и, подобно амиру Абдуррахман-хану, силой оружия установить свою власть над всей страной. Даже, если предположить, что подобное может случиться, сложившаяся ситуация всегда будет чревата опасностью нового взрыва и началом еще более кровопролитной партизанской войны [135].

6. В отличие от воинствующих талибов, «Северная коалиция» — это союз миролюбивых сил, отстаивающих естественное право каждого народа на независимое и равноправное существование. Коалиция неоднократно предлагала компромиссные варианты выхода из сложившейся патовой ситуации, основу которых составляло признание реальностей нынешней ситуации и учет интересов всех сторон, вовлеченных в конфликт. Например, «Северная коалиция» предлагала создание коалиционного правительства с участием представителей всех народов Афганистана, выступала с инициативой созыва Совета Безопасности ООН специально для обсуждения афганской проблемы. Однако все эти инициативы были отвергнуты талибами. Они заявляли об отказе от любых мирных переговоров с представителями коалиции и подтверждали свое намерение продолжать войну до победного конца [136].

7. Мирное решение конфликта и обеспечение прав всех народов и наций в послевоенном афганском государстве может быть достигнуто только на основе компромисса, учитывающего интересы всех сторон. Закрепление достигнутых договоренностей должно быть зафиксировано в официальных документах, в том числе и в будущей афганской конституции.

8. Одной из возможных форм государственного устройства может стать федерация, что позволит сохранить унитарный характер Афганистана, а самое главное — закрепит за каждой из враждующих сторон нынешнюю политическую и религиозную власть над контролируемой ею территорией [137].

* * *

В заключение следует отметить, что с середины 1998 — к началу 1999 года афганская эмигрантская пресса в Москве претерпела существенные изменения. Большинство газет, определявших политический облик афганской диаспоры в России («Замана», «Аваз», «Афган», «Хафт руз», «Рисалат», «Вахдат» и др.), по различным причинам (идеологические разногласия среди членов редколлегии, финансово-технические трудности) прекратили свое существование. Их место заняли менее политизированные печатные органы, в основном

носившие характер торгово-рекламных изданий: «Хабартийа» («Информация»), «Тиджарати жванд» («Торговая жизнь»), и издания, главным образом отражавшие социально-бытовые проблемы эмигрантов, как, например, бюллетень «Союза афганских эмигрантов в Российской Федерации».

На наш взгляд, закрывшиеся издания сыграли свою роль, зафиксировав определенный исторический этап политической борьбы в эмигрантской среде, и позволили получить достаточно ясное представление об этнополитических процессах, происходивших в афганской диаспоре в России.

ГЛАВА IV

Политическая ситуация в диаспоре. Эмиграция и будущий Афганистан

1.

Из содержания предыдущих глав можно было уяснить, что, отражая реальную этнополитическую ситуацию, сложившуюся в афганской диаспоре, эмигрантская пресса оказалась расколотой на проталибские и антиталибские издания.

Вместе с тем анализ эмигрантской прессы показывает, что политические процессы, происходящие в диаспоре, гораздо сложнее и противоречивее и не ограничиваются лишь одним противостоянием по этническому признаку. Разобраться в этих процессах, понять их, а главное, попытаться определить, куда может качнуться маятник общественного мнения и какую из вовлеченных в конфликт сторон поддержит большинство эмигрантов, можно на примере эволюции политического курса тех кругов эмиграции, которые предпочитают называть себя «третьей силой», «третьей линией», выступают как выразители мнения «умеренных и миролюбивых сил», «молчаливого большинства», «забытого большинства» и в последнее время играют все более активную роль в общественной жизни афганской диаспоры.

Скажем сразу, под этими названиями выступают все те силы, политическим символом которых является бывший король Мухаммад Захир-шах и которые, как нам видится, в основном представлены этническими пуштунами с весьма небольшой прослойкой представителей других этнических групп.

Что касается идейно-политической доктрины «третьей силы», то она сводится к декларациям о стремлении к миру, социальной справедливости, демократии, равноправию всех народов и наций, а в качестве краеугольной основы государст-

венной идеологии будущего Афганистана провозглашает ислам и «афганский национализм», якобы общий для всех этнических и религиозных групп страны.

Выбор этой «третьей силы» в качестве показателя политических процессов, происходящих в диаспоре, не случаен. Во-первых, вот уже на протяжении 25 лет с момента зарождения межафганского конфликта из всех вовлеченных в него военных и политических группировок лишь одна она оставалась неизменной величиной, в то время как все остальные его участники периодически менялись. Так было в период борьбы муджахедов против режима НДПА (1978–1992), так было и в годы междоусобной борьбы между лидерами муджахедов за власть (1992–1994). Такая же расстановка сил сохраняется и ныне, когда на военно-политической арене сошлись в ожесточенной борьбе талибы и «Северная коалиция».

Во-вторых, в течение всего конфликта «третья сила» по-прежнему остается самым влиятельным, доминирующим политическим движением в диаспоре, превосходя все остальные эмигрантские группировки и по численности, и по влиянию.

Чтобы лучше понять нынешнюю ситуацию и тенденции ее развития, видимо, целесообразно совершить краткий экскурс в прошлое.

В 1987 г. тогдашний глава Афганского культурного центра в Пешаваре Сайид Бахауддин Маджрух, известный своими промонархическими взглядами, провел социологический опрос в лагерях для беженцев в Пакистане, в ходе которого были опрошены более 2000 мужчин и женщин. По данным С. Б. Маджруха, при ответе на вопрос, кого бы они хотели видеть во главе послевоенного афганского государства, голоса респондентов распределились следующим образом: 72% опрошенных высказались в пользу бывшего короля Мухаммада Захир-шаха; 12% — за создание «исламского государства», во главе которого они хотели бы видеть «благочестивого» мусульманина; 10% заявили, что руководителем государства должен стать один из «героических полевых командиров джихада» и только 4% опрошенных посчитали, что главой государства должен стать один из лидеров танзимов джихада [138]. (С. Б. Маджрух погиб в феврале 1988 г. от рук убийцы. Среди эмигрантов ходили слухи, что именно проводившийся им опрос, носивший явно прозахиршахский характер, и послужил причиной его гибели).

Напомним, что это были годы, когда промонархическая, пропуштунская эмигрантская пресса в странах региона и на Западе развернула активную кампанию по пропаганде личности бывшего короля как единственного лидера общенационального масштаба, пользующегося популярностью в народе, способного консолидировать все силы, входившие в движение сопротивления, и возглавить борьбу народа-муджахеда против «коммунистического» режима. В то же время велась агитация в пользу создания широкого объединения всех «умеренных» сил как в эмиграции, так и в самом Афганистане, причем наблюдалось явное стремление представить это движение как мощную военно-политическую силу. Так, в июле 1988 г. газета «Афган миллат», представлявшая себя в качестве пионера движения «третьей линии» призывала все патриотические, умеренные и миролюбивые силы «сплотиться под знаменем М. Захир-шаха». В числе сторонников бывшего монарха газета называла «большую часть» политической и интеллектуальной элиты эмиграции, трех «либеральных» лидеров танзимов (А. С. Гиляни, С. Моджаддиди, М. Наби Мухаммади) и «старейшин многих пуштунских племен» в Афганистане [139].

После первого и единственного опыта исследования общественного мнения, проведенного С. Б. Маджрухом, других социологических опросов среди эмиграции не проводилось. Разумеется, эти результаты более чем 10-летней давности вряд ли могут рассматриваться сегодня в качестве достоверного индикатора общественного мнения эмиграции, если бы не одно, достаточно парадоксальное явление. Анализ эмигрантской прессы за 1997–1998 гг., свидетельствует о том, что и сегодня рейтинг бывшего короля среди эмигрантских кругов весьма высок, его многочисленные сторонники продолжают активно выступать в его поддержку. Сошлемся в этой связи на некоторые недавние заявления известных в эмигрантских кругах деятелей.

В мае 1997 г. Шакера Нади, председатель Исламской джирги национального единства Афганистана и ответственный секретарь Международной организации афганских женщин со штаб-квартирой в Германии, отвечая на вопрос корреспондента газеты «Недаё солх» («Призыв мира»), издающейся в США, заявила следующее: «По нашему убеждению, единственным достойным кандидатом на пост главы госу-

дарства по-прежнему остается бывший король Мухаммад Захир-шах» [140].

В июне 1997 г. Сайид Халилулла Хашемиан, издатель журнала «Аинейе Афганестан» и заместитель председателя организации Движение национального единства Афганистане, на встрече со своими единомышленниками из Союза писателей свободного Афганистана в Пешаваре, излагая первоочередные задачи движения «третьей силы», заявил, что следует «настоятельно просить Его Величество Мухаммада Захир-шаха как можно скорее вступить на политическую арену Афганистана» и убедить иностранные силы, препятствующие его возвращению, что «решение афганской проблемы невозможно без его участия» [141].

Наконец, нынешний глава Совета взаимопонимания и национального единства Афганистана Сайид Исхак Гиляни, в ходе своего визита в октябре 1997 г. в Москву заявил, что эта организация в качестве единственного лидера, способного прекратить войну и добиться объединения нации и гражданского согласия, признает только бывшего короля Мухаммада Захир-шаха [142].

Выяснение причин столь длительного политического долголетия бывшего короля — тема отдельного разговора. Однако в контексте характеристики «третьей силы» следует отметить, что сами ее участники по-разному трактуют этот феномен. Так, по мнению Абдул Расула Амина, председателя Союза писателей свободного Афганистана, который в своей книге «Вакуум власти в афганском обществе» («Дъ афгани толыне дъ замат хала»), изданной в Пешаваре в 1995 г., объясняя высокую популярность Мухаммада Захир-шаха писал, что в таком полиэтничном и приверженном традициям обществе, как афганское, к верховному правителю всегда предъявлялись и предъявляются повышенные требования, особенно в части, касающейся его родословной и законности притязаний на власть, личных и деловых качеств. По мнению А. Р. Амина, афганцы никогда не приемлют того, кто силой узурпировал власть или был посажен на трон чужеземцами. Именно поэтому, считает А. Р. Амин, ни М. Дауд, ни вожди НДПА, ни главари муджахедов, в отличие от Мухаммада Захир-шаха, не могли быть признаны легитимными правителями и не были поддержаны большинством афганцев [143].

Несколько иной точки зрения придерживается Мухаммад Азиз Наим, человек весьма авторитетный в эмигрантских кругах, представляющих «третью силу». Популярность М. Захир-шаха среди афганского народа, особенно «молчаливого большинства», по его мнению, во-первых, объясняется тем, что после 20 лет ужасов войны период его правления приобрел в глазах многих афганцев некий «романтический флёр», и поэтому все последующие события рассматриваются ими с этой точки зрения, а, во-вторых, тем, что несмотря на все объективные трудности, Афганистан в период правления Мухаммада Захир-шаха достиг определенного прогресса в социально-экономической и политической сферах, а также пользовался уважением в международном сообществе [144].

Разумеется, не все политические силы в эмиграции, как это может показаться на основании вышеизложенного, единодушны в поддержке бывшего монарха и «третьей силы».

Один из известных религиозных авторитетов Афганистана «шайх-уль-хадис» («знаток хадисов») маулана Торахейль, ныне пребывающий в эмиграции в Пакистане и сотрудничающий с религиозно-политической организацией Исламский совет народа Афганистана, в интервью печатному органу этой организации, газете «Хавра», в частности, заявил, что «третья сила» — это всего лишь «сон и фантазия» тех, кто спит и видит себя премьер-министрами и министрами при возродившейся монархии. «Я знаю этих людей, — подчеркнул Торахейль, — они не уважают ни шариат, ни нацию и думают лишь о том, как заполучить в свои руки нашу страну» [145].

Первоначально политическая элита «третьей силы» рассчитывала, что после свержения «коммунистического» режима, она, как верный союзник муджахедов, вместе с ними будет пожинать плоды общей победы и получит доступ к власти.

О настроениях, царивших в тот период среди сил, поддерживавших бывшего короля, достаточно красноречиво свидетельствует поздравительное послание народу Мухаммада Захир-шаха по случаю вывода из Афганистана зимой 1989 года советских войск, в котором он достаточно прозрачно говорит о готовности принять власть. Указав на то, что в течение всей «священной войны» он в меру своих сил сотрудничал с силами джихада, не отказываясь ни от какой поддержки «героического афганского народа», бывший монарх заявил: «Сегодня, когда народ-муджахед находится в преддверии достижения ре-

зультатов своей великой борьбы, я вновь предоставляю себя на службу соотечественникам и, безо всяких претензий на особые привилегии, готов на любую деятельность, которая будет в моих силах, чтобы помочь осуществить чаяния большинства народа Афганистана» [146].

Однако, как показали дальнейшие события, призыв бывшего монарха не был услышан, а начавшаяся затем междоусобная война между лидерами муджахедов надолго отодвинула планы «третьей силы» на приход к власти.

В конце 1994 г. «третья сила», утверждавшая, что выступает от имени «молчаливого большинства», предприняла очередную попытку пойти на переговоры с лидерами муджахедов. Консультативная комиссия, состоящая из лиц, входящих в ближайшее окружение М. Захир-шаха: Мухаммада Юсуфа (бывший премьер-министр); Абдул Саттара Сирата (бывший министр юстиции); Абдул Самада Хамеда (бывший вице-премьер); Султана Махмуда Гази (родственник короля и бывший глава авиакомпании «Ариана»), встретила в Кветте (Пакистан) с представителями основных группировок муджахедов (ИОА, ИПА, НИФА, ИДА, Вахдат), чтобы еще раз попытаться найти решение афганского конфликта. Но и на этот раз, переговоры, проходившие с 29 сентября по 16 октября 1994 г. под эгидой Махмуда Мистери, специального представителя генерального секретаря ООН, закончились безрезультатно.

Появление осенью 1994 г. в Афганистане талибов, ставшее событием, определившим основное содержание этнополитической ситуации в афганской диаспоре, казалось, предоставило счастливый шанс «третьей силе». С этого момента печатные органы пуштунских националистических кругов — сторонников Мухаммада Захир-шаха, встретившие появление талибов с большим энтузиазмом, развернули широкую пропагандистскую кампанию, в ходе которой активно муссировали два главных тезиса.

Во-первых, такие эмигрантские газеты, как «Аинейе Афганестан», «Вафа», «Муджахид вулус» и многие другие стремились представить талибов как «чисто исламскую» и «подлинно национальную» силу, как «ангелов-спасителей» в белых одеждах, с Кораном на груди и автоматом «Калашников» в руках, появившихся в Афганистане, чтобы выполнить благородную миссию по очистке страны от «произвола, тирании и разврата» и установить там мир и спокойствие.

Вот, например, как характеризовала тогда талибов газета «Вафа». В статье «Кто такие талибы и что они хотят» она писала: «Талибы вышли из народа, который поддерживает их, устав от преступлений муджахедов ... Талибы спасут Афганистан», — заключала газета [147]. А пропуштунская газета «Аваз», выходящая в Москве, даже умудрилась сравнить появление талибов с появлением в свое время в Афганистане Сайида Джемал-уд-дина Афгани на том основании, что будто бы и Дж. Афгани недоброжелатели называли «шпионом» и «стамбульским сайидом» так же, как и теперь талибов называют «иностранными агентами». «Однако, — утверждала газета, — большинство афганцев считает талибов «ангелами», избавившими народ от ужасов муджахедского ада» [148].

Во-вторых, в публикациях такого рода настойчиво проводилась мысль о том, что талибы — это прежде всего военная, а не самостоятельная политическая сила, и что они являются лишь авангардом, прокладывающим путь к возвращению во власть бывшего монарха.

Имели ли подобные утверждения под собой серьезную основу, или же они были частью заранее запланированной окружением бывшего короля пропагандистской акции в духе придворных интриг, сказать трудно. Как показали последующие события, их развитие пошло явно не по тому сценарию, на который рассчитывали сторонники бывшего короля.

Как бы там ни было, но, на наш взгляд, поддержку талибам со стороны пропуштунской, промонархической части эмигрантской прессы, особенно на начальном этапе, несомненно, обеспечили два фактора: национальный состав движения «Талибан», в основном представленный пуштунами южных племен, и присутствие в его руководстве промонархически настроенных элементов. (О том, что этнический фактор играл важную роль в привлечении симпатий эмигрантов-пуштунов к талибам, говорит тот весьма красноречивый факт, что даже члены НДПА — партии «Ватан», пуштуны по национальности, высказывались в поддержку талибов и готовы были сотрудничать с ними).

Ситуация стала меняться спустя какое-то время, после захвата Кабула талибами и создания ими собственных органов власти. Печатные издания пуштунских националистов — сторонников экс-короля начали новую кампанию, пытались оказать давление на лидеров талибов, чтобы заставить их усту-

пить власть «профессионалам». Газета «Афган миллат», например, утверждала, что, поскольку военное решение проблемы оказалось крайне неопределенным и может затянуться на долгое время, а перспективы политического компромисса между противниками остаются весьма туманными из-за нежелания вовлеченных в конфликт сторон передать право формирования правительства «команде нейтральных технократов», то талибам следует в первую очередь уделить внимание решению административных и социально-экономических проблем на подвластной им территории. «В противном случае, — делала вывод газета, — талибы рискуют утратить свою популярность среди народа». [151].

В унисон с «Афган миллат» газета «Вафа», намекая на отсутствие опыта управления государством у талибов, настойчиво призывала их к передаче власти бывшему королю и его окружению. В статье под заголовком «Бывший король — символ нации» газета предупреждала талибов, что установления мира и спокойствия на подконтрольной им территории явно недостаточно для управления государством и, если они в ближайшее время не выдвинут программу решения политических и социально-экономических проблем, то терпение народа может иссякнуть [152].

Несомненно, в охлаждении проталибских настроений прозахиршаховской прессы главную роль сыграли сами талибы, которые явно не спешили выказывать верноподданнические чувства и передавать власть бывшему королю и его сторонникам. Более того, из лагеря талибов стали раздаваться голоса, явно враждебного, в отношении к нему, характера.

Так, 13 октября 1996 г., исполняющий обязанности заместителя министра иностранных дел в правительстве талибов Шир Мухаммад Станакзай на первой пресс-конференции в Кабуле вначале сказал следующее: «Мухаммад Захир-шах, бывший король Афганистана, может приехать в страну и его прибытие будет приветствоваться. Он может вернуться на родину в качестве простого гражданина, короля, президента — и здесь Ш. М. Станакзай завершил свое выступление сенсационной фразой — или... в качестве преступника («муджрим!»)» [153].

В начале апреля 1997 г. главный печатный орган талибов газета «Шариат», поместила материал, частично перепечатанный в Москве бюллетенем «Гиндукуш», в котором подвергла крити-

ке Мухаммада Захир-шаха за то, что тот якобы не боролся с северным «колониализмом, проникавшим с другого берега Амударьи». Газета обвиняла также бывшего короля и его окружение в том, что они больше веселились и наслаждались жизнью, чем занимались решением проблемы Пуштунистана [154].

В апреле 1997 г. специальный представитель движения «Талибан» в Нью-Йорке Абдул Карим Муджахед на встрече с афганскими эмигрантами в США, отвечая на их вопросы об отношении талибов к бывшему монарху, заявил, что талибы учитывают, что не весь афганский народ хочет возвращения Мухаммада Захир-шаха в Афганистан в качестве главы государства. «У нас нет возражений против приезда бывшего короля, — подчеркнул А. К. Муджахед. — Он волен ехать, куда он захочет. Но мы не можем пригласить его официально, так как все партии выступают против него и даже обвиняют нас в том, что мы будто бы хотим его возвращения» [155]. (Заметим, что это говорилось после того, как бывший монарх направил поздравительное послание талибам по случаю взятия ими Мазари-Шерифа).

Объяснение столь негативному отношению талибов к бывшему королю, видимо, следует искать в политических пристрастиях руководства движения «Талибан». Судя по скудным сведениям, периодически появляющимся в эмигрантской печати, этнически однородная масса талибов в политическом плане представляет собой довольно пеструю картину. Так, по свидетельству уже цитировавшейся выше газеты «Недаёе калям», среди них, помимо «преданных и истинных мусульман, имеются и бывшие «халькисты» под руководством генерала Шах Наваза Таная, и сторонники короля» [156].

Похожую информацию сообщала и газета «Вафа», называвшая в числе участников движения «Талибан»: бывших бойцов из шиитского Исламского движения Афганистана шейха Мохсени; боевиков мауланы Джалал-уд-дина Хаккани, того самого, который некогда обвинил Мухаммада Захир-шаха в том, что за 40 лет своего правления он ни разу не удосужился выполнить священную обязанность каждого мусульманина — совершить хадж [157]; юридов лидера ИПА Юнуса Халеса; сторонников главы ДИРА Наби Мухаммади; монархистов и «халькистов» [158].

Естественно, каждая из этих группировок имела собственную точку зрения на роль бывшего короля в послевоенном

Афганистане. Судя по всему, на нынешнем этапе развития ситуации в руководстве движения «Талибан» возобладали антизахиршахские настроения. Этот факт были вынуждены признать и сторонники бывшего короля. Сайид Исхак Гиляни — лидер Совета взаимопонимания и национального единства Афганистана, считающегося головной организацией движения «третья сила», подтвердил, что «часть талибов не согласна с возвращением в Афганистан бывшего короля» [159].

Более того, судя по выступлениям эмигрантской прессы, в стане приверженцев «третьей силы» произошел, в связи с изменением отношения к талибам, раскол, и часть пуштунских националистов, действуя по принципу «синица в руках лучше журавля в небе», в отличие от прозахиршахских кругов эмиграции, решила остаться лояльной к талибам. По всей видимости, к представителям этих кругов можно отнести упоминавшиеся выше газеты «Муджахид вулус» и «Дъ вулус гаж», издатели которых после встречи с главой талибов муллою Омаром в Кандагаре не только активизировали проталибскую пропаганду в своих печатных изданиях, но и делали все возможное, чтобы каким-то образом нейтрализовать наиболее острую критику в адрес талибов за их пуштунский шовинизм. Так, «Муджахид вулус» в последнее время выступила с рядом публикаций, в которых пыталась убедить читателей в том, что среди талибов, кроме пуштунов, есть и много представителей этнических меньшинств — таджиков, узбеков, хазарейцев и нуристанцев, — многие из которых, по утверждению газеты, даже занимают руководящие посты в административных органах талибов. «Правителем уезда Чарасияб является таджик из Бадахшана», — сообщала «Муджахид вулус» [160].

Для сравнения укажем на информацию прозахиршахской газеты «Вафа», в которой содержалось совершенно противоположное утверждение о том, что талибы в основной своей массе сунниты, представители южных пуштунских племен, и что количество людей других национальностей среди них «ничтожно мало» («бесйар андак») [161].

После того, как сторонники экс-монарха убедились, что ставка на талибов себя не оправдала и их планы возвращения к власти оказались под угрозой, они явно активизировали свою деятельность по поиску новых политических союзников в диаспоре. Так, Совет взаимопонимания и национального единства провел в Пешаваре конференцию на тему: «Роль ин-

теллигенции в обеспечении мира и национального единства в Афганистане», а эмиссары Совета были направлены за рубеж, в частности в Турцию и Россию, в поисках возможных союзников. Обращение к России не было, на наш взгляд, случайным. Именно здесь, после падения режима Наджибуллы, обосновалась значительная часть бывшей партийно-государственной номенклатуры, среди которой появились первые ростки политических сил, объявивших себя «умеренными и миролюбивыми» и, как отмечалось выше, не раз заявлявших о своей поддержке мирных усилий Мухаммад Захир-шаха.

В июне 1994 г. тогдашний лидер партии «Афган миллат» Мухаммад Амин Вакмын посетил Москву. На встречах с афганскими эмигрантами он убеждал их подключиться к процессу создания так называемого Общенационального объединенного фронта. Однако, судя по всему, его призыв тогда не нашел отклика среди эмигрантов в России.

Важным политическим событием в жизни афганской диаспоры в России стал упоминавшийся визит в Москву Сайида Исхака Гиляни (октябрь 1997 г.), который свидетельствовал о том, что в общественном мнении разных отрядов эмиграции произошли определенные подвижки. Во-первых, он показал, что «старая» эмиграция, составляющая основу движения «третьей силы», наконец, решилась принять под свои знамена «новую» эмиграцию, а она, в свою очередь, выразила готовность присоединиться к своим бывшим противникам.

Примечательно, что во время пребывания С. И. Гиляни в Москве, эмигрантская газета «Аваз» незамедлительно опубликовала устав Совета взаимопонимания и национального единства и анкету, сопроводив ее от имени «Подготовительного комитета совета» в Москве призывом к афганским эмигрантам вступать в эту организацию [162].

Подобные реверансы «старой» эмиграции в сторону эмигрантов в России были тем более удивительны, если вспомнить, какая злобная пропагандистская кампания была развернута в печатных изданиях «старой» эмиграции, преследовавшая цель создать впечатление якобы всеобщего осуждения эмигрантов новой волны с тем, чтобы окончательно дискредитировать их в глазах афганской диаспоры и тем самым устранить с политической арены как будущих соперников в борьбе за власть. Уместно заметить, что в кампанию по дискредитации «новых» эмигрантов подключились самые различные по

своей идейно-политической направленности печатные издания, которые, отбросив разногласия, выступили против них единым фронтом. Так, столичный еженедельник «Кабул» сообщал, например, о массовой демонстрации протеста афганских эмигрантов в Лондоне, выступивших якобы с требованием к британским властям не предоставлять политического убежища Султану Али Кештманду — бывшему премьер-министру при Б. Кармале.

Ссылаясь на Би-Би-Си, еженедельник цитировал слова Сайидджана Карвани, главы Общества афганских эмигрантов в Лондоне и издателя журнала «Дева», о том, что прибытие туда С. А. Кештманда вызвало «гнев и ненависть» эмигрантов, которые не могут простить ему его «разрушительную» деятельность на посту премьер-министра [163].

Леворадикальный журнал «Пайаме зан» информировал своих читателей о том, что будто бы под давлением афганской эмиграции в Австралии Абдул Хамид Мохтат, бывший вице-президент при Наджибулле, был вынужден покинуть эту страну. При этом журнал призывал всех афганских эмигрантов, где бы они ни проживали, разоблачать «парчамистов и халькистов», преследовать их и изгонять отовсюду, чтобы они не могли найти себе «спокойного места на земле» [164].

Еще более резко выступила газета «Аль-Бадр», которая, указав на то, что в Нидерландах нашли прибежище более 30 высокопоставленных чиновников НДПА — «Ватан», обратилась с призывом к афганским эмигрантам в этой стране выявлять этих людей и сообщать факты об их преступлениях с тем, чтобы впоследствии предать их международному суду как «военных преступников» [165].

Как нам представляется, усилия сторонников бывшего короля по поиску новых союзников среди тех, кого до недавнего времени «старая» эмиграция пыталась подвергнуть остракизму, не пропали даром. Весьма симптоматичным и, на наш взгляд, отражающим наметившуюся тенденцию к пересмотру прежних идейных убеждений среди большей части политической элиты эмиграции в России, явилось заявление, сделанное Сайидом Мухаммадом Гулябзоем 5 сентября 1997 г. на встрече афганских эмигрантов в Москве со специальным представителем ООН Л. Барахими.

С. М. Гулябзой — «герой двух революций», активный участник антимонархического и антидаудовского переворотов,

бывший член политбюро НДПА, генерал, бывший министр внутренних дел, а затем и посол в СССР, заявил буквально следующее: «Ради интересов родины я дважды участвовал в свержении режимов... Ныне, ради нашей родины, я согласен признать руководство тех людей, против которых боролся. Я предлагаю, чтобы Его Величество Мухаммад Захир-шах, бывший король Афганистана, прибыл в Афганистан в качестве миротворца и вождя нации и внес бы свой вклад в процесс прекращения войны и восстановления мира и безопасности страны» [166].

В заключение, оценивая политические перспективы движения «умеренных», следует сказать следующее. Действительно, движение представляет собой достаточно мощную политическую силу, однако, на наш взгляд, было бы слишком самонадеянно представлять дело так, как некоторые лидеры этого движения: что только ему предназначена роль объединителя всех «умеренных» сил и спасение отечества от смуты. Выступая под знаменем бывшего монарха, они дают повод считать, что в основе их идеологии лежит стремление к реставрации прошлого, а не движение к новому демократическому Афганистану.

Трудно предположить, что, пройдя через 20 лет кровопролитной войны и понеся огромные потери, афганский народ захочет вернуться в прошлое, каким бы радужным оно ни казалось с сегодняшних позиций.

2.

*«Я слышала на родине моей
Ночь страшится звезд,
А деревья — луны;
День боится солнца,
А реки — воды».*

(Бахар Сайид Ильхан)

Пожалуй, не было ни одного эмигрантского издания, которое бы в той или иной степени не затронуло проблему «добровольного и достойного» возвращения афганских беженцев на родину.

Тема возвращения на родину, пусть даже истерзанную войной, нарушившей извечно заведенный миропорядок, о чем так образно и ярко сказала афганская поэтесса Б. С. Ильхан в своем, уже ставшем знаменитым в эмигрантских кругах, стихотворении, постоянно присутствует на страницах эмигрантской прессы.

Однако, если для основной массы простых эмигрантов вопрос возвращения к родным очагам и привычному укладу жизни имеет жизненно важное, а вернее, бытовое значение, то для политической и интеллектуальной элиты главным был и остается вопрос ее участия в общественно-политической жизни страны и вхождения во властные структуры послевоенного Афганистана. Уже сейчас каждая, более или менее известная эмигрантская партия, организация или движение имеет не только свои варианты мирного урегулирования афганского кризиса, но и собственные взгляды и предложения относительно политической и социально-экономической модели будущего афганского государства, которые они активно пропагандируют на страницах своих периодических изданий. При этом каждая из эмигрантских группировок стремится представить себя единственным и подлинным выразителем общенациональных интересов, призывает эмигрантов сплотиться только под ее знаменами, с тем чтобы более уверенно претендовать на свой «кусочек пирога» при будущем дележе власти.

Каковы же перспективы участия эмиграции в определении путей дальнейшего развития афганского общества?

Практика прошедших лет убедительно доказала, что без компромисса с интеллектуально-политической элитой эмиграции, без ее поддержки добиться прочного и стабильного мира в Афганистане практически невозможно. Учитывая это, власти предрезающие не раз пытались договориться с эмигрантскими кругами.

Хорошо известны попытки покойного президента Наджибуллы после провозглашения им «политики национального примирения» привлечь к процессу урегулирования ситуации в стране бывшего короля Мухаммада Захир-шаха и его окружение. Так, в сентябре 1991 г. президент Наджибулла, выступая перед депутатами парламента, признал, что он обращался к бывшему монарху с призывом принять участие в мирном урегулировании афганского конфликта.

Придя к власти, весьма активно и успешно действовала администрация президента Б. Раббани. Ей удалось наладить деловое сотрудничество с рядом высокопоставленных деятелей в эмиграции, в основном таджиками (М. Юсуф, Абдул Гафур Раван Фархади и другими), а Фархади даже был назначен официальным представителем ИГА в ООН).

Благодаря усилиям эмиссаров Б. Раббани, им удалось склонить многих влиятельных эмигрантов к участию в известной гератской конференции, организованной кабульскими властями в 1994 г. с целью легитимизации и продления на неограниченный срок президентских полномочий Б. Раббани. О представительном характере гератской конференции можно было судить хотя бы по составу приглашенных, представлявших эмигрантские круги из стран Западной Европы и США, в числе которых, например, были представители: из Франции (Абдул Хамид Мубарез, Башир Махмуд, Хашмат Фируз, Насрулла Халили и др.); из Швейцарии (принц Ихсанулла, сын бывшего короля Амануллы-хана, Али Гоухариан, Абдул Вахед Эттемади, Хамидулла Азизи и др.); из Англии (Якуб Баракзай, Абдул Ахмад Джавид); из Германии (Мухаммад Юсуф, Насим Асад, Абдул Джалил Хашмат, Мир Мухаммад Касем Хусайни, Сирадж-уд-дин Расули, Мухаммад Надер Омар и др.); из США (Хабиб Зикриа, Сайид Махдум Рахим, Мухаммад Сайид Фаиз, Касем Моджаддиди, Хашим Моджаддиди, Абдулла Осман, Мухаммед Акбар Ширзад и др.) [167].

Президенту Б. Раббани удалось также привлечь на свою сторону группу эмигрантов (в том числе пуштунов по национальности), занимавших при королевском режиме высокие государственные посты: Мухаммада Ибрагима Сираджа, Мухаммада Хасана Какара, Гуляма Али Аина, Мухаммада Насера Кешаварза, Абдулу Таваба Асефи и Тадж Мухаммада Вардака. Эта группа в США, входившая в так называемое Движение за создание выборного правительства в Афганистане через свой печатный орган газету «Джирга», в опубликованном письме на имя Б. Раббани, выражала готовность «служить народу» и сотрудничать с кабульскими властями в деле установления мира и восстановления страны, за что была подвергнута жесткой критике со стороны пуштунских националистических кругов, оппозиционных Б. Раббани.

В борьбе за привлечение влиятельных эмигрантских кругов на свою сторону от официальных властей режима Б. Раб-

бани не отставали и военно-политические группировки, представлявшие интересы национальных меньшинств. Так, активную работу по пропаганде своих идейно-политических взглядов вели среди эмиграции зарубежные представительства Национального исламского движения Афганистана (НИДА) А. Р. Дустома и хазарейско-шиитской партии «Вахдат» (фракции К. Халили и М. Акбари), располагавшие собственными печатными изданиями. НИДА, например, издавала в Пакистане и распространяла среди беженцев газету «Соугат» («Подарок»), а в среднеазиатских республиках СНГ и России — газету «Недаёе ислам» («Призыв ислама»). В свою очередь, фракция К. Халили печатала в США газету «Недаёе вахдат» («Призыв к единству»), а в Лондоне и Дели — информационный бюллетень «Намейе хабарийе вахдат», в Пакистане — газету «Эмрузе ма» («Наш сегодняшний день»); фракция М. Акбари выпускала в Индии газету «Тафаххом» («Взаимопонимание»), а в Пакистане — «Симаёе вахдат» («Образ единства»).

Не оставили без внимания эмиграцию и лидеры талибов. Они не раз заявляли, что не против сотрудничества с эмигрантской интеллигенцией, особенно с той ее частью, которая с самого начала выступала в поддержку их движения. Здесь можно сослаться, например, на интервью, данное членом Высшего Совета движения «Талибан» Мухаммадом Гаусом эмигрантской газете «Муджахид вулус» во время его визита в ФРГ летом 1996 г. Отвечая на вопрос корреспондента газеты о том, намерен ли он встречаться с афганскими политиками и интеллигенцией в эмиграции, Мухаммад Гаус заявил, что цель его визита в ФРГ не только встречи с официальными немецкими властями, но и с «известными афганскими эмигрантами». Представитель талибов подчеркнул: «афганские выдающиеся личности и компетентные лица, где бы они ни проживали, составляют национальное богатство нашей страны и мы надеемся на то, что они в полной мере примут участие в восстановлении нашей родины» [168].

В марте 1997 г., по сообщению газеты «Тулуйи афган», в США отправилась очередная делегация талибов во главе с маулави Вакилем Ахмадом Мутавакилем. Программа их пребывания в США предусматривала не только встречи с официальными лицами американской администрации и ООН, но и поездки в основные центры проживания эмигрантов и встречи с ними, в ходе которых эмиссары талибов должны были разъяс-

нять им «священные цели» движения «Талибан» и привлечь их к сотрудничеству [169].

В апреле того же года специальный представитель движения талибов в США Абдул Хаким Муджахед провел многочасовую встречу с группой известных эмигрантов, в число которых входили: профессор Мухаммад Исхак Надери; бывший сотрудник МИД Афганистана Мухаммад Анвар; председатель Общества афганских эмигрантов в Нью-Йорке Хабибулла Маяр; бывший при М. Дауде губернатором провинции Абдул Гафур Вакиль; инженер Каюм Карими; бывший президент кабульской транспортной компании «Милли бас» Васе Наби и др. В ходе беседы, отвечая на вопросы присутствующих, А. Х. Муджахед, в частности, признал, что талибы не имеют «достаточного опыта в управлении государством и в политике», и поэтому они обязательно учтут мнение народа при формировании «исламского и справедливого» правительства. При этом он подчеркнул, что талибы не собираются подобно лидерам муджахедов обманывать ожидания эмигрантской интеллигенции в Европе и Америке [170]. Усилия талибов не пропали даром. В эмигрантской среде появились издания, не скрывавшие того, что являются пропагандистскими рупорами талибов. Так, газета «Аманат» («Залог»), выходящая с апреля 1998 г. в Торонто (Канада), объявила себя печатным органом Совета по поддержке Исламского Эмирата Афганистан и народа-муджахеда.

Контакты между талибами и эмиграцией не были односторонними. Представители пуштунских националистических кругов регулярно приезжали в Афганистан и встречались с руководством талибов. Так, кроме уже упоминавшегося визита в Кандагар издателя «Муджахид вулус» и его единомышленников, в апреле 1997 г. лидера талибов муллу Омара Ахундаза посетила группа эмигрантов из Англии в составе: Рахматуллы Сафи (издателя бюллетеня «Дъ вулус гаж»), Мухаммада Наби Мосаддега и Сайидджана Карвани (издателя журнала «Дева»).

Таким образом, оценивая шансы эмиграции на ее участие в строительстве послевоенного Афганистана, следует прежде всего исходить из того, какая власть утвердится в стране и в какой мере она пожелает востребовать управленческий опыт и интеллектуальный потенциал эмиграции. Вместе с тем, как было сказано выше, и стабильность буду-

щей власти в свою очередь будет зависеть от степени поддержки или противостояния ей большинства эмиграции. Нельзя забывать, что Афганистан — это не та страна, которая располагает неисчерпаемым резервом кадров интеллигенции и чиновников-администраторов. Круг «спецов» довольно ограничен. Поэтому любые силы, которые придут к власти в Афганистане, будут вынуждены обратиться к существующему источнику резервов и учитывать в какой-то мере политические амбиции эмигрантов. Весьма показательным в этом отношении мнение еженедельника «Кабул», предсказывавшего, что когда эмигранты вернутся на родину, их взгляды станут реальной составной частью общественно-го мнения, и это уже никто не сможет игнорировать [171].

Итак, если исходить из реальной ситуации в Афганистане и предположить, что наиболее вероятным исходом военного противостояния движения «Талибан» и «Северной коалиции» станет победа талибов и установление их власти на всей территории афганского государства, то в таком случае возможны, на наш взгляд, следующие варианты участия эмигрантской интеллектуально-политической элиты различных направлений в общественно-политических и культурных институтах будущего государства.

1. Нынешнее руководство талибов, вероятнее всего, пойдет на сотрудничество с той частью «старой» эмиграции, представленной пуштунскими националистами, которая с момента появления движения «Талибан» в Афганистане выступила в его поддержку и оставалась лояльной к нему до последнего времени.

2. При нынешней расстановке сил в руководстве движения «Талибан» шансы «новой» эмиграции на вхождение во властные структуры, даже той ее пуштунской прослойки, которая охотно демонстрировала свою солидарность с талибами, маловероятны из-за ее партийного прошлого. Основания для подобного предположения имеются. Известно, что талибы приступили к «чисткам» по политическим мотивам. Согласно информации газеты «Эмрузе ма» — печатного органа партии «Вахдат», — в ноябре 1997 г. талибы уволили сотни государственных чиновников по обвинению в принадлежности к «коммунистическому» режиму. В числе уволенных оказались и 70 преподавателей Кабульского

университета. Мотивируя этот шаг, нынешний ректор университета маулави Пир Мухаммад Рухани заявил, что их уволили, потому что они оказывали «дурное» влияние на студентов, которые впоследствии могли стать «участниками заговоров против талибов» [172]. А кандагарская газета «Тулуйи афган» (24.05.98) опубликовала так называемое «Предупреждение Исламского Эмирата коммунистам», в котором обвинила их в многочисленных преступлениях, приведших к гибели миллионов афганцев и разрушению страны, и предупредила, что в случае, «если коммунисты продолжают свою подрывную деятельность, они будут строго наказаны». Правда, нельзя исключать того, что в силу этнических, кланово-племенных и родственных связей, весьма сильных в афганском обществе, какая-то незначительная часть интеллигенции из числа «новой» эмиграции может быть привлечена талибами к сотрудничеству. (Напомним, что в свое время будущий глава Исламского союза освобождения Афганистана А. Р. Саяф избежал смерти только благодаря родственным связям с «коммунистом» Хафизуллой Амином).

3. Если в руководстве движения «Талибан» все же возобладают промонархические элементы, то для сторонников движения «третья сила» откроются более благоприятные возможности для участия в политической жизни послевоенного Афганистана.

4. Учитывая нынешнюю политику талибов в области межнациональных отношений, трудно представить, что в ближайшем будущем к сотрудничеству может быть приглашена интеллектуально-политическая часть эмигрантской элиты, представленная непуштунами.

5. Если же допустить, что силам, входящим в «Северную коалицию», все же удастся удержать под своим контролем районы с компактным проживанием этнических меньшинств и на этой основе достичь компромисса с талибами (коалиционное правительство, автономия районов, равное участие в органах государственной власти и т. п.), то у эмигрантских кругов, представленных этническими меньшинствами, появится шанс для активного включения в общественно-политическую жизнь афганского государства.

В заключение хотелось подчеркнуть следующее. Трудно представить, что, если талибы объявят всеобщую амнистию и обратятся с призывом к эмигрантам вернуться на родину и начать строительство «нового» Афганистана, то вся эмигрантская элита тут же откликнется на их приглашение. Афганская интеллектуально-политическая элита за долгие годы монархии, республики, а затем и эмиграции, пользовавшаяся определенной свободой и привыкшая к образу жизни, далекому от жесткой исламской регламентации, вряд ли откажется от него и безропотно подчинится законам талибов: сменит европейские костюмы на национальную одежду, опустит бороды, откажется от музыки, кино, театра и телевидения, смирится с полным бесправием женщин в угоду ригористическим требованиям талибов, задумавших построить в Афганистане идеальное, по их представлениям, исламское теократическое государство. В такую возможность трудно поверить.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За четверть века, прошедшую со времени возникновения первых очагов афганской диаспоры, интеллектуально-политическая элита эмиграции сумела не только адаптироваться к чуждой языковой и социально-культурной среде, но и создать в пределах диаспоры собственную социально-экономическую и политико-культурную инфраструктуру. Одним из важных достижений афганской эмиграции в этой области было создание достаточно разветвленной и эффективной системы средств массовой информации. На сегодняшний день, по оценкам проживающих в Москве журналистов-эмигрантов, в афганской диаспоре издается более 200 газет и журналов (только в Москве в 1997 году выходило свыше 20 изданий).

Если учесть, что в ряде государств мира афганским эмигрантам удалось арендовать местные каналы радиовещания («Голос Афганистана» в Калифорнии, «Афганское радио» в Москве, в Австралии) и кабельного телевидения (в Гамбурге на афганскую аудиторию передается 7 программ; в Москве — с февраля 1997 г. действовал телевизионный канал «Ариана Афганистан»), то можно представить объем и масштабы деятельности эмигрантских СМИ.

Афганская эмигрантская пресса, впрочем, как и всякая другая, — полифункциональна. Прежде всего, она выполняет коммуникативную функцию: в пределах диаспоры идет достаточно интенсивный обмен печатными изданиями, выходящими в разных странах мира, что позволяет эмигрантам быть в курсе событий, происходящих в тех или иных афганских общинах за рубежом. Так, по утверждению (может быть и несколько преувеличенному) издателей эмигрантского журнала «Дева», выходящего в Лондоне, их издание читают афганские эмигранты в самых различных районах мира: «от Вашингто-

на до Торонто, от Дели до Пешавара, от Сиднея до Эр-Рияда и от Осло до Москвы» [173]. Появление системы «Интернет», которой уже пользуются некоторые эмигрантские издания (в Москве бюллетень «Гиндукуш») открыло новые возможности для оперативного обмена информацией.

Печатные издания афганской эмиграции не ограничивали свою коммуникативную функцию пределами диаспоры, а всегда стремились проникнуть и в Афганистан. Напомним, что главной задачей прессы танзимов времен джихада было ведение целенаправленной пропаганды именно на население Афганистана. Однако если танзимские издания переправлялись в страну нелегально, то эмигрантская пресса афганского зарубежья и в годы войны вполне легально поступала в Афганистан, вплоть до падения режима Наджибуллы. Укажем лишь на один факт. В кабульской газете «Яхак» («Истина» — издатель Мухаммад Тахер Мохсени) 20 января 1992 г. было опубликовано письмо пресс-секретаря премьер-министра Ф. Халекияра издателю эмигрантского журнала «Аинейе Афганестан» С.Х. Хашемиану, который обратился к Ф. Халекияру с жалобой на то, что при получении его журнала подписчиками в Афганистане Министерство связи чинит всевозможные препятствия. В указанном письме сообщалось, что премьер-министр, руководствуясь статьями Конституции и курсом правительства на развитие демократии, дал указание соответствующим ведомствам не только не препятствовать поступлению журнала «Аинейе Афганестан», но и создать условия для беспрепятственного получения любой другой печатной продукции, поступающей в адрес афганских читателей из-за рубежа [174].

Эмигрантская пресса продолжала поступать в Афганистан и при режиме Б. Раббани. Так, по устной информации Латифа Баханда, издателя газеты «Замана», он регулярно направлял свою газету в университеты Кабула, Нанграхара, а также в администрацию А.Р.Дустома. По его же словам, уже при талибах в Кабул, Джалалабад, Кандагар направлялись такие эмигрантские газеты и журналы, как «Вафа», «Муджахид вулус», «Аинейе Афганестан».

Разумеется, во всех случаях основной функцией эмигрантской прессы было и остается использование ее в качест-

ве инструмента пропаганды и средства идеологической обработки общественного сознания. В борьбе за влияние на общественность каждая из политических группировок стремилась внедрить в сознание своих читателей идеи и взгляды, которые отвечали ее интересам, и привлечь на свою сторону как можно большее число сторонников. В частности, нет сомнения, что в обострении межнациональных отношений и расколе афганской диаспоры не последнюю роль сыграла эмигрантская пресса.

Что касается ее влияния на формирование общественного сознания в самом Афганистане, то необходимо учитывать то обстоятельство, что печатные органы государственной власти, при режиме НДПА (да и Б. Раббани) не играли сколь-нибудь существенной роли в жизни общества и фактически не оказывали влияния на общественное сознание. На фоне бесцветной и однообразной пропаганды официальных печатных органов интерес к эмигрантским изданиям всегда был более сильным, а влияние их на массы более эффективным.

Одним из последних примеров эффективности пропаганды эмигрантской прессы может служить кампания, развернувшаяся вокруг талибов. На наш взгляд, поддержкой большей части населения, особенно на начальном этапе, движение «Талибан» в немалой степени обязано пропагандистским усилиям некоторых эмигрантских изданий, создавших вокруг талибов ореол «борцов за народное счастье», якобы явившихся, чтобы избавить афганцев от «угнетателей и грабителей».

Наконец, эмигрантские печатные издания исполняют функцию информационного источника, являются своего рода базой данных, зафиксировавших хронологию социально-политических процессов на данном этапе развития афганского общества. Анализ этих процессов, отражающих весь спектр политических тенденций в диаспоре, позволил прийти к выводу, что сегодня главным событием в ее жизни стал раскол интеллектуально-политической элиты эмиграции на три основных лагеря: сторонников движения «Талибан», союзников «Северной коалиции» и приверженцев так называемой «третьей силы», между которыми идет идейно-политическая борьба, усугубленная этнорелигиозными факторами.

Подводя итоги вышесказанному, хотелось подчеркнуть главное. Афганская эмигрантская пресса с момента своего возникновения играла важную пропагандистскую роль и, как нам представляется, даже после окончания войны, еще долгое время сохранит свое значение и будет по-прежнему оказывать существенное воздействие на общественное сознание афганского общества как за рубежом, так и в самом Афганистане.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Добавление к Докладу Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. ООН, Нью-Йорк, 1993, с.11; Доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. ООН, Нью-Йорк, 1994, с.37.

2. Беженцы, изд. УВ КБ ООН, М., ЗАО «Интердиалект», февр. 1997, с.4-5.

3. См. Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984, с.651-660; *Спольников В. Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987, с.46-48, 158; *Бойко В.* Афганская диаспора: облик и судьбы. — Азия и Африка сегодня, №10, 1995, с.37-44; *Ляховский А. А.* Трагедия и доблесть Афгана. М., 1995, с.227-228; *Асмаи*, №1, ФРГ, 1997, с.5; *Хпылваки*, № 4, Пешавар, 1995, с.96; *Хпылваки*, №1, 1994, с.57; *Хпылваки*, №42, 1994, с.100; *Мухаджир жвандун*, № 1, М., 1996, с.1; *Недаёе солх*, № 27-28, США, 1997.

4. *И. Наби* в своей работе «The changing role of Islam as a unifying force in Afghanistan», вошедшей в книгу: «The state, religion and ethnic politics. Afghanistan, Iran and Pakistan», с.140 упоминает эмигрантскую газету «Адалат-о-джанг» («Справедливость и война»), издававшуюся в 1975 г. в Пакистане фундаменталистской организацией «Сазмане муджахедине федаёе халке Афганестан».

5. Афган миллат, №12, июль 1988.

6. Хорасан, № 10-11, янв.-февр. 1989, с.57.

7. *Шабакханг*, Базсазийе нехадхайе фархангийе Афганестан, Пешавар, 1995, с.100.

8. *Asta Olesen*, Islam and politics in Afghanistan. - Gurzon press, 1995, p.282.

9. Хорасан, № 10-11, янв.-февр. 1989, с.56.

10. Там же, с.55.

11. *Спольников В. Н.* Афганистан: исламская контрреволюция. Приложение №5, с.215-216.

12. *Спольников В. Н.*, там же, с.209.

13. *Шабханг*, указ. соч., с.88.
14. Там же, с.142.
15. Там же.
16. Подробнее см. статью *Босина Ю. В.* (при участии *Аристовой Л.Б.*) в сб.: *Западная Азия: этнополитическая ситуация*, М., 1993, с.118.
17. *Фарйаде ашура*, №98, 28.11.1996.
18. *Хорасан*, №10-11, янв.-февр., 1989, с.57.
19. *Шабханг*, указ. соч., с.144.
20. *Хпылваки*, №1, апр.-июнь 1994, с.2.
21. *Навид*, №7, июнь 1996.
22. *Намейе хабари Вахдат*, 20.06.1995.
23. Там же.
24. *Недаёе ислам*, 16.03.1993.
25. *Афган миллат*, №62-63, 16.02.1997.
26. *Хпылваки*, №1, 1994, с.34-35.
27. *Аинейе Афганестан*, №32, июнь-июль 1993, с.58.
28. Там же, обложка.
29. *Аинейе Афганестан*, №10, 9.10.1994, с.38.
30. *Казем С. А.* *Афганестан дар телсаме даирейе шайтанийе мосибат*, Пешавар, 1997, с.85-95.
31. *Афган миллат*, 25.06.1996.
32. Там же, 17.10.1995.
33. Там же, 25.06.1996.
34. Там же.
35. Там же, 6.07.1995.
36. Там же, 11.09.1995.
37. *Вафа*, 15.06.1995.
38. Там же, 31.07.1997.
39. Там же, 30.11.1996.
40. Там же, 15.09.1996.
41. Там же.
42. Там же, 31.11.1995.
43. *Хпылваки*, №3-4, октябрь 1995 — март 1996, с.90.
44. Там же, с.94-104.
45. *Муджахид вулус*, №228, август 1996.
46. Там же, №236, апрель 1997.
47. Там же, №225, май 1996.
48. Там же.
49. Там же, №234, февраль 1997.
50. Там же.

51. «*Сетаме мелли*» («*Национальный гнет*») — политическая группировка, созданная в 1968 г. бывшим членом НДПА таджиком Тахером Бадахши, которая провозгласила основой своей деятельности борьбу за интересы национальных меньшинств. Подробнее см.: *Актуальные проблемы афганской революции*. М., 1984, с.484-486.
52. *Муджахид вулус*, №217, октябрь 1995.
53. Там же, №225, май 1996.
54. Там же, №228, август 1996.
55. Там же, №234, февраль 1997.
56. Там же.
57. *Сабавун*, №3, апрель 1994, с.5-8; 17-19; 25-27.
58. Там же, 22.11.1996, с.7.
59. Там же, с.23, 24.
60. *Омид*, 10.02.1997.
61. Там же, 28.07.1997.
62. Там же, 24.10.1994.
63. Там же, 28.07.1997.
64. Там же, 11.09.1995.
65. Там же.
66. Там же.
67. Там же.
68. *Хорасан*, №3, октябрь 1989, с.5.
69. Там же, с.9.
70. Там же, с.21.
71. Там же, с.18,19.
72. Там же, №11-12, январь-февраль 1989, с.50.
73. *Аманат*, №1, март-апрель 1995.
74. *Навайе бамдад*, №9, октябрь-ноябрь 1995.
75. Там же.
76. Там же.
77. *Тасфир*, №1, октябрь 1995.
78. *Асри барайе адалат*, 1.04.1997, с.9.
79. Там же, с.47.
80. Там же, с.49.
81. Подробнее см.: *Asta Olesen, Islam and Politics in Afghanistan*, Gurzon press, 1995, с.229-230, 253.
82. *Фарйаде ашура*, 28.11.1996.
83. Там же.
84. *Фатх*, 26.12.1992.
85. Там же.

86. Шахадат, 10.10.1995.
87. Там же, 27.03.1994.
88. *Спольников В. Н.* Афганистан: исламская контрреволюция, М., 1987, с.97-98.
89. Шахадат, 10.10.1995.
90. Там же, 12.10.1995.
91. Там же, 12.07.1995.
92. «Шолейе джавид» («Вечное пламя») — ультралевая промаоистская группировка, костяк которой составляли отколовшиеся от НДПА члены партии; выражала интересы непутунских этнических групп. Подробнее см.: Актуальные проблемы афганской революции. М., 1984, с.490-500.
93. Пайаме зан, №33-34, март-июль 1993, с.34.
94. Там же, №38, октябрь 1994, с.27.
95. Там же, №44, сентябрь 1996, с.88.
96. Там же, с.2.
97. Там же, №33-34, март-июль 1993, с.17.
98. Аль-Бадр, 31.10.1997.
99. Там же.
100. Там же.
101. *Asta Olesen*, Islam and politics in Afghanistan, с.253.
102. Белаг, №26, март 1995.
103. Там же, №51, август 1996.
104. Там же.
105. Там же.
106. Недаёе калям, 2.03.1997.
107. Там же.
108. Там же.
109. Мусафер», №2-4, июль-август 1997.
110. Хафт руз, 3.06.1997.
111. Аваз, №1, 7.07.1997.
112. Там же.
113. Хафт руз, 10.09.1997.
114. Замана, 31.05.1997.
115. Там же, 12.07.1997.
116. Там же, 26.05.1997.
117. Там же, 31.05.1997.
118. Там же.
119. Афган, №5-6, март-май 1997.
120. Хафт руз, 4.06.1997.
121. Замана, 31.05.1997.

122. Там же, 7.06.1997.
123. Там же, 31.05.1997.
124. Там же, 26.05.1997.
125. Там же, 8.08.1997.
126. Рисалат, №3, ноябрь-декабрь 1995.
127. Там же, №5, март 1997.
128. Там же, №3, ноябрь-декабрь 1995.
129. Там же, №5, март 1997.
130. Там же.
131. Хафт руз, 26.11.1997.
132. Там же, 19.09.1997.
133. Там же, 4.11.1997.
134. Там же, 27.08.1997.
135. Там же, 06.1997.
136. Там же, 4.11.1997.
137. Там же, 06.1997; 8.08.1997; 10.09.1997.
138. Пайаме зан, октябрь, 1994, с.64.
139. Афган миллат, №13-14, август-сентябрь 1988. См. также: *Спольников В. Н.* Афганистан: исламская контрреволюция, М., 1987, с.96-100.
140. Недаёе солх, №27-29, май-июль 1997.
141. Вафа, 31.07.1997.
142. Вахдат, № 1, октябрь 1997.
143. *Амин А. Р.* «Дъ афгани толыне дъ заамат хала», Пешавар, 1995, с.58-61.
144. Вафа, 25.05.1994.
145. Хавра, 22.11.1997.
146. Хорасан, № 10-11, январь-февраль 1989, с.8.
147. Вафа, 22.02.1995.
148. Аваз, 12.09.1995.
149. Рисалат, № 3, октябрь-ноябрь 1995.
150. Рисалат, № 5, март 1997.
151. Афган миллат, 16.02.1997.
153. Вафа, 15.03.1997.
153. Талибан: аз мадрасе та хокумат, Вашингтон, 1995, с.49-50.
154. Хиндукуш, 11.04.1997.
155. Вафа, 31.06.1997.
156. Недаёе калям, 2.03.1997.
157. *Asta Olesen*. Islam and politics in Afghanistan, с.288.
158. Вафа, 15.03.1997.

159. Вахдат, №1, октябрь 1997.
160. Муджахид вулус, №236, апрель 1997.
161. Вафа, 15.03.1997.
162. Аваз, 28.10.1997.
163. Кабул, 27.12.1993.
164. Пайаме зан, №38, октябрь 1994, с.59.
165. Аль-Бадр, октябрь 1994.
166. Замана, 16.09.1997.
167. Вахдат, 6.09.1994.
168. Муджахид вулус, №255, май 1996.
169. Тулуйи афган, 15.03.1997.
170. Вафа, 31.07.1997.
171. Кабул, 31.05.1993.
172. Эмрузе ма, 30.11.1997.
173. Дева, №1, январь 1995.
174. Яхак, 20.01.1992.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень некоторых газет и журналов, в разное время издававшихся афганскими эмигрантами

1. «Аваз» («Голос») — еженедельная газета на языке дари и пушту, выходила в Москве с августа 1997 г. Издатель и ответственный редактор — Яр Мухаммад Тараки. «Аваз» осуждала бытующие среди части эмигрантской интеллигенции в России «националистические и сепаратистские тенденции, левый и правый уклон», выступала за унитарное афганское государство и призывала к восстановлению централизованной системы власти. Придерживалась пропуштунской, проталибской ориентации.

2. «Аль-Собх» («Утро») — печатный орган Исламской партии Афганистана Г. Хекматъяра. Газета, основанная в 1982 г., издавалась в Бонне (ФРГ) на языках дари и пушту. Основное направление — пропаганда личности Г. Хекматъяра, его взглядов на построение в Афганистане исламского государства и позиции по вопросу урегулирования конфликта.

3. «Арман» («Заветная мечта») — печатный орган Совета взаимопонимания и национального единства Афганистана, издается в Пакистане. Нынешний председатель Совета — Сайид Исхак Гиляни. Издание является выразителем интересов «умеренных, миролюбивых» сил («третья сила»); сторонником бывшего короля Мухаммада Захир-шаха, которого считает единственной личностью, способной объединить нацию и добиться гражданского согласия; активно пропагандирует его мирные инициативы.

4. «Асмаи» (название горы в Кабуле) — ежеквартальный литературно-художественный журнал. Печатается в ФРГ с января 1997 г. на языках дари и пушту. Ответственный редак-

тор — Мухаммад Азам Обейди. Журнал называет себя «национальным, независимым» изданием, предназначенным для семейного чтения, в основном освещает жизнь афганских беженцев в Германии; выступает за «мирный, свободный, независимый, единый Афганистан, за братство и единство всех народов этой страны».

5. «Афган» («Афганец») — газета. Публиковалась в Москве с января 1997 г. на языках дари и пушту. Издатель — Асл Мир Патанг — называл ее выразителем мнения всех «просвещенных и нейтральных» сил. По заявлению газеты, ее основная задача — способствовать объединению всех партий и группировок с целью прекращения войны и возрождения страны, создания правительства на широкой основе. «Афган» выступала с панпуштунских позиций, поддерживала движение «Талибан».

6. «Афган ньюс» («Афганские новости») — печатный орган Афганской прогрессивной демократической партии — «Масават» («Равенство»). Партия была создана в 70-е годы бывшим премьер-министром М.Х. Мейвандвалем. Предлагала эволюционный социалистический путь развития общества и создание в Афганистане парламентской республики. «Афган ньюс» основана приблизительно в 1978-1980 гг., издавалась в США на дари и английском языках. Поддерживала бывшего короля и выступала за построение в Афганистане демократического государства.

7. «Афган джихад» («Афганский джихад») — ежеквартальный журнал, выпускается в США на языках пушту и дари от имени Культурного Совета афганского джихада. Был основан в 1987 г. в Пешаваре Сабахуддином Кушкаки, бывшим издателем кабульской газеты «Караван» и бывшим министром информации в правительстве премьер-министра Муссы Шафика; С. Кушкаки — сторонник Мухаммада Захир-шаха. Газета «Афган миллат» обвиняла издателя в принадлежности к «антинациональным и реакционным кругам».

8. «Ахбар» («Новости») — газета. Основана в Москве в декабре 1996 г., издавалась на языке дари. Издательская группа: Фарук Фарда, Хазрат Вахриз, Фарид Арванд. «Ахбар» в основном публиковала текущую информацию из Афганистана. Продолжающуюся войну называла борьбой за «власть и деньги», призывала к национальному объединению и обеспечению прав всех этнических групп.

9. «Бахир» («Поток») — газета на языках дари и пушту, издается в Санкт-Петербурге с июля 1997 г. Главный редактор — Мухаммад Ариф Хасан. Газета называла себя «свободной и независимой», ставила своей целью популяризацию «литературных, исторических, юридических и других культурных знаний», выступала за «единый и независимый Афганистан», а продолжающийся конфликт объясняла исключительно происками внешних сил и предлагала решать его на основе ислама и национальных традиций.

10. «Бунйад» («Фонд») — еженедельная газета. Издается в Дели с лета 1997 г. Фондом культуры и цивилизации Афганистана на языках пушту и дари. Ответственный редактор — Абдулахад Торкмани, бывший сотрудник газеты «Навайе бамдад». Издание ставит своей целью «просвещение общества путем распространения правдивой информации». Критикует «воинствующие группировки, пренебрегающие общенациональными интересами ради своих корыстных целей».

11. «Вахдат» — еженедельная газета. Издавалась в Москве Мухаммадом Мусой Акрами на языках дари и пушту. Считает себя преемницей газеты, созданной в 1966 г. в Кабуле мауланой Халь Мухаммадом Хаста. «Вахдат» называла себя «свободным» изданием, «не связанным ни с какими политическими организациями и муджахедскими танзимами», поддерживала бывшего короля и его мирные инициативы, придерживалась панпуштунских взглядов, не признавала требования этнических меньшинств предоставить им равные с пуштунами права, этно-национальную проблему страны называла «заразной болезнью», занесенной иностранцами.

12. «Вахдате мелли» («Национальное единство») — еженедельная газета. Издавалась в Москве на языках дари и пушту с 1997 г.; издатель — Ясин Сиддики. Называла себя «защитником мира, демократии и национального единства в Афганистане». Политический рупор сторонников покойного лидера НДПА Бабрака Кармалы.

13. «Дават» («Приглашение») — ежемесячный журнал, выходит на пушту и английском языках в Норвегии. Издатель — М. Тарик Базгар. В афганском конфликте претендует на нейтралитет, поддерживает идею коалиционного правительства.

14. «Дар рахе солх» («По пути мира») — ежемесячная газета на языке дари, издается в США (Калифорния) с 1992 г.

Абдул Тавабом Вахабом. Издание называет себя выразителем мнения «молчаливого большинства», является сторонником бывшего монарха Мухаммада Захир-шаха и противником муджахедов, в первую очередь правительства Б. Раббани. «Дар рахе солх» — сторонница политического плюрализма, выступает за проведение в стране всеобщих, свободных и тайных выборов при участии в них всех политических партий.

15. «*Дева*» («Светоч») — ежемесячный литературно-художественный журнал на языке пушту. Основан в 1993 г. афганскими эмигрантами в Лондоне. Издатель — Сайидджан Карвани. Журнал объединяет пуштунскую интеллигенцию, главным образом университетских преподавателей, писателей и поэтов, поддерживает деловые контакты с организациями пуштунских националистических кругов в эмиграции, например, Союзом писателей свободного Афганистана. «Дева» выражал несогласие с экстремистской политикой талибов в области образования, в первую очередь женского, которая, по словам журнала, «отпугивает от них интеллигенцию», и предупреждал талибов, что в результате подобной политики «молодое поколение афганцев останется неграмотным».

16. «*Джамийат*» («Общество») — официальный печатный орган Исламского общества Афганистана Б. Раббани в США, издатель — Мухаммад Тарик Базгар. Основное направление — всемерная популяризация деятельности ИОА и ее лидера Б. Раббани, критика его политических противников.

17. «*Джирга*» («Собрание») — печатный орган организации Движение за выборное правительство Афганистана, созданной в США бывшими высокопоставленными чиновниками королевского режима; одно время выступала за сотрудничество с режимом Б. Раббани, за что подвергалась критике со стороны пуштунских националистов, в частности журнала «Аинейе Афганестан».

18. «*Дъ вулус гаж*» («Голос народа») — информационный бюллетень, издаваемый в Англии на языках дари и пушту с 1994 г. генералом в отставке Рахматуллою Сафи. Бюллетень выступал как выразитель мнения «молчаливого большинства», бывшего короля Мухаммада Захир-шаха называл «милосердным, миролюбивым и добродетельным монархом, противником кровопролития», в годы правления которого народ жил в «мире и спокойствии». «Дъ вулус гаж» подвергал нападкам Б. Раббани и требовал его отставки, резко критически высту-

пал против А.Р. Дустома. Из всех лидеров муджахедов наиболее благосклонное отношение бюллетень демонстрировал к лидеру ИПА Г. Хекматъяру, которого характеризовал как человека, «имеющего свои принципы», личная жизнь которого заслуживает всяческой «похвалы и уважения». С появлением в Афганистане талибов, занял проталибскую позицию.

19. «*Исар*» («Жертва») — еженедельная газета на языках дари и пушту. Выходила в Москве с ноября 1997 г. Издатель — Шир Мухаммад Рустайи. Газета объявляла себя «независимой», «не связанной с политическими партиями и движениями». В своей издательской деятельности обещала руководствоваться «общечеловеческими, исламскими и национальными» ценностями. «Исар» осуждала продолжение войны и иностранного вмешательства, считала, что национальный вопрос в Афганистане может быть решен только на основе ислама; была сторонницей унитарного государства.

20. «*Иттихад ав амаль*» («Союз и действие») — газета на языках дари и пушту, выходила один раз в 2 недели, печатный орган «Бизнес-центра афганцев» в Москве. Ответственный редактор — Юсуф Хиваддуст. Газета выступала за «единство народов, целостность территории и независимость» Афганистана. Большинство публикаций было посвящено популяризации деятельности «Бизнес-центра» и освещению социально-экономических проблем афганских беженцев в России.

21. «*Лемы*» («Очи») — ежеквартальный литературно-художественный журнал на языке пушту, основан в ноябре 1996 г. Ответственные редакторы: Назиф Улла Такаль, с сентября 1997 г. — Казем Момтаз Арман. Журнал называет себя «свободным изданием, не связанным ни с одной политической группировкой или танзимом». В редакционной статье первого номера указывалось, что «несмотря на уважение ко всем народам, населяющим Афганистан, «Лемы» будет выходить только на языке пушту». Журнал популяризирует исключительно историю, «классическую и современную» литературу на языке пушту и считает своей главной задачей сохранение для молодого поколения афганцев ценностей пуштунской культуры. Призывает к примирению и объединению всех «патриотических сил».

22. «*Мама*» (аббревиатура от «Мактабе эбтедаийе мухаджиране афган» («Начальная школа для детей афганских беженцев»)), неперIODическая газета, выходила в Москве с апре-

ля 1997 г. Главный редактор — Сайид Азам Ахгар. Газета ставила своей целью воспитание афганских детей в духе патриотизма и уважения к национальной культуре.

23. «*Мусафер*» («Путешественник») — печатный орган Союза писателей Афганистана в Москве. Основатель и главный редактор — Сайид Азам Ахгар. Ежемесячная газета, называющая себя «литературным, художественным и информационным изданием», издавалась с мая-июня 1997 г. В качестве основных целей своей издательской политики провозглашала создание среди эмигрантов атмосферы «доброжелательности, сотрудничества и единодушия», далекой от любой дискриминации. «Мусафер» критиковала бывших руководителей НДПА, находившихся в Москве, за то, что они игнорируют проблемы афганских беженцев — членов НДПА — и не защищают их интересы. Газета также помещала критические материалы в адрес Б. Раббани и движения «Талибан».

24. «*Мухаджир жвандун*» («Жизнь эмигранта») — ежемесячный журнал на языках дари и пушту, начал печататься с 1996 г. в Москве, издатель — Латиф Баханд. Журнал называл себя «независимым» общественно-литературным изданием, предназначенным для «семейного» чтения, и обещал быть выразителем чаяний и надежд эмигрантов в Москве. Помимо информации о «бедственном» положении афганских беженцев, «Мухаджир жвандун» популяризировал афганскую литературу и культуру, публиковал художественные произведения афганских и иностранных авторов. Журнал призывал все эмигрантские издания стать действительно «четвертой силой», чтобы активной воздействовать на ситуацию в Афганистане.

25. «*Мухаббат*» («Любовь») — информационный бюллетень, выходит в Лондоне на языках дари и пушту с февраля — марта 1998 г. «Мухаббат» выступает под лозунгом: «Прощение, сострадание, мир и любовь для всех». Издатель не указывается. Пропагандируемая «Мухаббат» политическая платформа включает в себя признание Афганистана «независимым, суверенным и унитарным» государством; предоставление равных социальных и политических прав всем этническим и религиозным группам, населяющим страну; обеспечение демократии на основе верховенства закона и «национальных, исламских традиций». Бюллетень выступает против любой диктатуры, за соблюдение прав личности в Афганистане на основе Всеобщей декларации прав человека и Устава ООН и осуж-

дает политику сил, «закрывающих женские школы и запрещающие женщинам работать». «Мухаббат» обращается с призывом к эмигрантской интеллигенции объединить свои усилия в борьбе за мир в Афганистане.

26. «*Навид*» («Радостная весть») — ежемесячная литературно-информационная газета, основанная в 1995 г. Печатается в Москве на языках дари и пушту. Издатель — Фарук Фарда. Газета декларирует свою приверженность мирному решению конфликта на основе учета интересов всех наций Афганистана, поддерживает идею создания широкого фронта миролюбивых сил и созыва международной конференции по Афганистану. «Навид» была единственным эмигрантским изданием в Москве, публиковавшим материалы о бывшем президенте Наджибулле и требовавшим его освобождения. Демонстрируя свою «объективность», «Навид» публиковала материалы антагонистических политических сил, например обращения к афганскому народу генерала Шах Наваза Таная, руководителя организации «Движение за мир» Афганистана, и Мухаммада Башира Баглани, одного из лидеров Революционного общества трудящихся Афганистана.

27. «*Навайе собх*» («Утренняя песня») — печатный орган Культурного центра имени Фирдоуси в Москве, ежемесячная газета. Выходила до декабря 1996 г. на языках дари и пушту. Ответственный редактор — Мухаммад Омар Сиддики. «Навайе собх» в основном освещала положение афганских беженцев в России и ситуацию в Афганистане. Выступала в поддержку создания антиталибской коалиции.

28. «*Навайе солх*» («Песня мира») — еженедельная газета на языках дари и пушту, сменившая с декабря 1996 г. «Навайе собх». Издатель — Мухаммад Омар Сиддики. В первом номере газеты было заявлено, что она является «свободным» и «независимым» изданием, основная цель которого — стать «посланцем мира, дружбы» и добиваться взаимопонимания между эмигрантами. В борьбе между талибами и их противниками газета больше склонялась на сторону сил, составивших антиталибскую коалицию. В частности, газета публиковала заявления лидера НИДА — А.Р. Дустома, в которых движение «Талибан» называлось «антиисламским» и «антинациональным», а также помещала высказывания известных деятелей джихада с осуждением политики талибов, направленной на запрет женского образования и права женщин на работу.

29. «Неда» («Призыв») — газета на языках дари и пушту, выходила один раз в 2 недели с марта 1997 г. в Санкт-Петербурге. Главный редактор — Фазлрахим Рахим. Издатели называли свою газету «свободной, не связанной с политическими группировками и партиями», а главным направлением своей издательской деятельности считали сохранение и развитие ценностей «исламской, национальной» культуры. О религиозно-политической направленности «Неда» определенное представление дают публикации, посвященные одной из очередных годовщин ашурь, в которых это событие характеризовалось, как «победа крови над мечом», воодушевляющее мусульман на самопожертвование.

30. «Недаё солх» («Призыв мира») — печатный орган организации «Общество мира Афганистана», ежемесячная газета. Издается в США на языке дари примерно с середины 1995 г. Главный редактор — Мухаммад Разак Фани. Называет себя «независимым и нейтральным» изданием. Является сторонником Мухаммада Захир-шаха и популяризатором его мирного плана. Призывает все «умеренные и миролюбивые силы» объединиться в «Национальный фронт мира», поддерживает созыв Международной конференции по Афганистану под эгидой ООН. Выступает против монополизации власти в руках одной политической или этнической группировки, за целостность территории и национальное единство.

31. «Наубахар» («Ранняя весна») — литературно-художественный журнал, выходит один раз в 2 месяца на языке пушту. Печатный орган Общества афганских эмигрантов в Германии.

32. «Парасту» («Ласточка») — газета. Называла себя «частным, независимым» изданием, выходила в Москве 2 раза в месяц с августа 1996 г. на языках дари и пушту. Издатель — Хазрат Вахриз. Газета выступала в защиту интересов этнических и религиозных меньшинств, против всякого рода дискриминации.

33. «Пардес» («Скиталец») — первая эмигрантская газета в Москве, основана в марте 1994 г. Выходила на языках дари и пушту от имени Совета основателей культурной ассоциации Афганистана. Печаталась нерегулярно и вскоре прекратила издаваться. В основном освещала проблемы афганских эмигрантов в Москве и публиковала информацию о положении в Афганистане и вокруг него.

34. «Пайвастун» («Объединение») — ежемесячная газета. Издается в Мальмё (Швеция) Афганским культурным центром на языках дари и пушту. Ответственный редактор — Гулям Фарук, называющий свою газету «национальным, литературным и культурным» изданием. «Пайвастун» призвала к объединению всех афганцев в «единый национальный фронт» вне зависимости от их национальной принадлежности с целью построения в Афганистане «благочестивого, благодеющего и свободного общества».

35. «Растахиз» («Воскресение») — печатный орган Совета национального воскресения. Основана в Гамбурге (ФРГ) в октябре 1997 г. Газета придерживается демократических позиций, поддерживает принцип федерального устройства Афганистана.

36. «Рошани» («Свет») — ежеквартальный журнал, печатный орган Общества просветителей Афганистана. Создан в ФРГ в 1995 г. группой бывших членов НДПА — партии «Ватан». Ответственный редактор — Яхья Харун. Издатели называли «Рошани» рупором «демократических и свободомыслящих кругов афганской интеллигенции» и призвали всех эмигрантов, разделяющих демократические взгляды, включиться в дело политического просвещения народа, бороться за создание в Афганистане «свободного, светского, демократического государства».

37. «Садаф» («Жемчужная раковина») — «культурно-художественный и информационный» журнал. Был основан в октябре 1997 г. в Москве, печатался на языках дари и пушту. Основатель и ответственный редактор «Садаф» — Мухаммад Сайид Оракзай. Свое предназначение журнал видел в популяризации «древней и богатой культуры Афганистана», в проведении антивоенной пропаганды и ознакомлении мировой общественности с «трудным положением» Афганистана.

38. «Хавра» («Родная земля») — печатный орган религиозно-политической организации, называющей себя Исламский Совет народа Афганистана. Еженедельная газета, основана в середине 1997 г. Мотасембуллой Мазхаби, издателем газеты «Белаг»; выходит на языках дари и пушту. Пропагандирует догмат единобожия и идеологию панисламизма; выходит под лозунгами: «Мир, единобожие, справедливость, прогресс», «Любовь к родине — рождается из веры», «Национальное единство — гарантия сохранения независимости и целостности».

ности страны». Организация называет себя «общенациональной, исламской и демократической», декларирует свою неприимимость к расизму, сионизму, фашизму, шовинизму.

39. «Хила» («Надежда») — журнал на языке пушту. Издаётся один раз в 2 месяца в Дании. Ответственный редактор — Сафия Сиддики. Журнал называют себя «независимым», «социальным и культурным» изданием. Выражает взгляды пуштунских националистических кругов, близких по идейно-политической платформе группировке «Афган миллат», выступает в поддержку талибов.

40. «Хиндукуш» («Гиндукуш») — информационный бюллетень. С 1996 г. печатается в Москве. Издатель и ответственный редактор — Фаиз Мухаммад Савиз. Бюллетень публикует на языках дари и пушту материалы западных информационных агентств, радиостанций и газет о событиях в Афганистане и вокруг него.

SUMMARY

The book presents an analyses of Afghan emigration press that emerged outside the country during the protracted war in Afghanistan as well as in the years of 1973, 1978-1979 and 1992 when a great number of Afghans left their homeland. The author classifies papers and magazines that have been published in Asia, Europe and America by Afghan emigrants and divides them into seven groups according to their political, ethnic and religious characteristics. It helps to understand what circles of those Afghans are the most politically influential among all Afghan emigrants. The book shows that significant processes developing in Afghanistan today, particularly after Taliban movement appeared on the domestic political scene, entail the split of politically active emigrants into three main forces — pro-talib, anti-talib and «moderate» (supporters of the «third force»).

One of the chapters of the book analyzes the emigrants' press in Russia, that indicates general situation among Afghan emigration in this country. This press couldn't but split on the ground of its political and ethnic traits either. Analyzing publications in Afghan emigration press, the author considers possible means of the Afghan conflict solution and the way different emigrants' circles could participate in social and political life of future Afghanistan.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. Зарождение эмигрантской прессы. Печатные органы танзимов	9
ГЛАВА II. Эмигрантская пресса после 1992 г. Политические ориентиры	19
ГЛАВА III. Эмигрантская пресса в России	85
ГЛАВА IV. Политическая ситуация в диаспоре. Эмиграция и будущий Афганистан	107
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	127
ПРИМЕЧАНИЯ	131
ПРИЛОЖЕНИЕ	137
SUMMARY	147

Научное издание

Руслан Романович Сикоев

Пресса афганской эмиграции

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Редактор *М. Я. Колесник*

ЛР № 040753 от 10 апреля 1996 г.

Сдано в набор 15.04.99. Подписано к печати 30.06.99
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 9,5. Уч.-изд. л. 10. Тираж 250 экз.
Заказ № 1298

Институт востоковедения РАН
103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом *Ю. В. Чудодеев*

Макет и компьютерная верстка
ЗАО Фундамента Пресс
fpress@mail.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
Академиздатцентра «Наука РАН»
121099, Москва, Шубинский пер., 6